

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

АРХЕОЛОГИЯ
И
ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

ВЫПУСК
5

НАЛЬЧИК • 2015

УДК – 902(470.6)+39(470.6)
ББК – 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А – 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович,
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович,
кандидат исторических наук, доцент

Археология и этнология Северного Кавказа: Сборник
А – 87 научных трудов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. –
Вып. 5. – 132 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В нем публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Сборник предназначен для специалистов-археологов и этнологов, историков других специальностей, музейных работников, преподавателей вузов и школ, краеведов, студентов, широкую аудиторию читателей.

На обложке – изображение серебряной рельефной пластины от горита с золотыми накладками (Семибратний курган № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж) и на титуле – серебряный позолоченый фалар (Курган у гор. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

ISBN 978-5-91766-104-9

© КБИГИ, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

ARCHEOLOGY
AND
ETHNOLOGY
OF THE NORTH
CAUCASUS

ISSUE
5

NALCHIK • 2015

UDK – 902(470.6)+39(470.6)
BBK – 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A – 87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
doctor of historical sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
candidate of historical sciences, assistant professor

A – 87 Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection
of research papers. – Nalchik: Issuing office of KBIHR, 2015. –
Issue 5. 132 p.

Subject collection includes articles developing topical questions of archeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. the Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovka town, 1968. Krasnodar museum).

ISBN 978-5-91766-104-9

© KBIHR, 2015

Содержание

<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). О нравственно-экологических проблемах устойчивого развития города Нальчика	6
<i>Бурков С.Б.</i> (г. Владикавказ). К вопросу об установлении временных границ и этапов в изучении эпохи раннего железного века (на материалах Чечни)	25
<i>Кодзоев Н.Д.</i> (г. Назрань). Башенное поселение Хамхи	38
<i>Озова Ф.А.</i> (г. Черкесск). Торговля тканями и одеждой в Черкесии (X–XVIII вв.)	54
<i>Остахов А.А.</i> (г. Североморск). Тактика полевых сражений у черкесов (XVII–XIX вв.)	71
<i>Прокопенко Ю.А.</i> (г. Ставрополь) Этапы распространения предметов христианской символики в Центральном Предкавказье в VI–XIII вв.	79
<i>Соколова А.Н.</i> (г. Майкоп). Сакральные представления в культуре современных западных адыгов	88
<i>Туаллагов А.А.</i> (г. Владикавказ) О некоторых археолого-этнографических параллелях	98
<i>Фоменко В.А.</i> (г. Нальчик) Могильник XIV–XV вв. у сел. Заюково в среднем течении реки Баксан (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК)	120
<i>Сведения об авторах</i>	127

УДК – 33(470.64)

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

О НРАВСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА НАЛЬЧИКА*

Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики в составе Российской Федерации, по праву считается одним из самых крупных и красивых городов Северного Кавказа, развитым промышленным и культурным центром Юга России. Остаются вместе с тем проблемы дальнейшего развития и обустройства города, превращения его территории в культурный ландшафт высокого качества. Среди них проблемы архитектурно-эстетического облика городской среды, духовно-нравственных центров и памятных мест, национального характера и развития общей культуры и др.

Ключевые слова: культурный ландшафт, городская среда, качество жизни, строительство жилых и общественных зданий, инфраструктура, видеоэкология, общественное настроение.

Страницы истории

Город Нальчик представляет интерес как столица Кабардино-Балкарской Республики, как сравнительно недавно созданный, динамично развивающийся административный центр одного из 85 регионов Российской Федерации и одной из шести республик Северокавказского федерального округа.

Освоение земель и строительство поселений на территории и в окрестностях города началось еще в период неолита и ранней бронзы. Об этом свидетельствуют датированное IV тыс. до н.э. Агубековское поселение в районе нынешнего Затишья¹ и Долинское селище III тыс. до н.э.². Поселения состояли из разбросанных на значительном расстоянии друг от друга турлучных домов. По типу эти сооружения напоминали жилища, которые сохранялись у адыгов и других народов Кавказа вплоть до наших дней³. Свободные промежутки между домами использовались, видимо, для земледелия.

О постоянном и никогда не прерывавшемся присутствии адыгских поселений в окрестностях Нальчика свидетельствует большое курганное поле между бывшим дачным поселком Долинским и районом, где располагается сейчас Турбаза. Разнообразные по содержанию и внешним признакам, эти могильники включают в себя курганы старокабардинской культуры и охватывают в целом период с III тыс. до н.э. до XVII столетия н.э.⁴. Самые ранние поселения и захоронения периода IV–III тыс. до н.э. относятся к варианту знаменитой майкопско-новосвободненской культуры⁵.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 13-06-00666, «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона (на примере Кабардино-Балкарии)».

Селения Восточной Кабарды располагались здесь с незапамятных времен. Согласно архивным данным первой половины XVIII в., их было около двух десятков: Таова, Багырсова, Выкова, Токуланова (Тогланова), Глостанакова, Агзагова, Казаноква, Кошпрокова, Беева, Карабова, Мекенева, Клишбиева, Кожокова и др.⁶ Имеется также составленный секретарем Кабардинского временного суда Я.М. Шардановым список земель, которыми владели кабардинские князья и дворяне до 1818 г.:

«По ущелью в сторону реки Нальчика земля принадлежала князю Кильчукину. Ниже в сторону Нальчика земля принадлежала бежавшему узденю Хаджи-Шолох Элькабанову. Начиная от крепости Нальчика – узденям Багирсовым, бежавшим за Кубань. По левую сторону реки Нальчика, начиная от крепости Нальчика, вверх – узденям Глостаноквым, бежавшим за Кубань. Вверх по Нальчику – князю Бекмурзе Кайтукину. Переправясь Нальчик по Белой Речке – узденям Вуковым, бежавшим за Кубань. Выше – умершему князю полковнику Хаджи Хамурзину и князю умершему Салатгериеву. По левую сторону Нальчика между оным и Белою Речкою – узденю Окову. Ниже крепости по левую сторону Нальчика до речки Шалухи – узденям Тоглановым». По данным начала XIX в., т.е. до построения крепости, здесь находились «аулы Кудаева, Гужежева, Тогланова, Атласкирова, Клишпиева»⁷.

По архивным данным, которые приводит Р.Х. Гутов, в начале XIX в. в ауле Токуланова располагалась резиденция главного князя Кабарды Кучука Джанхотова. Ссылаясь на документ, подписанный Кучуком Джанхотовым 13 марта 1809 г. и помеченный записью о том, что он составлен в «Ур. Нальчик»⁸, Р.Х. Гутов приходит к выводу: аул Токуланова (Тогланова) был длительное время официальным административно-политическим центром Кабарды. Такого же мнения придерживались Х.М. Думанов и Р.У. Туганов⁹.

Первое документальное упоминание Нальчика как населенного пункта относят к 1745 г. и этот год рассматривается и отмечается в качестве даты основания города¹⁰. В 1818 г. Нальчик был превращен в русскую крепость а, начиная с 1822 г. длительное время развивался как военное поселение и административный центр Кабарды. В 1862 г. из военного поселения и близлежащего горско-еврейского (татского) поселка переселенцев (1825–1847) из Дагестана была образована слобода Нальчик. В 1863 г. к ней была присоединена Александровская немецкая колония, образованная в 1852 г. немецкими колонистами из Саратовской губернии.

В 1871 г. слобода Нальчик из военного ведомства перешла в гражданское¹¹ и стала центром Кабардинского, а затем Нальчикского округа Терской области. В 1914 г. население Нальчика составляло 7589 человек, из них: русских 4280, кабардинцев – 240, грузин, армян, кумыков, горских евреев и других национальностей – 3069 человек¹².

В сентябре 1921 г. Нальчик получил статус города и одновременно – столицы Кабардинской автономной области¹³, затем – столицы Кабардино-Балкарской Автономной Республики в составе РСФСР. За это время численность города увеличилась в десятки раз, разрослась его территория, неузнаваемо преобразился весь облик столицы. В настоящее время – это современный город, численность которого 258 тыс. человек. Нальчик по праву считается одним из самых крупных городов Северного Кавказа, развитым промышленным и культурным центром Юга России. Расположенный в живописной долине реки с одноименным названием, Нальчик очень красив и

защищен лесистыми холмами от ветров, ураганов, смерчей. Дожди, даже очень сильные, редко приводят к наводнениям и затоплению города.

Есть и остаются вместе с тем проблемы дальнейшего развития и обустройства города, превращения его территории, включая окрестности, в культурный ландшафт высокого качества.

Проблема духовно-нравственных центров и памятных мест

Культурный ландшафт – результат рациональной, духовно-нравственной и материальной организации дикой природы. Способы и формы такой организации несут на себе печать традиций, вкусов, предпочтений народов, длительное время проживающих на данной территории. Открывается своего рода материализованная картина мира различных сообществ. В географии и этнологии культурный ландшафт не зря рассматривают как продукт освоения и обустройства этническим сообществом «своего» пространства, первичной, внешней по отношению к человеку природной среды¹⁴.

Определенное духовно-нравственное и символическое значение имеют также представления о сакральных, культурно-исторических центрах территории, объединяющих местное сообщество – постоянных жителей данной территории. В культурном пространстве Нальчика таким центром можно считать сооружение Сосруко – героя, который, согласно эпическим нартским сказаниям, возвратил похищенный великанами огонь или свет погруженному во тьму народу. Возвратил, кроме того, семена проса, основной земледельческой культуры древних жителей Кавказа. Сосруко – это образ истинно народного героя, рыцаря, воина, стоящего на страже интересов Родины.

Комплекс хорошо вписывается в природный ландшафт. Сосруко стоит на возвышенности, нависающей над городом, с факелом в вытянутой руке. Создается впечатление, что перед нами живительный, всепобеждающий огонь, отвращающий от города беды и невзгоды. Сооружение ассоциируется в силу этих причин с палладием – со статуей вооруженного божества, охраняющего безопасность города. В ясную погоду с площадки перед Сосруко хорошо видны снежные вершины Кавказа. Виден как на ладони весь город в окаймлении белоснежных гор, лесистых холмов и садов. Выстроившись вокруг столицы в виде подковы, они стоят как безмолвные часовые, надежно охраняющие мир и покой жителей столицы.

В целом комплекс Сосруко предстает перед нами как духовно-нравственная доминанта столицы, как символ ее мужского, сильного, побеждающего начала. Комплекс, связанный с городом канатной дорогой, охотно посещают туристы, жители и гости столицы. В дни бракосочетаний сюда приезжают жених и невеста в сопровождении большой группы молодых людей; устраиваются танцы, произносятся речи в честь новобрачных, родного города, республики. С учетом всего сказанного хорошо бы пересмотреть концепцию сооружения. Сейчас – это прежде всего ресторанный комплекс с прекрасным видом раскинувшегося внизу (в живописной долине) города. Но при желании нетрудно сделать так, чтобы ресторан стал лишь малой частью большого культурного центра с музеями, художественными галереями, концертным залом, выставками и т.д.

Конечно, эти предложения нуждаются в обсуждении, детальной проработке, в оценке специалистов. На роль культурно-исторических центров Нальчика могут претендовать и другие места и объекты. Специального внимания заслуживают в данной связи не только проблемы социальной символики, но и концепции города Нальчика. Эти вопросы, насколько нам известно, всерьез и на должном уровне не поднимались. В течение многих десятилетий Нальчик застраивался без сколько-нибудь осмысленного плана, с многочисленными нарушениями градостроительных критериев. Стало очевидно, что город постепенно теряет свое лицо, превращается в нагромождение безликих сумрачных домов и улиц, с серой массой утрюмых, озабоченных горожан.

Но мы привыкли считать и считаем Нальчик самым красивым, уютным и чистым городом на Северном Кавказе. Таковую славу снискал он еще в 50–60-е гг. прошлого века благодаря культурному ландшафту, созданному парком, добротными и оригинальными дореволюционными постройками, профессиональной планировкой и качественным строительством довоенных времен, отдельными сравнительно удачными сооружениями 50 – начала 80-х гг. Визитной карточкой города были и остаются здания Дома Советов, железнодорожного вокзала, драматического и музыкального театров, Государственного университета, Курзала, Турбазы, Дворца профсоюзов, республиканской библиотеки им. Крупской, Дома печати, поликлиники № 1 и др. Украшением города стали его площади: Площадь Марии Темрюковны, Площадь Согласия, Площадь Абхазии. Восхищение вызывает у нальчан и гостей столицы Зеленый театр с его окрестностями, с прекрасным видом на снежные вершины. Любимым местом отдыха гостей и жителей столицы является городской природный парк с оригинальным и интригующим названием Атажукинский сад. В последние годы прилегающая к городу северо-западная часть парка обновилась, преобразилась, стала еще краше.

Неплохо вписались в городскую среду здания Дворца профсоюзов, Государственного концертного зала, Соборной мечети и православной церкви. Все лучше и лучше смотрятся недавно достроенные и модернизированные участки улиц Шогенцукова, Лермонтова, Кулиева, Ленина. В общем за редким исключением все, что находится вблизи Дома Советов, на расстоянии около двух-трех километров вокруг него, выглядит достаточно прилично. Видимо, еще и потому, что большей частью этот участок города построен и в основном задан еще до войны, на много лет вперед.

Но жизнь не стоит на месте, и мы видим, как с ростом и развитием культурного облика города многое изменилось и постоянно меняется. К сожалению, не только и не всегда в лучшую сторону. Например, при интенсивном движении транспорта не построено ни одного подземного перехода. Не всегда удачно и органично вписываются в городскую среду вновь открывающиеся торговые точки. Чаще всего они создаются на основе выкупленных квартир на первых этажах, без соблюдения градостроительных норм и стандартов, выбиваясь из общей застройки. Плохо, что тротуары, выложенные плиткой, перемежаются в этих местах с асфальтовым покрытием. Качество и тех, и других покрытий чаще всего низкое.

Об этом и о многом другом я писал и раньше, в различных статьях, посвященных проблемам устойчивого развития города¹⁵. Кажется, это имело определенный позитивный отклик и результат. Но большинство проблем остается.

Вспомним еще раз о Кабардинской улице и о районе, прилегающем к этой улице. Известно, что она была когда-то центральной и оставалась в этом статусе вплоть до начала 60-х гг. прошлого века. Многие горожане и гости Нальчика помнят или знают, что Кабардинская улица (до революции Большая, затем Воронцовская) была любимым местом встреч, отдыха и народных гуляний горожан. По вечерам езда на автомобилях по этой улице была запрещена. Многолюдная, веселая, ухоженная, к 17–18 часам она бывала заполнена толпами горожан. Теперь мы видим здесь пустынный, заброшенный, район с ветхими строениями, разбитыми пыльными дорогами и тротуарами. Уникальные здания кинотеатра «Победа» и Государственной филармонии на грани разрушения. Печать запустения лежит на некогда популярном и многолюдном Детском парке. Три-четыре многоэтажных дома, построенных на Кабардинской улице в последние годы, нисколько ее не украсили: непримечательные сами по себе и не вписываясь в атмосферу старого города, они только усилили впечатление запущенности района, с которого начинался когда-то Нальчик.

Большие вопросы вызывает примыкающее к Кабардинской улице здание гостиницы «Нальчик». Около 20 лет стоит оно на ремонте, с пустыми, черными проемами окон, с непонятно для чего выстроенной трехметровой оградой. То же касается других полуразрушенных или недостроенных зданий в этом районе. Среди них – недостроенное здание, которое более 10 лет стоит на месте разрушенного Летнего ресторана; огороженная забором летняя танцевальная площадка; громада Дворца театров. Ставший долгостроем Дворец театров возвышается над парком как живое напоминание и свидетельство безхозяйственности, нерационального использования территории. Особенно мрачно смотрится он со стороны главной аллеи Атажукинского сада. Стоило ли ради него выкорчевывать десятки уникальных деревьев, ликвидировать большой участок Комсомольской аллеи, уничтожать летний кинотеатр, великолепную детскую площадку с родничком? Ущерб, нанесенный в этом месте государству и жителям Нальчика, исчисляется многими миллиардами рублей.

Неизмеримо больше масштабы психологического ущерба, который наносят людям картины такого разрушения и запустения. Согласно законам, которые открывает для нас современная видеоэкология, недостроенное или оставленное без ремонта здание с разбитыми окнами создает эстетически агрессивную среду, провоцирует распущенность, мелкое хулиганство, вандализм, преступность. И это понятно: *неухоженный, испорченный грубым вмешательством человека ландшафт становится знаком вседозволенности, хаоса, моральной дезориентации и деструкции*. Не зря в современных зарубежных и отечественных фильмах такие районы и дома изображаются как места убийств, бандитских сходок и «стрелок».

Не всегда радуют жителей города многие, сравнительно новые скульптурные сооружения. Например, памятник Лермонтову – большая удача, чего не скажешь об установленном неподалеку в Садике Свободы огромном сооружении памяти адыгов – жертв геноцида в Кавказской войне. С памятниками Нальчику всегда не везло. Достаточно вспомнить памятники, ставшие в народе известными под названием «Фантомаса» – в районе «Горной», «Скелетонов в памперсах» – на площади Абхазии, «Ленина, играющего в боулинг» на площади перед домом правительства. Но памятник в Садике Свободы по своей нелепости затмил все другие. По замыслу он

должен был наполнить этот уютный уголок столицы новым, еще более богатым духовным содержанием, а на деле создал только еще один сегмент чуждой, негативной, агрессивной жизненной среды. И дело не только в его абстрактной, уродливой форме. Памятник слишком велик и никак не вписывается в узкое пространство аллеи Садика, создает большие неудобства для движения пешеходов. Каждый год 21 мая со всех концов города и республики, а также из-за рубежа сюда приходят огромные толпы людей, чтобы почтить память миллионов адыгов, уничтоженных и изгнанных с исторической родины. Но все собравшиеся здесь разместиться не могут. Может быть, как раз для этого такой неудобный памятник и был поставлен в таком неудобном месте, говорят жители города.

Иначе как актом вандализма не назовешь снос здесь же в Садике Свободы здания бывшего Временного Кабардинского суда. В 30–40 гг. XIX в. в этом здании заседали Якуб Шарданов и Шора Ногмов. В 1851 г. в нем была открыта первая светская «Кабардинская школа» (с 1859 г. – Нальчикская горская школа; с 1896 г. работала первая публичная библиотека. А в советские годы длительное время находился краеведческий музей. Все это не стало препятствием для варварского разрушения здания, которое могло оставаться памятником, запечатлевшим становление и развитие городской культуры в Нальчике.

Теперь этот район с полным на то основанием можно назвать памятником нравственно-экологической деструкции. Неподалеку от того места, где находился Временный Кабардинский суд, возведено здание казначейства. Выше этого места было снесено представлявшее историческую ценность здание Дома пионеров и построено не вписывающееся в местность ни по архитектуре, ни по смыслу здание Фонда соцстраха. В дополнение ко всему при входе в Садик разрушены оформлявшие начало архитектурного ансамбля великолепные, внушительного вида пропилеи и построены длинными рядами приземистые торговые точки. Достаивается сейчас что-то несуразное, похожее на очередное питейное заведение.

Похоже, что поставлена задача уничтожить Садик Свободы на корню. Недавно дирекцию КБИГИ принесли для подписи (в компании с некоторыми другими чиновниками) проект сноса (под предлогом установки на прежнем месте?) надгробных камней Ж. Казаноко и его супруги. При таком отношении к делу я не удивлюсь, что в один прекрасный день надгробные камни четы Казанокых исчезнут. Аналогичный опыт уже есть: в начале 80-х гг. прошлого столетия исчезла стоявшая на улице Пушкина перед КБИГИ чугунная плита, отлитая в XIX в. в честь восхождения на Эльбрус Килара Хаширова. Тогда с большим трудом удалось разыскать плиту и поставить ее на прежнее место.

Учитывая сказанное, Садик Свободы надо взять под охрану государства и перестроить с учетом естественной красоты, культурно-исторической значимости места, просьб и потребностей горожан. Желательно реанимировать высказывавшуюся много лет назад идею создания здесь музея и центра адыгской диаспоры; подумать об уместности танцзала и вновь созданных административных служб; о строительстве небольшой мечети, библиотеки и т.д. Наконец, нужно вернуть, официально и всенародно закрепить за этим местом его прекрасное название – Садик Свободы.

Улицы, дома, общественный транспорт

Центр культурной и деловой жизни переместился сейчас на проспект Ленина, на улицы Шогенцукова, Головки, Лермонтова, Кулиева, Кешокова. Но должного порядка нет в целом и здесь.

Большие неудобства создает отсутствие или малое число специальных стоянок для парковки машин. Бросаются в глаза пешеходные дороги, выстроенные и выложенные не по единому образцу, а как кому заблагорассудится. Раздражают скопления мусора, грязи и пыли во всех концах города, распространяющийся повсюду стойкий, неприятный запах. Снегоуборочной, мусороуборочной, поливочной техники не хватает. Кажется, ее вообще нет или не осталось. Отсутствие влажной уборки улиц (проезжей части и тротуаров) приводит к их запылению, вызывает неблагоприятное воздействие на органы дыхания и зрения. Сильно загрязняют воздух выхлопные газы. Но особенно вредны выбросы вредных химических веществ на Гидрометзаводе. Известно, что они ускоряют процессы старения горожан, резко увеличивают число онкологических заболеваний. По данным специалистов Минздрава КБР, в микрорайонах, расположенных вблизи санитарно-защитной зоны ОАО «Гидрометаллург» заболеваемость онкологическими болезнями в последнее время заметно возросла¹⁶. Хотя работа данного завода представляет для жителей Нальчика смертельную опасность, каких-либо мер, направленных на устранение или снижение этой опасности не предпринимается десятилетиями. Пустыми обещаниями остаются разговоры чиновников об установке мощных очистных сооружений на Гидрометзаводе, о скором вынесении предприятия за черту города.

Загрязнение города вызвано также отсутствием канализационных стоков и дренажных систем. В различных местах столицы это способствует застою воды, образованию болот и громадных луж с мутной, издающей дурной запах воды. Ежесуточной ночной и утренней очисткой улиц города от мусора и грязи работники коммунальных служб себя не утруждают. Посуетятся раз-два в неделю только для вида около Дома Советов и успокаиваются, напоминая поведение нерадивых невесток, начинающих мести двор, когда мимо проходят или неподалеку стоят свекр или свекровь.

Усугубляет положение плохая работа управляющих компаний и ТСЖ, и отсюда серость, неприглядность и антисанитария во многих домах и дворах. Часто жильцы этих домов остаются наедине с проблемами уборки мусора, протекающими крышами и канализационными трубами, потопами во дворах и подвалах, отключением электричества, поломками сантехники, вышедшими из строя лифтами, загромождением и загрязнением дворов автомашинами, отсутствием пешеходных дорожек и т.д.

Не надеясь на ТСЖ, жильцы многоквартирных домов время от времени активизируются, собирают деньги для наведения элементарного порядка у себя в подъездах, в подвалах, во дворах. Но чаще всего делают это непрофессионально, неправильно. Например, сажают около домов где попало какие попадутся под руку деревья, кустарники, цветы; строят из каких-либо подручных средств скамейки и столики. Для выделения детских площадок или пешеходных дорожек строят оградки из старых автомобильных покрышек, используют покрышки для защиты саженцев и цветов. В различных местах города тротуаров во дворах и на улицах нет вообще, и людям приходится, рискуя жизнью, ходить по проезжей части,

вместе с несущимися на большой скорости автомобилями. Это одна из ярких примет столицы, своего рода антибренд города. Мало внимания обращается на места большого скопления людей и машин, на возможность строительства в этих местах просторных подземных переходов и городков с киосками, магазинами, кафе, со стоянками для автомашин.

Приметой эстетически и морально ущербной жизненной среды стали многие участки курортной зоны, превращенные кое-где в свалки битой посуды и мусора. Особенно это касается районов, прилегающих к реке Нальчик. В зону экологического бедствия превратился практически весь берег реки. Тоску нагоняют провалы 7 старых, обветшавших и пустых водоемов, протянувшихся на несколько километров, начиная от заброшенных бассейнов и пляжей в районе Курортного озера и Зеленого театра, заканчивая болотом самого нижнего водоема около средней школы № 3. Еще хуже выглядит берег Нальчика в районе Долинска вплоть до Ботанического сада. В свалки мусора, заброшенных строений, в заросший кустарником «пейзаж» превратился Атажукинский сад в районе пансионата Грушевая роща, санатория Долина нарзанов, в окрестностях Волчьих ворот. Удручающее впечатление производят полузаброшенные здания водогрязелечебницы, водолечебницы, Курзала – всей территории, прилегающей к этим зданиям. Строительство здесь Мемориала депортации балкарцев и жертв сталинских репрессий заблокировало проход в живописную верхнюю часть Атажукинского сада, превратило этот всегда оживленный район в безлюдную, «мертвую зону».

Символом упадка и запустения курортной зоны стали полуразрушенные и недостроенные здания. Среди них – здание ресторана «Долинск», коробка высотного здания за пансионатом «Лебедь», заброшенный 2-й корпус санатория им. Калмыкова с выросшими внутри трехэтажного здания деревьями. Я уже писал в данной связи, что необходимо в корне пересмотреть сложный вопрос использования и развития курортной зоны. Пересмотреть радикально, с учетом того обстоятельства, что такого наплыва отдыхающих как в советские времена, здесь уже никогда не будет¹⁷, и пересмотреть таким образом, чтобы вдохнуть новую жизнь в любимый гостями и жителями столицы Долинск.

Предметом особого разговора должно стать состояние наших рынков, а также отсутствие благоустроенной ярмарочной площади. Хотя бы одной, в то время как нужно в идеале гораздо больше. Большие вопросы вызывает в данной связи состояние юго-западного рынка в Предгорном районе, давно свернувшего свою деятельность и работающего не более, чем на 10% своих возможностей. Несколько лет назад я удивлялся тому, что в столице республики десятки игровых залов, и ни одного приличного музея изобразительных искусств, ни одного выставочного зала. Теперь игровых залов, к счастью, нет. Но нет и выставочных залов. Нетрудно представить, какой поистине колоссальный ущерб культурному облику города, эстетическому просвещению и воспитанию населения наносит этот печальный факт.

Все это и многое другое, о чем не расскажешь в одной статье, при желании и доброй воле властей сравнительно быстро, без больших усилий и затрат можно было бы поправить. Но заметных изменений к лучшему нет. Поэтому попытки представить Нальчик как процветающий, динамично развивающийся город выглядят сейчас, по меньшей

мере, нескромно. *Нальчик – это погибающий, гаснущий город, стремительно теряющий свое лицо.*

Но дело, конечно, не только в отсутствии внешних атрибутов благополучия, чистоты и порядка. Главный определитель динамично развивающегося города – хорошее самочувствие и оптимистичный настрой, воспитанность, благожелательность и общительность горожан. Как раз этого в нашем городе, к сожалению, становится все меньше и меньше. Самочувствие нальчан, по данным опросов прошлых лет, было крайне низким. По вечерам на улицах города или на главной аллее парка не встретишь, как раньше, толпы веселых горожан, желающих насладиться красотой вечернего Нальчика. В десять часов вечера город производит впечатление вымершего. В это время уже не ходят рейсовые маршрутки. А троллейбусы и автобусы перестают ходить еще раньше – в 7–8 часов вечера. В настоящее время после половины десятого вечера для передвижения по городу можно полагаться только на свои ноги и на такси.

Справедливости ради надо сказать, что служба такси – одна из немногих, отлично работающих в городе структур, лучше работающих, чем в Москве или в Париже, где официально зарегистрированным такси все еще противодействует частный извоз. В Нальчике в этом смысле все хорошо отработано и отлажено, видимо, из-за большой конкуренции при наличии множества частных служб, вытеснивших сравнительно дорогой частный извоз. Достаточно позвонить в любую из хорошо разрекламированных служб, чтобы уже через 5–10 минут удобно разместиться в кресле хорошего автомобиля и отправиться в нужном для вас направлении. Поездка из спального района в центр города обойдется всего в 50–100 рублей.

Ситуация на окраинах города

У окраин плохое сообщение с центром города. Но дело не только в том, что общественный транспорт сильно сдал свои позиции. Гораздо больше хлопот доставляют людям запутанные подъездные пути, разного рода повороты и тупики, отсутствие в таком, сравнительно маленьком и новом городе, как Нальчик хотя бы двух-трех (даже одной!) «сквозных» широких улиц, проходящих из одного конца города в другой. В отчаяние приводят разбитые, раскопанные, с лужами грязной воды темные переулки, по которым приходится добираться людям до своего дома, опасаясь сбившихся в стаи бездомных собак. Вообще на периферии, в «спальных» районах порядка, чистоты и хорошего настроения гораздо меньше, чем в центре. Стрелка, «Шанхай», «Богданка», Искож, пятый и шестой микрорайоны – по существу зоны экологического бедствия.

Трудно сказать, как будет разрастаться город в будущем. Надо полагать, у администрации города есть генплан¹⁸. Но на обсуждение общест-венности он не выносится. Если же судить по тому, как беспорядочно застраивался и разрастался город в последние 50–60 лет, у проектировщиков нет внятной и сколько-нибудь приемлемой общей концепции развития автомобильных дорог, развития города в целом. В часы пик автомобилисты уже сейчас испытывают большие затруднения для передвижения по многим улицам города.

О пешеходах, о массе обычных горожан проектировщики, кажется, вообще забыли. Так, совсем недавно появилась и стала одной из самых оживленных улица Атажукинская на юго-западе города. Но тротуаров здесь нет и не предусмотрено – ни с одной, ни с другой стороны улицы. Отсутствуют они фактически на всех улицах в этом районе, а также во многих других старых и новых районах города. Попробуйте, например, подняться вверх по улице Туриста в Вольном ауле, или пройтись пешком по улице Иннесы Арманд, или по улице Калюжного. Сделать это очень трудно главным образом из-за отсутствия пешеходных полос и большого потока машин на проезжей части.

Проектирование и строительство нормальных улиц с тротуарами и дворов со скверами, пешеходными дорожками администрация города считает лишней тратой средств. Исчезает постепенно представление о том, что существуют полосы, предназначенные только для транспорта и только для пешеходов. Поэтому автомобили ездят спокойно по тротуарам, по детским площадкам, по газонам, по полям, а пешеходы ходят по проезжей части улиц и дворов. Как следствие такого смещения сознания мы получили город, где во многих районах отсутствуют нормальные улицы с разделением полос для машин и пешеходов. В целом необходимой заботы о пешеходах в городе не чувствуется. Например, нет просторных, комфортных пешеходных дорог, связывающих пос. Кенже с городом по улице Головки.

Недостает нормальных подъездных путей и пешеходных дорожек и внутри города, дворов, заполненных автомобилями. Мало того, для нормального передвижения транспорта и пешеходов создаются постоянно все новые и новые препятствия, тупики, сложные и непреодолимые барьеры. Например, чтобы попасть в дома, расположенные в окрестностях 23-й школы, автомобилям приходится ехать в объезд по узким улочкам со стороны улиц Байсултанова и Тарчокова, а проезд со стороны улицы Кирова фактически блокирован. Не лучше приходится здесь и обычным пешеходам, всем жителям района. Везде, где есть малейшая возможность, возводятся какие-либо строения. В большинстве своем они не приносят людям ни радости, ни облегчения, но зато ограничивают, сужают до минимума и захламляют территорию дворов, затрудняют движение в этих дворах. Вот один из многих подобных примеров, о котором пишет житель Искожа:

«В прошлом году в нашем дворе по адресу Ингушская, 20 появился котлован размерами 20 на 20 метров и глубиной 2 метра. Как нам объяснили, на этом месте начиналось строительство мебельного цеха.

А где должны играть наши дети? Нам неоднократно сообщали, что наш двор включен в программу по благоустройству, но вместо этого строят цех. Складывается впечатление, что живущих в общежитии и вовсе не считают за людей»¹⁹.

За людей, похоже, не считают и всех других нальчан, и во всех других районах города. К примеру, зачем нужно было разрушать красивый, уютный и популярный «Дом чая» на улице Кирова, чтобы поставить на его месте огромное и неприглядное здание магазина «Кенгуру», загородившее свет и проход жителям близлежащих многоквартирных домов? Почему там же, рядом с «Кенгуру», уже больше 20 лет строится что-то странное и громадное, огороженное большим забором? А ведь раньше на

всем этом открытом пространстве перед огромным (по меркам Нальчика) домом, получившим название Муравейника, располагался большой, светлый, уютный сквер.

Недостаток скверов, садов, ухоженных дворов с нормальными детскими площадками, скамейками, пешеходными дорожками, стоянками для машин ощущается повсюду. Человек не может выйти из тесной квартиры во двор или в близлежащий сквер, чтобы просто погулять или посидеть на скамейке. Не каждый же и не всегда может пойти для этого в Атажукинский сад? Нужны и другие парки, сады, рощи, скверы. Нужны во всех районах города. Вместо этого безжалостно и безнаказанно уничтожается даже то немногое, что уже сделано в плане обустройства и озеленения районов города. Например, еще в конце 80-х годов напротив поликлиники № 1 был заложен фундамент Соборной мечети. Но затем мечеть была перенесена и построена в другом, менее удачном месте. Ко всему прочему для этого было разрушено уникальное здание кинотеатра «Ударник», выкорчевано большое число могучих елей и других «породистых» деревьев, уничтожен великолепный памятник защитникам Нальчика в Великой Отечественной войне. Действовали, иначе говоря, так, словно хотели показать – для того чтобы построить что-то хорошее и полезное, надо обязательно что-то полезное разрушить.

На углу улиц Ашурова и Кабардинской на Искоже построили здание банка. Это, видимо, полезно и удобно для жителей отдаленного от центра района. Плохо лишь то, что при этом снесли сквер и большую детскую площадку. В том же районе между Первым промпроездом и Чеченской улицей вырублена наполовину, а затем заброшена и приведена в полное запустение ореховая роща, не уступавшая по размерам и красоте Ореховой роще в районе Горной. Другой аналогичный пример. На пересечении улиц Атажукина и Московской недавно посадили около 200–300 саженцев. Вместе с другими деревьями в этом месте получался большой сквер, почти парк. Радости жителей близлежащих домов не было конца. Но скоро сюда приехали люди на грузовиках, экскаваторах, бульдозерах, мгновенно вырвали все до единого саженцы и вырыли огромный котлован. Видимо, для строительства очередного жилого дома, в котором опять никто не сможет (или не захочет) жить.

Понять, какими соображениями руководствуются проектировщики новых застроек, невозможно. Мы видим, что к многочисленным хрущевкам, узким и кривым улочкам, тупикам, грязным и тесным дворам с упорством, достойным лучшего применения, методично добавляется новый, еще более убогий, разрушительный и непригодный для нормальной жизни ландшафт.

Яркий пример – шестой микрорайон, в котором все сделано наоборот. Мрачные высотки на улице Московской, вырастающие из глубокой низины, действуют удручающе. Нет не только чистоты и порядка, но и необходимой для многотысячного населения инфраструктуры. Правда, весьма кстати, построили самое лучшее в городе здание школы № 32. Но при этом забыли построить детский сад, а место, отведенное под него, превратили в склад для мусора и жалкое подобие детской площадки. Соседство детской площадки и мусорной свалки весьма показательно для Нальчика – как символ антигуманного отношения к детям. На примере района, прилегающего к школе это особенно заметно. На

подходе к школе, забыли сделать тротуары и пешеходные дорожки. Школьникам и всем другим пешеходам приходится передвигаться здесь на свой страх и риск по проезжей части, вместе с автомобилями. Чтобы осушить лужу, на площадке, которая служит конечной остановкой маршрутки № 9, прорыли на скорую руку (без соблюдения правил дренажных работ) отводной канал. Но он идет по двору многоквартирного дома и дальше – прямо ко входу во двор школы. В результате образовалось болото. Заполненное пустыми пластиковыми бутылками и другим мусором, время от времени это болото (особенно во время проливных дождей) выходит из берегов, заливают двор, издает, распространяющийся по округе зловонный запах, становится благодатной средой для мух, комаров и других насекомых.

Уместное для подобных случаев высказывание «хотели как лучше, а получилось как всегда» имеет еще более глубокий смысл, состоящий в том, что ошибки прошлого ничему не учат. Взять хотя бы район садов за улицей Тарчокова. Без малого 30 лет с большими остановками, туго, надрывно строится здесь жилой комплекс из десятка неприглядных домов образца 60-х гг. прошлого века. Понять, почему эти, в сущности барачного типа здания, называют элитным жильем, очень трудно. К тому же расположены они очень тесно друг от друга, без уместных здесь скверов, садов. Не оставили места и для расширения проезжей части улицы Тарчокова, для совершенно необходимых тротуаров на этой улице. А интенсивность движения (автомобильного и пешеходного) в данном районе очень велика и стремительно растет. Уже сейчас для сотен студентов, ежедневно посещающих сельхозакадемию, передвижение по одной из сторон улицы Тарчокова по узенькому, шириной в один метр тротуару является не только большой проблемой, но и смертельной опасностью. На другой стороне улицы тротуара вообще нет. И это в таком месте, где автомашины несутся таким потоком и с такой скоростью, что днем перейти улицу Тарчокова становится почти невозможным. К тому же пешеходные дорожки здесь не обозначены, так же точно, как не обозначены и не отстроены остановки общественного транспорта.

Нужно добавить к этому, что в районе садов почти все давно возведенные, побеленные снаружи и формально сданные в эксплуатацию дома фактически недостроены, и жить там невозможно. Они либо вообще не заселены, либо заселены лишь на треть, на четверть. Незаконная сама по себе сдача жилых домов без внутренней отделки, без коммуникаций, без обустройства подъездных путей и дворов стала в республике плохой традицией. Подозреваю, что вдобавок ко всему подрядчики, взявшиеся за возведение жилья на долевых началах, собрали с людей деньги, ничего до конца не доделали и разбежались. Государству нет до этого дела. Оно ничего не потеряло, так как 90% жилья строится гражданами Кабардино-Балкарии за свой счет. А социальное жилье не строится вообще²⁰.

Возвращаясь к ситуации в районе садов, отметим, что там стоит сейчас полумертвый город, превратившийся в груды разного рода строительных отходов, в разносчик пыли, грязи, дурного запаха. Но тогда зачем нужно было возводить и очень спешно в самом центре этого искусственно созданного «гиблого» места большой, выкрашенный в яркие цвета садик? Зачем в такие же цвета разукрашивают дома, в которых не живут, и, видимо, не скоро будут жить люди. Кому нужны эти потемкинские деревни?

И еще. Почему в «Потемкинской деревне» на улице Тарчокова беззнака-

занно и так безжалостно, под корень уничтожается великолепный фруктовый сад? Почему возоблагодало бездумное, агрессивное обустройство искусственной среды обитания без должного взаимодействия с естественной средой? Не лучше ли было (как это сделано в свое время с Ореховой рощей) оставить значительную часть сада неприкосновенной и, взяв под охрану государства, сделать его общественным садом? Неужели вместе с тем нельзя было оставить часть деревьев во дворах возведенных жилых домов? Оставить хотя бы для детей, на территории нового детского садика.

Национальный характер городской среды

Под культурным ландшафтом понимается, как сказано в начале статьи, «культура местного сообщества, сформировавшаяся как результат его жизнедеятельности в определенных природных условиях»²¹. В нашем случае это, прежде всего, культура кабардинцев, а также вслед за ними балкарцев. Но в Нальчике мало что напоминает о культурном наследии этих народов. Поэтому не стоит удивляться тому, что сельские населенные пункты в окрестностях Нальчика, не желая утратить остатки своего самобытного облика, противятся включению их в городскую черту – в зону не вполне благоприятной, неприглядной жизненной среды, где ко всему прочему отсутствуют элементы привычного этнокультурного содержания и фона.

В Нальчике редко можно услышать родную речь, национальную музыку, национальные песни, увидеть людей, которые обликом, манерой держаться напоминали бы благородный тип настоящего кавказца. Подражая современной моде, молодежь не знает чувства меры, одевается безвкусно, ведет себя не всегда прилично, развязно, не по-кавказски. Парни безликие, на одно лицо, девушки красивые, но симпатии не вызывают. И те и другие чаще всего плохо воспитаны. Не умеют правильно, в согласии с традиционной этикой и этикетом, одеваться, разговаривать, ходить, благодарить, извиняться. Нередко девушек мы видим в общественных местах с жевательной резинкой во рту, с разукрашенным лицом, на высоченных, несурзных каблуках. Между тем, в соответствии с традиционными представлениями о красоте, девушка даже в кругу семьи не могла показываться жующей; неприличным считалась громко и развязно говорить, смеяться; на улице, во всех общественных местах запрещалось беззастенчиво смотреть людям в лицо, суетливо оглядываться по сторонам, пересекать дорогу мужчинам.

Не лучше ведут себя и плохой пример показывают представители старшего поколения. Бросается в глаза непривычная для кавказцев полнота, отсутствие прежней стройности, стати, легкой походки. В одежде безвкусица, исчезла былая изысканность, строгость, аккуратность. У многих, даже пожилых женщин, выработалась привычка обнажать голову, ноги, руки, грудь. Обычным явлением стала цветастая одежда, обтянутые брюки, подчеркивающие полноту и уродливость фигуры. У мужчин, даже пожилых, пристрастие к белым красовкам, ярким спортивным костюмам. И такая же, как и у женщин, полнота. От прежней, характерной для кавказцев культуры тела и внешнего облика²² осталось очень немного.

Мутации последних десятилетий не улучшали человеческие качества,

а напротив, ухудшали. В суете повседневных дел и забот люди забыли о «культуре себя», о социальной ответственности за свое самоосуществление и бытие в мире. Забыли, в частности, что отвечают перед обществом за свой внешний облик и поведение, что у них есть на этот счет социальные обязательства и им должно быть стыдно, если они ими пренебрегают. Забыли, что отвечают за сохранение и развитие знаменитого, известного на весь мир кодекса Адыга хабза. В основе этого кодекса лежит, как известно, этикет – *система принципов и норм общения, выражающих взаимное уважение и признание*. Благодаря этому сложному институту создавалось и поддерживалось благожелательное отношение друг к другу, психологически комфортное жизненное пространство. Но население Кабардино-Балкарии (и в первую очередь городское) в массе своей отказалось от традиционной этики и этикета, от других институтов сохранения и развития национальной культуры, что чревато гибелью самой нации.

В свое время американский социолог Р. Парк сравнивал город с социальной лабораторией, в которой рождаются новые отношения людей и по-новому проявляется человеческая природа²³. В городе человек оказывается в индустриальной, анонимной социальной среде, где господствует свой, особый образ жизни, где личность раскрепощается и чувствует себя более свободно. Происходит слияние различных стилей жизни, обеспечивается и поддерживается легкость и склонность общения на общедоступном (не родном) языке, преодолевающим языковые барьеры, снижается контроль за соответствием поведения нормам и стандартам, сложившимся в культурно однородной среде. Однако в условиях малого общества, каким является общество в Кабардино-Балкарии, вместе с урбанизацией населения нельзя допустить его аккультурации и деградации. *Нельзя допустить, чтобы Нальчик, где проживает сейчас около четверти всех кабардинцев и балкарцев, превратился в адскую машину, убивающую наш язык, наш этикет, наше культурное наследие. Нельзя забывать, в конце концов, что этому наследию обязан Нальчик своим статусом – статусом столицы Кабардино-Балкарской Республики, малого государства в большом.*

По мнению ученых-экологов, если самобытность нации, ее культуры снижается на 60%, то она находится на грани вымирания. Современные кабардинцы и балкарцы (и особенно городские жители) в массе своей уже перешли эту грань. Кабардинский и в целом черкесский язык уже занесен в красную книгу вымирающих языков. На нем не ведется преподавание даже в начальных школах. Родному языку не обучают в садиках, на нем не говорят в Правительстве и в Парламенте республики, в других государственных учреждениях. Все меньше и меньше используется он и в семейном быту. Фактически кабардинского языка уже не существует в том смысле, что процесс его деградации и исчезновения стал необратимым. Происходит вследствие всего этого катастрофическое по своим последствиям «рассеяние энергии культуры», которое в других, более благоприятных условиях, могло бы обеспечить устойчивое развитие Северного Кавказа, стать локомотивом устойчивого развития всего российского общества. На наших глазах вырастают поколения людей, ничем и никак не связанных с традиционной материальной и духовной культурой местных народов. В пище, в жилище, в одежде, в языке, в песенной и музыкальной культуре – во всем ощущается упадок.

Приходится признать, что высокая планка черкесской материальной и

духовной культуры стала для современных кабардинцев, балкарцев и других кавказских народов недостижимой. С другой стороны, она совершенно несовместима с тем, в основе своей расточительным, разрушительным образом жизни, который сейчас сами черкесы усвоили и ведут, – с заметным занижением требований к себе при повышенном уровне притязаний и ожиданий от других.

Очень мало кавказской специфики и национального характера в архитектуре, скульптуре Нальчика, в оформлении частных и общественных зданий. Нет вывесок, рекламы, наглядной агитации на языках местных народов. Нет даже ни одного скульптурного сооружения, где предстал бы какой-либо известный деятель прошлого в черкеске. А ведь этот великолепный костюм, ставший одним из символов общекавказской культуры и цивилизации, является изобретением кабардинцев и других адыгских народов. Почему бы с учетом и этого обстоятельства на входе в Атажукинский сад не поставить в полный рост в черкеске памятник основателю этого сада кабардинскому князю Атажуко Атажукину? Почему до сих пор не поставлены такие памятники многим другим деятелям прошлого? Почему отказались от возведения памятника в честь Канжальской битвы? Почему площадь перед Домом Советов, дважды объявленная народом площадью Жабаги Казанок, была переименована в Площадь согласия, а закладной камень великому философу тихо и стыдливо сдвинут в сторону? Почему забыли о том, что именно Жабаги страстно призывал кабардинское общество к согласию, к образу жизни, который в наибольшей степени отвечает требованиям времени?

Таких вопросов накопилось немало. Памятники известным людям Кавказа могли бы стать высокохудожественными произведениями, великолепными образцами искусства; создавая эстетически полноценную жизненную среду, они бы не только украсили город, но и наполнили его богатым и сложным этическим, культурно-историческим содержанием. В самом деле, задавая каждодневно вопросы жителям города и побуждая каждодневно на них отвечать, они научили бы думать о судьбах своей малой родины, предлагая и обязывая, как говорил В. Распутин, «жить и помнить». А что значит «жить и помнить»? Это значит знать историю своего народа и учиться на ее уроках, любить Родину и никогда ей не изменять.

Этика и эстетика внешней среды (вместо заключения)

Культурный ландшафт имеет ярко выраженное ценностное значение, прочно связанное с потребностями, желаниями, идеалами личности и общества. Люди хотят жить в комфортном, безопасном жизненном пространстве, вызывающем чувство покоя, удовлетворенности условиями бытия. Очень важна, кроме того, уверенность в том, что эти условия будут поддерживаться и улучшаться, а не ухудшаться. Существует, одним словом, некое общее представление об идеальном культурном ландшафте, о движении к этому идеалу. Вот я и думаю: может быть, ошибки, недостатки в обустройстве и развитии Нальчика являются только болезнями роста? Может быть, они сами собой исчезнут, уйдут?

Ответственные работники города и республики тоже настроены оп-

тимистично, надеясь, видимо, на потенциал и запас терпения горожан. И все же почему они так плохо делают свою работу, почему как-то по-детски защищаются и оправдываются, перекадывая вину друг на друга, объясняя деградацию культурного ландшафта социальной леностью, неосознанностью населения, ссылаясь на нехватку средств, на отсутствие достоверной информации. На тысячу других причин. Ни в чем не убеждая, такие отговорки рожают новые вопросы. Например: почему нерадивые, инфантильные руководители продолжают работать и продвигаться по службе, почему население не обеспечивается работой, почему в казне республики остаются миллиарды рублей неосвоенных средств, почему, вместо того чтобы вскрывать недостатки, чаще всего их замалчивают и т.д. Ничего не делать или делать плохо, сваливая вину на других, на сложившиеся обстоятельства стало в Кабардино-Балкарии традицией.

Отлично понимает это глава республики Ю.А. Коков. Сетую по поводу того, что общий объем полученных и не освоенных средств на начало 2015 г. составил в республике 2 млрд 126 млн рублей, он сокрушается: «У меня такое ощущение, что мы иногда ищем причину, чтобы не исполнить что-то, нежели причину, чтобы это быстро сделать»²⁴. Еще раньше, в самом начале 2014 г. Ю.А. Коков с большой тревогой вынужден был признать, что происходит «деградация архитектурно-эстетического облика» Нальчика²⁵.

Налицо между тем внутренняя паника общества. Проступают очертания нового застоя, перед которым меркнет кошмар застоя прежнего, брежневского образца. Я уже писал в данной связи, что у застоя есть свои чисто психологические и технологические основания. На первом месте среди них приватизация правящей бюрократией социального времени и пространства, построение на этой основе сетевого общества – общества вневременных и лишенных места (внеисторических) символических систем. Как следствие таких трансформаций мы наблюдаем смещение, деформацию пространственно-временных отношений, состояние тягостного, тревожного, пассивного ожидания перемен²⁶. *В состоянии застоя даже при «стабильном экономическом росте» не наблюдается прорывов в социально-экономической и культурной жизни. Застойное общество не развивается, а лишь пребывает на определенном уровне. Яркие, смелые личности в этих условиях не востребованы и не появляются. Не происходит инновационного по своему содержанию изменения сознания человека и стереотипов его поведения. Застой рождает ощущение безнадежности.*

Создавая иллюзию стабильности и устойчивости, застойное общество препятствует раскрытию талантов и возможностей человека. В маленькой, численностью всего лишь 900 тыс. жителей Кабардино-Балкарии сотни тысяч жителей находятся на грани между социальным исключением (потерей оплачиваемой работы) и ежедневным выживанием. Во всем мире это особый, выпавший из социального времени сегмент или слой общества. Он состоит, по словам Мануэля Кастельса, из действительно обездоленных людей и тех, «что строили свою жизнь в постоянной борьбе за возможность избежать падения вниз, в мир люмпенизированной рабочей силы и социально недееспособных людей»²⁷. В застойном обществе кабардино-балкарского образца они составляют абсолютное большинство. В то же время благополучное меньшинство исповедует и пропагандирует «шовинизм благосостояния»²⁸, согласно которому богатые вправе вести роскошную жизнь и при этом не могут и не должны разделять ответственность за

бедность и упадок основной массы населения.

Шовинизм благосостояния состоит еще и в том, что богатые в буквальном смысле отгораживаются от бедных: в особых районах, кварталах, домах, получивших название дворянских гнезд, за высоченными заборами и воротами своих, похожих на крепости, особняков.

В этих условиях *объединяющий все слои общества культурный ландшафт может стать фундаментом устойчивого развития и демократизации городской среды, основой нравственно-экологического патриотизма и ценностно-нормативного консенсуса*. Конечно, для этого нужны определенные условия. Нужен резкий подъем, настоящий взрыв нравственно-экологического патриотизма, который трудно представить в условиях застоя, когда выбор ценностей и норм сужен до минимума. Но все процессы развиваются сейчас в прямо противоположном направлении: *лишенный ресурсов преобразования и развития культурный ландшафт становится эмблемой, материализованным выражением идеологии застоя и упадка, деградации общества*.

Оказывая на человека обратное негативное воздействие, этически и эстетически неполноценная, агрессивная среда препятствует устойчивому развитию территорий, вызывает ощущение безысходности, бессмысленности существования. Именно так, развиваясь в негативном ключе, воздействует культурный ландшафт Нальчика на его жителей. Если к этому шли и к этому стремились наши управленцы, то они с полным на то основанием могут праздновать победу. Победу, в которой проигравшей стороной стала столица, республика в целом.

Хочу подчеркнуть в данной связи, что культурный ландшафт, постоянно воздействующий на наши органы чувств, прежде всего на органы зрения, влияет и на нашу душу, на содержание наших переживаний. Глаза и другие органы чувств – это тропинки в наше сознание. Не зря еще в XIX в. выдающиеся психологи того времени (Джемс, Ланге) выделили зрительные и слуховые суждения как элементы и строевые единицы мыслительной деятельности.

Все зависит, таким образом, от внутреннего содержания и общей направленности среды. Она способна раскрепощать человека и снижать общественное напряжение или действовать в прямо противоположном направлении – принуждать к действиям, которые приводят к распаду личности и хронической безрадостности, к утрате не только собственного достоинства, но и элементарного чувства реальности и соразмерности. Пассивность среды, в том числе культурного ландшафта территории, только кажущаяся. Во все времена существовала и существует в настоящее время идеология среды как общая направленность и стратегия развития социума. Воздействуя на людей всей своей мощью и самим фактом своего существования, она задает, – иногда навязывает, – программу селекции ценностей и внутренней организации фактов и отношений действительности, алгоритм выбора предпочтительных способов человеческого существования.

Известно, что хорошо обустроенный, этически и эстетически выдержанный культурный ландшафт оказывает обратное благотворное влияние на человека. В таких условиях он стремится выявить себя в лучшем виде: выглядеть красивым, воспитанным, благожелательным. Хорошо обустроенное и упорядоченное окружение внутренне дисциплинирует и облагораживает человека. В то же время неблагоприятная эстетически и этически агрессивная среда, напротив, способствует снижению самокон-

троля и проявлению не самых лучших склонностей и свойств. Во взаимодействии с идеологически нагруженным социальным пространством формируется характер и жизненная философия человека, выкристаллизовываются его личностные ценности и смыслы, связанные с ними моральные принципы и установки. Предлагая, – как наиболее важные для выживания и личностного роста, – одни ценности и нормы, идеология среды отвергает или нейтрализует другие. Тем самым она воздействует на главную движущую силу человеческого существования – на стремление развиваться, используя потенциал и запас своего Я.

Но условия той среды, которую мы имеем в Нальчике сейчас, предрасполагают лишь к элементарному выживанию и прозябанию основной массы жителей и к тупому потреблению небольшой (не более 2–3% от общего числа населения) группы людей, празднующих свою победу. Отсюда многие проблемы города, в том числе и в первую очередь нравственно-экологические. В настоящее время они настолько остры, что уже сами по себе подталкивают общество к порогу своей устойчивости, к осознанию невозможности и бесперспективности жизни в контексте нынешних условий и практик.

Ситуация Нальчика – отчаянная. Проблема уже не в поиске виновных за все содеянное в одном из самых замечательных городов России. Она лежит теперь в иной плоскости и состоит в смелости взять на себя ответственность за решительное исправление допущенных ошибок.

Примечания

1. Кричевский Е.Ю., Круглов А.П. Неолитическое поселение близ Нальчика // *Материалы по археологии Кабардино-Балкарии: Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1941. № 3.*
2. Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Долинское поселение у г. Нальчика // *Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1941. № 3. С. 147–212; Иссен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии: Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1941. № 3. С. 17; Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946. С. 19–20.*
3. Лавров Л.И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в. (исторический очерк) // *Советская этнография. М., 1951. № 4. С. 42–56.*
4. Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // *Материалы по археологии Кабардино-Балкарии: Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1941. № 3. С. 213–316.*
5. Резепкин А.Д. Поселение Долинское – памятник эпохи ранней бронзы в Центральном Предкавказье // *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб., 2014.*
6. Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв. Т. 2. Док. № 134. С. 183; Туганов Р.У., Исмаилов А.И. Город Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2000 (рукопись) // *Архив КБИГИ. С. 2.*
7. Думанов Х.М. Нальчику 246 лет // *Адыги. № 2. 1991. С. 151–152.*
8. Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 40.
9. Думанов Х.М. Нальчику 246 лет. С. 152; Туганов Р.У., Исмаилов А.И. Город Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2000 (рукопись) // *Архив КБИГИ. С. 3.*
10. Думанов Х.М. Нальчику 246 лет. С. 153; Туганов Р.У., Исмаилов А.И. Город Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики. С. 3.

11. Туганов Р.У., Исмаилов А.И. Город Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики. С. 5–9.
12. Там же. С. 20–21.
13. Прасолов Д.Н. Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. М., 2014. С. 41.
14. Калуцков В.Н. Об иерархичности культурного ландшафта (на материале Пинежья) // Этноэкологические исследования. М., 2004. С. 106–107; Тишков В.А. Три карты. Теория и общие подходы к проблеме «культура и пространство» // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. М., 2012.
15. Бгажноков Б.Х. Культурный ландшафт столицы // Кабардино-Балкарская правда, 2007. № 76. (21951). 13 марта. С. 3; Он же: Системный кризис малых территорий (по материалам исследований в Кабардино-Балкарии). С. 43–44.
16. Гусейнов О. Минздрав представил новые данные // Газета Юга, 2015. № 3 (1088). 15 января.
17. Бгажноков Б.Х. Нравственная экология малых обществ (На примере Кабардино-Балкарии) // Материалы международного симпозиума «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели». Нальчик, 2013. Т. 1. С. 10–16.
18. Под названием главы республики удалось выяснить, что это давно устаревший генплан, разработанный полвека назад, в 1964 г. А на разработку нового генплана денег у города нет. Коков Ю. Генеральный план Нальчика безнадежно устарел // Республиканское информационное агентство «Кабардино-Балкария». 07.02. 2014.
19. Живущих в общежитии не считают за людей // Газета Юга, 2015. № 23 (1108). 4 июня. С. 10.
20. Газета Юга, 2015. № 14 (1099). 2 апреля. С. 1.
21. Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера // Семинар «Культурный ландшафт: первый тематический выпуск докладов». М., 1998.
22. Бгажноков Б.Х. Внешний облик и культура тела в культуре черкесов // Археология и этнография Северного Кавказа. Нальчик, 2015. Вып. 4. С. 23–30.
23. Park R., E. Burgess, R.D. McKenzie. The City. Chicago, 1926.
24. Надо точку ставить. Если мы власть, конечно // Газета Юга, 2015. № 11 (1096). 12 марта.
25. Коков Ю. Генеральный план Нальчика безнадежно устарел.
26. Бгажноков Б.Х. Социально наполненное молчание // Газета Юга, 2005.
27. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
28. Значение этого термина выходит далеко за пределы того контекста, в котором он возник и используется на Западе. См.: Йокисило Й. Концептуальные основы немецкого «экоправого радикализма» // Полис, 2002. № 1. С. 166–167.

В.Н. BGAZHNOKOV

ABOUT MORAL AND ECOLOGICAL PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF NALCHIK

Nalchik is the capital of Kabardino-Balkaria in the Russian Federation. It is considered one of the biggest and most beautiful cities of the Northern Caucasus and also industrial and cultural center of the south of Russia. Problems of the further development and management and turning into the cultural quality landscape are still remained. Among them architectural and esthetic city image problems, problems of moral centers and memorable places and also problems of national character and common culture development.

Keywords: culture landscape, city image, life quality, construction of residential and public buildings, infrastructure, video ecology, public mood.

С.Б. Бурков
(г. Владикавказ)

**К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ
И ЭТАПОВ В ИЗУЧЕНИИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА**
(на материалах Чечни)

Статья посвящена определению критериев и установлению хронологических границ для выделения эпохи раннего железного века применительно к памятникам Чечни. Анализ подходов различных исследователей к этой проблеме произведен с учетом как общих, так и особенных факторов в развитии исторической науки как общекавказского, так и регионального уровня. Авторский подход в выделении этапов состоит в раздельном представлении полевых исследований и научного осмысления добытых материалов.

Ключевые слова: полевые исследования, археологические памятники, системы хронологии, источниковая база, временные границы, информационная ценность.

Изучение археологических памятников Чечни имеет как общие, характерные для развития данного раздела исторической науки, закономерности, так и особенности, связанные со становлением и развитием научно-исследовательских учреждений региона, преобразованиями его общественно-политического устройства, судьбами исследователей, историей обретения и утрат коллекций, выявленных в многочисленных и разновременных памятниках древности и Средневековья. Среди них заметное место занимают материалы, относящиеся к эпохе раннего железного века, которые в полевом отношении изучены более подробно, чем поселения и могильники эпохи бронзы или средневековые древности. Однако до сих пор нет ни одной работы, в которой был бы полноценно представлен и проанализирован весь корпус источниковой базы такого важного этапа развития указанной территории. В историографических обзорах исследования, осуществленные на основании изучения погребальных, а тем более – бытовых памятников региона представлено, в основном, лишь кратким упоминанием, результаты полевых изысканий анализировались фрагментарно¹.

В последнее время возросло внимание к этноисторическим реконструкциям древности, связанным с происхождением и историческими судьбами народов Северного Кавказа, в том числе т.н. «нахских общностей» эпохи раннего железного века². Эта тема привлекала к себе внимание и ранее³.

И если одни из исследователей достаточно осторожны в своих высказываниях относительно исторических судеб древнего населения края, то другие предпочитают реконструировать прошлое, опираясь, в основном, на соображения политико-лингвистического содержания. Анализ подобным «изысканий» посвящен ряд специальных работ⁴. Следует заметить, что недостатка в смелых обобщениях и выводах относительно исторических судеб населения Чечни в эпоху раннего железного века, рисующих происходившее на территории Чечни события без опоры на детальный анализ всех имеющихся в распоряжении исследователей, фактов, меньше не стано-

вится. Это приводит к появлению работ, в которых подобный подход подвергается вполне обоснованной критике, однако и в них это происходит без обращения к самим материальным свидетельствам, накопленным за долгие годы успешной работы многочисленных экспедиций и отдельных исследователей. В то же время, не проанализировав информационную ценность источниковой базы, прежде всего – самих памятников раннего железного века, будет сложно понять, насколько уже имеющиеся в нашем распоряжении материалы могут быть использованы для работы в новых условиях.

Для того чтобы определить, какие из изученных памятников мы можем привлечь в виде основного источника, нам необходимо обозначить временные границы периода. В этой связи основной задачей настоящей статьи является выделение и характеристика этих критериев для установления временных границ и этапов в изучении источниковой базы эпохи раннего железного века (на материалах Чечни). В последующем, на их основе – определение границ самой эпохи раннего железного века применительно к изучаемой территории, основываясь на имеющихся в нашем распоряжении материалах и исследованиях.

Еще одним вопросом является определение критериев для отбора самих памятников, (как бытовых, так и погребальных), функционирование которых может быть отнесено к изучаемому нами периоду. В настоящее время некоторые погребения, ранее представленные в рамках эпохи раннего Средневековья, отнесены к эпохе раннего железного века. Это связано, (в том числе) с неразработанностью критериев выделения производственных керамических традиций позднего этапа раннего железного века – раннего Средневековья; с несовершенством примененных методик полевого изучения памятников; незначительным объемом опубликованных отчетных данных. В некоторых случаях вновь обнаруженный могильник оказывался зафиксированным только случайными находками, либо предметами, условно сведенными в несколько комплексов. Информационная ценность данного вида источника различна: часть материалов опубликована, другая – представлена краткой информацией о типе погребения, наименовании некоторых категорий инвентаря и его датировке; о некоторых памятниках имеются лишь упоминания. Часть могильников, возникнув в предыдущие эпохи, продолжали использоваться и в последующем, в том числе – и на ранних стадиях эпохи раннего Средневековья. Изменения в оценке времени функционирования коснулись в последнее время и бытовых памятников Чечни⁵. Кроме того, следует учитывать, что исследователями зачастую анализировались лишь доступные им материалы. При этом отбор т.н. «базовых» памятников происходит, исходя из их личного участия по изучению таких объектов. Так, для В.И. Козенковой – это Сержень-Юртовские поселения и могильник, М.Х. Багаева – Галайтинские могильники, В.А. Петренко – Ханкальские могильники, С.Л. Дударева – Майртупские и Курчалойские некрополи. Иные памятники привлекались в качестве общего фона для собственных построений, подбора аналогий, выстраивания типологических, хронологических и иных схем. Материалы собственных раскопок авторам известны лучше, публикации материалов содержат в себе больше подробностей, чем представлено в полевых отчетах. Различные методические приемы, используемые исследователями для интерпретации одних и тех же материалов, затрудняют их сравнение между собой. По мнению В.И. Козенковой, нелогично соединенные раз-

ноплановые и разноуровневые подходы к явлениям культуры являются источником постоянных разногласий⁶. Все это следует учитывать при отборе источников для изучения в хронологических рамках раннего железного века. Отличаются и авторские методики оценки значимости базовых критериев, положенных в основы их концептуальных подходов.

Хронологические рамки эпохи раннего железного века на территории Северного Кавказа, различными специалистами оцениваются по-разному, в основном – из-за несовпадения позиций при определении его начального этапа, тогда как его завершение (начало V в. н.э.) разногласий не вызывает. При этом следует заметить, что эти выводы основывались на материалах с различных территорий, куда включались, в том числе, и памятники Чечни в ее современных административных границах. Для установления хронологических рамок эпохи раннего железа исследователями 50–90 гг. XX в. брались обобщенные сведения по всем доступным для изучения объектам. Кроме того, не был решен и вопрос о критериях, на основании которых устанавливается начало периода. К тому же для своих выводов авторы в качестве эталонных зачастую использовали преимущественно собственные материалы. В результате Е.И. Крупновым начало эпохи раннего железа была отнесено к IX в. до н.э.⁷, В.И. Марковиным – к VIII в. до н.э.⁸, Б.В. Теховым – к концу X–IX вв. до н.э.⁹, В.Г. Котовичем – к началу I тыс. до н.э.¹⁰

Обзор имеющихся на этот счет точек зрения относительно кобанских древностей был произведен В.И. Козенковой¹¹. При этом за основу был взят типологический анализ памятников и предметов материальной культуры, в связи с чем выделение эпохи раннего железа оказалось связанным не с изменениями в технологической сфере, а с преобразованиями, зафиксированными в выделяемых ею культурных ареалах, военно-политическими событиями и наличием тех или иных артефактов. Первый этап наступившей эпохи железа автором отнесен к концу X–IX вв. до н.э., второй – к VIII – первой половине VII в. до н.э. По мнению исследователя, лишь для завершающего позднекобанского периода – Кобан – IV (конец первой половины – середина VII – начало IV в. до н.э.), связанного с интенсивными перемещениями кочевников и изменениями в погребальной обрядности, среди основных причин этих преобразований можно назвать полное овладение железоделательным и железокузнечным искусством, когда оружие в подавляющем большинстве – уже железное. Этот подход нашел свое отражение и в хронологических схемах, разработанных, в том числе, и для материалов восточного варианта кобанской культуры. Позиция исследователя относительно мнения дагестанских археологов по вопросам определения хронологических границ раннего железного века была обозначена ею при оценке попытки В.Г. Котовича и О.М. Давудова датировать ряд материалов Сержень-Юртовского и Зандакского могильников. Ими начальный этап раннего железного века на Северо-Восточном Кавказе был отнесен, (вслед за Е.И. Крупновым) к IX–VII вв. до н.э.¹² Однако В.И. Козенкова не коснулась проблемы наступления эпохи раннего железа, а также всего периода в целом. Периодизация «скифского» этапа эпохи и определение его этапов на материалах Дагестана было показано лишь графически¹³. Позднее В.И. Козенкова нижнюю дату раннего железного века отнесла к финалу IX в. до н.э.¹⁴ Мнение В.И. Козенковой относительно точки зрения В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева по вопросам хронологии кобанских древностей не учитывало результатов научных изысканий последнего, изложенного в диссертационном исследовании, посвященном

раннему этапу освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека. Оно было основано на анализе вопросов внедрения новой технологии в производственные циклы древних насельников края. В своем труде С.Л. Дударев приходит к выводу, что ранний этап освоения железа в предгорно-плоскостной зоне Центрального Предкавказья и в бассейне р. Терека был далеко неоднородным по темпам и степени интенсивности внедрения нового металла в быт автохтонного населения на всей этой территории. Переходный период от бронзы к железу, который и является, по мнению автора, началом раннего этапа освоения железа, для территории Центрального Предкавказья отнесен им к IX – первой половине VIII вв. до н.э., а для бассейна р. Терека – ко второй половине VIII в. до н.э.¹⁵ В то же время им было отмечено, что источниковедческая база для работы над избранной темой была довольно узкой, что связано как с небольшим количеством самих железных предметов (154, включая биметаллические экземпляры), так и качеством металла. Из 20 находок, которые были отобраны в качестве образцов для исследования, для лабораторных анализов оказались пригодными лишь 5. Степная часть Центрального Предкавказья, а также район нижнего течения р. Терека им не рассматривались, т.к. эти зоны изучены очень слабо¹⁶. В дальнейшем, автор подтвердил свою точку зрения, издав специальную работу, посвященную историографическому обзору исследований по освоению железа населением Северного Кавказа, вышедших в советских и российских научных изданиях второй половины XX в. В ней специально выделен раздел, посвященный методическим приемам определения переходного периода от бронзы к железу на Северном Кавказе, еще раз названы 3 этапа его наступления:

– X – первая половина VIII в. до н.э.,

– вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э.,

– вторая половина VII–V в. до н.э. При этом, первый из них, для предгорно-равнинной территории бассейна р. Терек – это еще эпоха поздней бронзы. Автором обозначены и причины существования различных мнений при определении начального этапа наступления раннего железного века (как субъективного характера, так и объективного свойства). Среди первых – отсутствие общих для специалистов методических подходов в определении сущности переходного периода, среди вторых – различные темпы освоения железа для различных территорий¹⁷.

На наш взгляд, предложенный С.Л. Дударевым подход к выявлению критериев наступления эпохи раннего железа на изучаемой территории является наиболее оптимальным, в связи с чем составление сводки памятников Чечни обозначенного выше периода мы предполагаем начинать с памятников, датированных серединой VIII в. до н.э. и завершать концом IV в. н.э.¹⁸ При этом, на наш взгляд, нецелесообразно выделять отдельно разделы, посвященные изучению памятников скифского времени и сарматского периода, поскольку в значительной части они соседствуют в культурных напластованиях поселений и городищ. Стратиграфическая ситуация для большинства бытовых памятников Чечни, которая еще впереди не прослежена ни в полевых условиях, ни в ходе научного изучения полученных коллекций. Материалы случайных сборов с поверхностей представляют собой разрозненные серии и зачастую не «привязаны» к какому-нибудь конкретному участку поселения или городища. Значительная часть могильников, особенно горно-предгорной зоны Чечни, возникнув в скиф-

скую эпоху, а иногда и ранее, продолжали использоваться и в сарматское время¹⁹. В этой связи изучаемые нами объекты не делятся строго по культурно-хронологическому принципу как относящиеся к «скифскому» либо «сарматскому» этапу эпохи раннего железного века. Для определения этапов в их изучении нами использован хронологический принцип выявления как самих памятников и отдельных находок из них, так и научных публикаций, учитываемых отдельно.

Первые археологические раскопки на Северном Кавказе стали производиться с середины XIX в. Их осуществление связывается в основном с завершением активных боевых действий Кавказской войны и началом работы в крае специализированных экспедиций Императорской Академии наук²⁰. До этого памятники обнаруживались случайно, внимание привлекали в основном, отдельные предметы²¹. Для Чечни это соотносится с находками из разрушенных погребений кобанского могильника, найденного во время земляных работ по обустройству Воздвиженского укрепления в 1850 г.²² Обращаясь к теме этапов, которые можно установить для изучаемого нами периода, необходимо отметить, что ранее исследователями для территории Чечни отдельно не выделялась история полевого изучения памятников. Она представлена в комплексе с научными публикациями, в связи с чем возникает вопрос о критериях, которые могут быть положены в основу такого деления.

На наш взгляд, подобное объединение двух разных направлений исследований (полевого и интерпретационного) может невольно привести к ошибочному восприятию реального положения дел. Публикация о полученных материалах и обобщающих трудов на их основе, в основном отстает от практического изучения самих памятников. Кроме того, у авторов существуют и различные подходы к тому, какое событие считать этапным.

Так, для дореволюционных работ рубежом, которым определялось завершение раннего этапа в изучении памятников археологии, традиционно считается V Археологический съезд в Тифлисе²³. Однако еще в 1846 г. создается Русское археологическое общество, а в 1877-м – Археологический институт в Петербурге, в 1853 г. – музей Императорского Эрмитажа, в феврале 1859 г. – Императорская археологическая комиссия, в 1864 г. – Московские археологическая комиссия и археологическое общество (на Кавказе – Кавказская Археографическая комиссия), в 1873-м – общество любителей Кавказской археологии. Для этого периода уже сформирована концепция т.н. археологического комплекса²⁴. Еще до открытия съезда в Тифлисе, в ходе работы Подготовительного комитета, была разработана программа изучения древностей Кавказа, а на выделенные средства произведены масштабные и разносторонние раскопочные работы, в том числе и на территории Чечни. В 1878 г. А.С. Уваровым была представлена программа изучения кавказских древностей, а с весны 1879 г. начали работать экспедиции. Для В.Б. Антоновича и В.Г. Бернштама разрабатывается специальная инструкция по изучению кавказских древностей, в том числе курганов. Были сформированы специализированные научные группы, отработаны методики полевых исследований, собраны и обработаны коллекции вещей, написан ряд научных трудов²⁵.

Для середины 40-х гг. XX в. для территории Чечни новым этапом в изучении ее археологических памятников предложено считать публикацию А.П. Круглова, вышедшую в 1938 г.²⁶ Однако, с точки зрения их полевого

изучения, таким годом логичнее было бы считать либо 1936 г., когда в крае начали действовать Чечено-Ингушская археологическая экспедиция ГАИМК (А.П. Круглов), либо – следующий, 1937 г., когда образовалась Северо-Кавказская экспедиция (ИИМК, ГИМ, ЧИНИИЯИ)²⁷.

Г.Н. Вольная в истории изучения предметов зооморфного искусства раннего железного века из археологических памятников Чечни выделяет 4 этапа:

- середина XIX в. – первые десятилетия XX в.;
- 30-е гг. – конец 50-х гг. XX в.;
- начиная с 60-х гг. – до середины 90-х гг. XX в.;
- вторая половина 90-х гг. XX в. – начало XXI в. Предложенная периодизация, по мнению автора, совпадает с изучением и других древностей раннего железного века на территории Чечни:
 - с середины XIX в. до начала XX в.;
 - с 40-х гг. XX в. до 1960 г.;
 - с начала 70-х гг. XX в. до 1995 г.;
 - с 1996 г. по настоящее время²⁸. Однако, помимо ряда несовпадений относительно заявленных этапов для изучаемых ею предметов, автор ограничил период раннего железного века лишь материалами VI–IV вв. до н.э., что может быть связано с научными интересами самого исследователя. При этом полевые изыскания в приведенном исследовании объединены с научными публикациями на тему зооморфного искусства этого же периода.

Подобным же образом историографические разделы оформлены и в ряде монографических исследований, в той или иной мере касающихся территории Северо-Восточного Кавказа²⁹. В то же время, в других подобных исследованиях, посвященных памятникам сарматского времени Дагестана, применен принцип разделения истории изучения памятников и обзора историографии³⁰. Для одновременных памятников Кабардино-Балкарии Б.М. Керефовым был избран комбинированный прием: вместе с представляемыми комплексами были даны и точки зрения различных исследователей на их датировку³¹. В очередной монографии Ю.А. Прокопенко, посвященной древностям Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э., отдельно представлены очерки изучения скифского и сарматского периодов, а также историографические обзоры. Кроме того, автором выделен и раздел, посвященный этапам их изучения, что позволило обозначить их в следующих границах:

- вторая половина XIX – начало XX в.;
- после завершения Гражданской войны и до конца 50-х гг. XX в.;
- конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.;
- начало 90-х гг. – и до современности.

Однако, при этом Ю.А. Прокопенко объединил полевые изыскания, а также публикационные усилия и интерпретации³².

Ранее нами (при публикации материалов сарматских подкурганов из раскопок археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого в 1986–1991 гг.) был использован методический прием, предложенный Б.М. Керефовым, но с дополнительным выделением специального раздела, посвященного истории полевого изучения погребений раннего железного века Чечни³³.

На основе этого опыта нами были представлены этапы в изучении древностей раннего железного века Чечни, которые в значительной степени совпадают по времени с исследованием и иных археологических памятников. При этом в основу их выделения был положен принцип формирования исследовательских коллективов, изучающих памятники, т.к. научное осмысление добытых в полевых условиях материалов всегда запаздывает относительно времени их фиксации, что находит свое отражение в полевых дневниках и отчетах. Исходя из этого, предлагается схема, представляющая, на наш взгляд, как общие, так и особенные черты в изучении раннежелезных древностей, основанная на периодизации, предложенной автором в ряде предыдущих работ³⁴.

С учетом некоторой корректировки, она может быть представлена в следующих границах:

Первый этап начинается с нахождения в ходе строительства Воздвиженского укрепления кобанского могильника и завершается находкой 2 статуэток в районе сел. Шатой. Его основное содержание связано с работами Н.С. Семенова, начиная с 1870 г., и исследованием Г.А. Вертеповым в 1901 г. курганов в Урус-Мартановском районе³⁵. Начало т.н. «постреволюционного» этапа следует соотносить с раскопками А.Д. Анучиным в 1928 г. в районе сел. Воздвиженское 2 курганов, в которых были найдены предметы, относящиеся к эпохе раннего железного века³⁶, а также раскопками в 1929 г. кургана в Заводском районе гор. Грозного, произведенным под наблюдением А.В. Уэльса³⁷. Завершается этап работами Северо-Кавказской экспедиции 1938 г., хотя памятники раннего Железного века исследуются и в следующем – 1939 г.³⁸

Разведками памятников в долине р. Сунжи, произведенными в мае 1945 г. Т.М. Минаевой и Н.И. Штанько, начинается послевоенный этап, который завершается с прекращением деятельности в крае СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова (1969). В то же время, работы в 1970 г. на Сержень-Юртовском могильнике под руководством В.И. Козенковой еще имели эту аббревиатуру³⁹.

В период с 1970-го по 1975 г. археологические раскопки памятников раннего железного века на территории ЧИАССР ведутся силами различных отрядов ЧИНИИСФ, ЧИГУ и РДЭТС (В.Б. Виноградов, В.А. Петренко, С.Л. Дударев).

Следующий этап связан с созданием в 1976 г. предгорно-плоскостной археологической экспедиции (ППАЭ), работавшей все годы под руководством В.Б. Виноградова, и завершается началом деятельности археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (1986 г.), хотя широкомасштабным раскопчным исследованиям предшествовали разведки 1983 г.⁴⁰

Ю.А. Прокопенко завершение выделяемого им III этапа в изучении древностей раннего железного века Центрального Предкавказья связывает с резким сокращением новостроечных работ после распада СССР в 1991 г.⁴¹, что полностью совпадает и со временем последних в XX в. работ на памятниках раннего железного века Чечни⁴². В то же время, И.А. Сорокиной годом наиболее радикальных изменений, связанных со сменой государственного устройства и политической системы России, назван период 1992–1993 гг.⁴³ Начало текущего этапа связано с полевыми работами С.Х. Бекмурзаева на городище Кень-Юрт⁴⁴, однако ряд случайных находок эпохи раннего железного века был сделан ранее этой даты – в 2000 г.⁴⁵

Таким образом, общая схема этапов в изучении памятников раннего железного века, обнаруженных на территории Чечни в ее современных административных границах, представляется нами в следующем виде:

I этап – начало второй половины XIX – начало XX в. (1850–1911 гг.);

II этап – конец 30-х – конец 40-х гг. (1928–1938 гг.);

III – середина 50-х – 1976 г.; (1945–1970 гг.);

IV – 1970–1976 гг.

V – 1976–1985 гг.;

VI – 1986–1991 гг.,

VII – 2009 г. – и по настоящее время.

На наш взгляд, в историографическом изучении древностей указанной выше эпохи предварительно можно выделить следующие этапы:

I – середина XIX – начало XX в. (до 1917 г.);

II – 1917 г. – 1920–1930-е гг. XX в.;

III – середина 50 – конец 90-х гг. XX в.;

IV – последнее десятилетие XX – начало XXI в.

Выделение дополнительных этапов следует производить, опираясь на уже имеющиеся изыскания. Так, для первых двух из них необходимо учитывать те исследования, которые связаны с историко-краеведческой деятельностью. По мнению М.Е. Колесниковой, специально изучившей весь доступный корпус источников по данной тематике применительно к Ставропольскому краю, он начинается с конца XVIII в. и завершается к началу 1930-х гг. XX в.⁴⁶ Ею были предложены следующие этапы:

I – конец XVIII – начало XIX в.;

II – 1850–1900 гг.;

III – 1900–1917 гг.;

IV – 1917 – конец 1920 – начало 1930-х гг. XX в.

В дальнейшем эта тема была изучена уже на материалах всего Северного Кавказа. В первый период истории изучения Северного Кавказа были включены исследования, проведенные в XIX – начале 1930 гг. XX в. В нем автором выделены три хронологических отрезка: первая половина XIX в.; вторая половина XIX в. – 1917 г.; 1917 г. – начало 1930-х гг. XX в. Второй период ограничен рамками середины 1930 – конца 1980-х гг. XX в., который, по мнению автора, распадается на два этапа: середина 1930–1950-е гг.; 1960–1980-е гг. Третий период представлен исследованиями, опубликованными с начала 90-х гг. XX в., в котором выделены два этапа: 1990-е – начало 2000-х гг.; первое десятилетие 2000-х – и по настоящее время⁴⁷.

Специально тема историографического исследования памятников раннего железного века в рамках Северного Кавказа пока не исследовалась. Эта работа, но применительно к археологическим исследованиям раннесредневековых древностей в 20-е гг. XX в. – начале XXI в. была проделана Л.П. Ермоленко. Ее анализ показывает, что в северокавказской археологии можно выделить особенности в формировании региональной историографии, связанные как со спецификой региона, так и с условиями развития археологической науки⁴⁸. На наш взгляд, в ходе работы над подобной проблематикой следует учитывать особые условия в изучении различных регионов края, связанных, прежде всего, с интенсивностью полевого ис-

следования, целями и задачами ведущих археологических учреждений страны, включивших Северный Кавказ в сферу своих профессиональных интересов. Кроме того, необходимо учесть и научные интересы археологов, входивших в состав исследовательских коллективов, их активность при обработке и представлении полученных материалов, публикации как отдельных статей, так и монографических изданий. Публикационные усилия региональных научно-исследовательских учреждений также требуют внимания исследователей. От этого будут зависеть и вопросы выделения этапов в создании историографической базы, рамки формирования которых, применительно к изучаемой территории, могут быть определены лишь в ходе отдельного специального исследования всего имеющегося в нашем распоряжении комплекса источников и материалов.

Примечания

1. *Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А.* Чечено-Ингушетия в советской исторической науке (историко-библиографический обзор). Грозный, 1963. 79 с. С. 18, 36–40; *Савенко С.Н.* Вклад Кавказоведческой школы в исследования проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н.э. – IV в.н.э.) // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов. Армавир, 2013. С. 94–117; *Виноградов В.Б.* Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 3–11; *Березин Я.Б.* Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40–80-е гг.) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 68–75; *Дударев С.Л.* Эпоха позднего бронзового и раннежелезного века в исследованиях Кавказоведческой школы // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов. Армавир, 2013. С. 70–73, 83–85; *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана... С. 10–25; *Виноградов В.Б.* Историография актуальных проблем археологии Северного Кавказа // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2. С. 19–26. С. 22, 26; *Марковин В.И., Мужухоев М.Б.* Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. 151 с. С. 8–11; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М.* Археологические исследования 1980–1984 гг. в автономных республиках Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Владикавказ, 1985. 164 с. С. 5; *Багаев М.Х.* Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006. С. 110–118.

2. *Мужухоев М.Б.* Нарты. Аланы. Вайнахи (К истории ингушского народа). Назрань, 1996. С. 6–7, 45, 48, 59–61; *Ковалевская В.Б.* Центральное Предкавказье в древности и раннем Средневековье (кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен). Автореф. дисс... д.и.н. М., 1988. С. 13; *Дударев С.Л.* Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. Киев–Полтава, 2009. С. 135–141; *Багаев М.Х.* Была ли нахская цивилизация? // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ, 2008. С. 29–31; *История Ингушетии.* Магас–Нальчик, 2011. С. 59–66.

3. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 387–396; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское изд-во, 1972. С. 26, 32–33, 84–93, 284–313; *Петренко В.А.* Погребальный обряд Ханкальского могильника как показатель его этнической принадлежности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного

Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 202–203; Мужухоев М.Б. Этнические процессы на Центральном Кавказе в древности (кобанская культура) // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1992. 197 с. С. 62–74; Марковин В.И. Археологический аспект в изучении этногенеза вайнахов // Там же. С. 10; Багаев М.Х. Происхождение вайнахского народа // Там же. С. 145–156; Он же. Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. С. 398–399; Козенкова В.И. Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. С. 91–93; Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э.). М.: Наука, 1993. С. 191–201.

4. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ: Кавказская здравница, 2000. 112 с.; Кузнецов В.А. Исторические мифы и их место в общественно-политической жизни Северного Кавказа сегодня // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции. Владикавказ: СОИГСИ, 2005. 280 с. С. 63–73; Марковин В.И. Тенденции последних лет (1991–1997) в историко-археологическом изучении Северного Кавказа // Степной мир в древности и Средние века. Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. 251 с. С. 125–132; Чеченов И.М. Новые негативные явления в освещении древней истории Северного Кавказа // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. Вып. VIII. 976 с. С. 500–501; Туалагов А.А. Находящиеся скифы и аланы – реальность или миф? Владикавказ: Ир, 2008. 110 с.

5. Багаев М.Х., Мамаев Х.М. Герменчукское городище в Чечне (вопросы хронологии) // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Магас, 2010. С. 28–30; Мамаев Х.М. О хронологии Алхан-Калинского городища // XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. Владикавказ, 2008. С. 239–241; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН, Таус, 2009. 468 с. С. 141–162. Рис. 140; Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник АН ЧР. 2014. № 4 (25). С. 65–72.

6. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. М.: Наука, 1977. Вып. В2-5. С. 19; Она же: Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Наука, 1996. С. 65.

7. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука. 1960. С. 108; Он же. Раннежелезный век Северного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ. Нальчик, 1965. Т. XIV. Серия «Историческая». С. 354; Он же. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 1. С. 16.

8. Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. М.: Наука, 1969. 116 с. С. 82.

9. Техов Б.В. Тлийский могильник и проблема хронологии культур поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3. С. 35–36; Он же. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. С. 4.

10. Котович В.Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе // Известия СКНЦВШ. Серия общественных наук. 1978. № 3. С. 23.

11. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). С. 9, 74–87.

12. Котович В.Г., Давудов О.М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4. С. 41, 51.

13. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы ... С. 81–82, 96, 99, 105–106.

14. Козенкова В.И. Поздняя бронза в Терско-Сунженском бассейне: дискуссионные вопросы периодизации и хронологии // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. Магас, 2010. С. 201.

15. Дударев С.Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Киев, 1993. 24 с. С. 15, 20.

16. *Дударев С.Л.* Ранний этап освоения железа ... Дисс. ... на соискание ученой степени к.и.н. (рукопись). Грозный, 1983. С. 9–10, 110, 183–184.
17. *Дударев С.Л.* Проблема освоения железа населением Северного Кавказа (советская и российская историография второй половины XX века) // Сборник научных работ С.Л. Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. 558 с. С. 61–72.
18. Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 281; Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии в V–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 10.
19. *Петренко В.А.* Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н.э. – IV в. н.э. как этнический показатель // АВСИСК. Грозный, 1979. С. 28.
20. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана... С. 10.
21. *Колесникова М.Е.* Археологические исследования на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Тезисы докладов I Международного конгресса. Симпозиум I. Северо-Кавказские цивилизации. История, культура, экономика, социология, философия. Пятигорск: ПГЛУ, 1996. Ч. I. С. 73.
22. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 15; *Мамаев Х.М., Даутова Р.А., Мамаев Р.Х.* О начальном этапе археологического изучения Чечни // История науки и техники. 2012. № 7. С. 140.
23. *Колесникова М.Е.* Становление исследовательской традиции в археологии Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX в. // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. Ставрополь: СГУ, 1997. С. 75.
24. *Она же.* Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в конце XVIII – 20–30-е годы XX в. (По материалам Ставрополя). Дисс. ... на соискание ученой степени к.и.н. (рукопись). Ставрополь, 1998. С. 46–52.
25. Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда. М.: Синодальная типография, 1879. 68 с. С. 37–38, 43–46; V Археологический съезд в Тифлисе. Труды Подготовительных комитетов. М., 1882. Т. 1. С. 324; Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887.
26. *Мамаев Р.Х.* К историографии археологии Чечни (конец XVIII – начало XIX в.) // XXVII Крупновские чтения: Материалы международной конференции. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 353.
27. *Мамаев Х.М.* Из истории археологического изучения Чечни (К 70-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник АН ЧР. 2008. № 1. С. 91.
28. *Вольная Г.Н.* История изучения предметов зооморфного искусства раннего железного века из археологических памятников Чечни // Вестник АН ЧР. 2013. № 2 (19). С. 42–67.
29. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье (VI в. до н.э. – XII в.н.э.). М.: Наука, 2008. С. 10–31; *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СГУ, 2005. 819 с. С. 5–47.
30. *Давудов О.М.* Материальная культура Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. 428 с. С. 21–61; *Бакушев М.А.* Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Ростов н/Д.: Росиздат, 2008. 208 с. С. 11–42.
31. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1998. 216 с. С. 9–39.
32. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СКФУ. Ч. I. 446 с. С. 6–63.
33. *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганые погребения раннего железного века – эпохи раннего Средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь: Орион, 2008. С. 7–19.
34. *Бурков С.Б.* К вопросу об информативных возможностях бытовых и погребальных памятников эпохи раннего железного века с территории Чечни //

XXVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. Махачкала, 2012. С. 165–166; *Бурков С.Б.* Приемы и методы поиска, фиксации и музеефикации археологических объектов и предметов эпохи раннего железного века с территории Чечни в исторической перспективе // VII Прозрителевские чтения: Материалы научно-практической конференции 22–23 ноября 2012 г. Ставрополь, 2013. С. 156; *Бурков С.Б.* Северо-Кавказские и Предгорно-Плоскостная археологические экспедиции: этапы в изучении памятников эпохи раннего железного века Чечни // XXVIII юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. М., 2014. С. 223–225.

35. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* К истории археологического изучения Чечни (начало XX в.) // Вестник СОГУ. Общественные науки, 2012. № 1. С. 66–70, 69.

36. Архив ЛО ИА АН РАН. ГАИМК. Д. № 216 за 1928 г. Материалы М. Акбулатова; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники... С. 111.

37. *Мамаев Х.М.* Раскопки кургана в г. Грозном в 1929 г. // Археологические открытия в новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 20–28; *Мамаев Х.М.* Еще раз о раскопках кургана 1929 г. в г. Грозном // Вестник АН ЧР. 2008. № 1. С. 111–118.

38. *Мамаев Х.М.* Из истории археологического изучения Чечни (К 70-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северокавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник АН ЧР, 2008. № 1. С. 92–93.

39. *Козенкова В.И.* Раскопки могильника у селения Сержень-Юрт // АО. 1970, 1971. С. 107.

40. *Бурков С.Б.* Северокавказские и Предгорно-Плоскостная археологические экспедиции: этапы в изучении памятников эпохи раннего железного века Чечни // XXVIII юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов международной конференции. М., 2014. С. 223–225.

41. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. I. С. 63

42. *Тайсумов Т.А.* Отчет о ведении археологических работ на поселении № 3 у с. Аллерой Шалинского района ЧИР в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 16212; *Вольная Г.Н.* Отчет о разведках в Шелковском районе в зоне строительства Терской ГРЭС в 1991 году. Грозный, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 16949; *Ростунов Е.В.* Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках поселения эпохи раннего железа у ст. Ильинской Грозненского сельского района и курганного могильника у с. Коби Шелковского района Чеченской Республики – Ичкерия 1991. Владикавказ, 1998 // Архив ИА РАН. Р-1. № 20932; *Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А.* Подкурганские погребения раннего железного века – эпохи раннего Средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008. С. 5. 217, 242.

43. *Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К, 2008. С. 162.

44. *Бурков С.Б.* Из истории изучения бытовых памятников эпохи раннего раннего железного века с территории Чечни // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. 1. С. 83; *Бурков С.Б.* К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железа с территории Чечни // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–М., 2012. Вып. 13. С. 194–195

45. *Козенкова В.И.* Еще об одном шедевре, который мы потеряли // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (Крупновские чтения 1971–2006 гг.). М., 2008. Вып. VIII. С. 749–750.

46. *Колесникова М.Е.* Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в конце XVIII – 20–30-е годы XX в. (по материалам Ставрополя). Автореф. дисс. ... к.и.н. Ставрополь, 1988. 26 с.

47. *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: СГУ, 2011. 524 с. С. 78, 97, 117.

48. *Ермоленко Л.П.* Развитие археологических исследований памятников раннего Средневековья на Северном Кавказе (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Ставрополь, 2007. 26 с. С. 5.

S.B. BURKOV

**THE ISSUE OF ESTABLISHING THE TIME LIMITS
AND PHASES IN THE STUDY OF THE EARLY IRON AGE**
(based on Chechnya)

The article is establishing the criteria and the chronological framework of the Early Iron Age epoch to be applied to the archeological objects of Chechnya. The scientific approaches of various researchers are analyzed with consideration of the general and the specific factors of the historical development on the all-Caucasian and the regional levels. The author is defining the stages of the researches through separation of the field works from the scientific studies of the found materials.

Keywords: the field researches, the archeological objects, the chronological systems, the historiography, the chronological framework, the informative value.

Н.Д. Кодзоев
(г. Назрань)

БАШЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ХАМХИ

Хамхи – одно из крупнейших башенных поселений Горной Ингушетии замкового типа. В Хамхи сохранились несколько десятков памятников, относящихся к различным периодам истории ингушского народа. В Средневековье по Ассинскому ущелью мимо Хамхи проходила ветвь Великого шелкового пути. На башнях и святилище Хамхи исследователями отмечены петроглифы. Из Хамхи вышел крупный ингушский род – Хамхоевы. Хамхоевы основали вблизи Хамхи новые башенные поселения Хайрах, Балкой-Ценге, Исмаилово.

Ключевые слова: Хамхи, Хамхоевы, памятники, башни, петроглифы, Ассинское ущелье, торгово-транспортный путь, Хайрах, Балкой-Ценге, Исмаилово, Хевсуретия.

Хамхи – одно из крупнейших башенных поселений Горной Ингушетии замкового типа, расположено в центре Таргимской котловины на левом берегу р. Ассы (Рис. 1).

В настоящее время Хамхи административно входит в состав Джейрахского района Республики Ингушетии. Вблизи него располагаются еще несколько башенных поселений, основанные выселенцами из Хамхи: Хайрах, Нижний Хайрах, Балкой-Ценге, Исмаилово; до 20-х гг. XX в. на месте расположения школы-интернета у пос. Хамхи располагалось поселение Каза-Ценге.

Башни и другие памятники Хамхи изучали в разное время В.Ф. Миллер¹, Л.П. Семенов², И.П. Щеблыкин³, А.И. Робакидзе⁴, В.И. Марковин⁵, М.Б. Мужухоев⁶, Л.А. Перфильева⁷, Д.Ю. Чахкиев⁸ и другие.

В Хамхи сохранились несколько десятков памятников, относящихся к различным периодам истории ингушского народа (со II тыс. до н.э. – до XIX в.). «Здесь проживали многоопытные воины и земледельцы, знатоки горского обычного права, искусные охотники (кстати, хорошо знавшие сложный т.н. охотничий язык), потомственные мастера по изготовлению высококачественных боевых луков (поставляющиеся даже грузинскому Кахетинскому двору), а девушки являлись искусными мастерицами золотого и серебряного шитья (одежда, колчаны, налучья и пр.)»⁹.

В Хамхи люди жили с глубокой древности непрерывно, по крайней мере, до 23 февраля 1944 г. Памятники Хамхи, как и других башенных поселений Горной Ингушетии, несут на себе следы геноцида 1944 г. (многие башни взорваны или обстреляны из пушек).

Одними из древнейших памятников на этой территории являются циклопические постройки, руины которых обнаружены вблизи Хамхи и Хайраха (Рис. 2–3). По мнению ряда исследователей, циклопические постройки, обнаруженные в горах Ингушетии и Грузии, возводились племенами кобанской культуры. «В верховьях реки Ассы, на территории современной Горной Ингушетии, известны остатки кобанских циклопических

(т.е. построенных из крупных каменных плит и блоков) крепостей, относящиеся к концу II – началу I тыс. до н.э. (Дошхакле, Эгикал, Хамхи, Карт и др.)»¹⁰ (Рис. 4).

По мнению Л.П. Семенова, некоторые памятники Горной Ингушетии, в том числе и чашечный камень из башенного поселения Хамхи «...вводят исследователя местного края в широкий круг проблем мирового значения»¹¹.

В Средневековье по Ассинскому ущелью мимо Хамхи проходила ветвь Великого шелкового пути. В Ассинской котловине располагался большой базар, упоминаемый в ингушском фольклоре¹². В надземных склепах Хамхи археологами найдены предметы иранского производства XIV–XVI вв. Это сумочка из шелковой иранской ткани XIV–XV вв. и фрагмент шелковой иранской ткани XVI в., обнаруженные экспедицией Государственного исторического музея в 1938 г.¹³

Е.И. Крупнов отмечал, что « в свете археологических фактов кроме Дарьяльского прохода одним из основных путей, проходивших через Ингушетию и сохранивших свое значение до современности, является ущелье, по которому с юга на север протекает р. Асса... Работами Северокавказской археологической экспедиции Академии наук СССР и Государственного исторического музея в прошлые годы установлена исключительная насыщенность Ассинского ущелья разнообразными и разновременными памятниками древности начиная от эпохи бронзы и кончая XIX в. Выясняется, что Ассинское ущелье является древнейшим путем, через который осуществлялись связи местного населения горных и плоскостных районов»¹⁴.

В древнегрузинских источниках упоминаются «Панчуа-Дзурдзукски двери», которые связывали Закавказье с Северным Кавказом¹⁵. А.И. Шавхелашвили и Е.И. Крупнов считают, что Панча-Дузрдзукские двери и есть Ассинское ущелье¹⁶. Торгово-транспортный путь, проходивший по территории горной Ингушетии в ингушском фольклоре называется «ПаллГай никъ» («Дорога ингушей»)¹⁷. На всем протяжении прохождения участков Великого шелкового пути в Горной Ингушетии возникали мощные каменные башни и поселения замкового типа.

В XIII в., когда Предкавказье было захвачено монголами, караванные пути на плоскости перестали функционировать. Городища на плоскости были уничтожены. Шелковый путь полностью перемещается в горы. Итальянский путешественник и купец Франческо Пеголотти, живший в XIV в., который по Шелковому пути преодолел тысячи километров, в своей книге «Торговое дело», написанной в 1340 г., сообщал, что караваны уходили в горы в районе Дербента и выходили на плоскость только у Черного моря¹⁸.

Башни ингуши строили с глубокой древности, но в XIII–XIV вв. благодаря переносу трассы шелкового пути полностью в горы развитие башенного строительства стало более интенсивным, т.к. контроль над торговыми путями давал местному населению средства, с помощью которых они могли вести и развивать башенное строительство. XIII–XIV вв. стали, таким образом, периодом расцвета башенной культуры ингушей и самих башенных поселений, наиболее крупные из которых, по сути, превратились в небольшие по площади средневековые башенные города.

По мере того, как в XIV–XV вв. караванов становилось меньше, и массовое башенное строительство в Горной Ингушетии начало затухать, хотя строительство единичных башен продолжалось до начала XIX в.¹⁹

На башнях и святилище Хамхи исследователями отмечены петроглифы – графические изображения на поверхности камня, разнообразные по своему характеру и по сюжетам. Отпечатки рук и петроглифы на башнях Хамхи отмечали В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, Л.А. Перфильева и др. исследователи²⁰ (Рис. 5–9).

На правом берегу р. Ассы, на гребне горного кряжа, на водоразделе Ассы и Тхабахи расположено башенное поселение Хамхоевых Хайрах (инг. Хьайрах), из которого происходят фамилии Хайрахоевы, Гарсовы (Рис. 10). Башни Хайраха не сохранились. «В настоящее время здесь прослеживаются только основание боевой башни и полуразрушенные 8 жилых башенных сооружения, которые с помощью каменной оборонительной стеной объединялись в единый мощный замковый комплекс позднего Средневековья»²¹.

Название поселения «Хьайрах» происходит от ингушского слова «хьайр» – «мельница». По воспоминаниям старожилов, до депортации ингушей в Казахстан в 1944 г. на берегу Ассы в Хайрахе находилось большое количество мельниц. Исследователи отмечали, что жители Хайраха «являлись не только храбрыми воинами и умелыми охотниками, но и на протяжении многих веков успешно занимались переработкой зерновых сельскохозяйственных культур»²². Вблизи Хайраха находят большое количество мельничных жерновых камней (Рис. 11).

Чуть севернее Хайраха, на водоразделе, находится полуразрушенное древнее поселение, вытянутое с запада на восток, датируемое исследователями серединой I тыс. до н.э. – XIII в. н.э. Поселение имеет культурный слой толщиной в 1,2 метра, в котором «фиксируются многочисленные фрагменты разнотипной керамики, костные остатки животных, обожженный турлук, камни-зернотерки и т.д.»²³.

В двухстах метрах юго-восточнее Хайраха и в 50 метрах восточнее храма Тхаба-Ерды находится башенное поселение Нижний Хайрах (Рис. 12). «Сейчас здесь отмечают только 8 полуруинированных жилых башенных сооружения, которые с помощью каменной оборонительной стены были объединены в единый замковый комплекс позднего Средневековья. В плане башни прямоугольные или реже трапециевидные, ранее 2–3-этажные, с плоской крышей и высоким парапетом. В сохранившихся частях стен башен находятся многочисленные разнотипные сводчатые дверные и оконные проемы, хозяйственные и оборонительные ниши, узкие бойницы, камни-коновязи и прочие конструктивные детали. У 3 построек сохранились оригинальные каменные центральные опорные столбы межэтажных перекрытий»²⁴.

Жители Нижнего Хайраха, кроме обычных для горцев занятий сельским хозяйством, животноводством и охотой, также занимались изготовлением краски и пороха. «На южной окраине этого поселка можно видеть весьма крупную и массивную (песчаник) ступу XVII–XVIII вв. округлой формы (1,25 x 0,80 x 0,85 м) с круглым сквозным отверстием (диаметр – 0,28 м, глубина – 0,35 м). По преданиям, ступка предназначалась как для приготовления пороха, так и для изготовления краски»²⁵.

В полукилометре севернее поселения Хайрах, на правом берегу р. Ассы, находится еще одно поселения рода Хамхоевых – Балкой-Ценге (инг. Балкой-Ценьге) (Рис. 13).

Выходцами из этого поселения являются представители фамилии Балкоевых, являющейся ответвлением рода Хамхоевых. Это поселение включает в себя «уже полуруинированные боевую и 4 жилые башни, которые

вместе с каменной оборонительной стеной составляли единый замковый комплекс позднего Средневековья»²⁶.

Башенное поселение Исмаилово (Исмейл-Ценьге, Исмейла кьоньгий хьокхаш) располагается на оконечности горного кряжа у правого берега р. Ассы в 1,1 км севернее поселения Балкой-Ценге (Рис. 14).

Оно состоит «из уже полуруинированных или сильно поврежденных боевой, полубоевой и 5 жилых башен, которые вместе с оборонительной каменной стеной составляли довольно мощный единый замковый комплекс позднего Средневековья»²⁷. Из этого поселения вышли Измайловы, мужчины которых занимались деревообделочным ремеслом, а женщины славились искусством обработки шерсти.

Ингушский краевед и этнограф Албаст Цехарович Тутаев (1855–1941) называет Исмаилово Верхним, или Малым Таргимом. Согласно его записям, произведенным с 1882-го г. до 1920-х гг., в этой крепости жили представители рода Горбаковых из Таргима: Гасаровы, Озиевы, Тутаевы²⁸. Исследователь Ингушетии XIX в. Н.Ф. Грабовский в описании Горной Ингушетии в 1865 г. называет это поселение Гасарово и отмечает, что оно необитаемо. Но рядом с ним он называет и Исмаилово, в котором проживало 4 семейства²⁹. Согласно А.Ц. Тутаеву, в 1861 г. Гасаровы переселились на плоскость в сел. Кантышево, а все поселение (движимое и недвижимое имущество), все свои покосные и пахотные участки передали своему зятю Аламурзе Кациеву (из рода Хамхоевых)³⁰. Поселение Измайловых, называемое ингушами «Исмейла кьоньгий хьокхаш», в 20-х гг. XX в. обрушилось в Ассу.

На левобережье Ассы, на том месте, где в настоящее время находятся развалины Хамхинского интерната, в XIX в. находилось небольшое башенное поселение Каза-Ценге (КІаза-Ценьге), построенное выселенцами из Хамхи. В 1920-х гг. на этом месте был возведен интернат для детей горцев. По рассказам стариков, камни, из которых были построены башни, пошли на строительство интерната.

По материалам Абрамовской комиссии³¹ (специальная комиссия по землеустройству нагорной полосы Терской области под председательством юрисконсульта Кавказского военного округа Абрамова, по имени которого и сама комиссия стала называться Абрамовской; создана в 1906 г.), «Хамхоевы проживали в сел. Заманкул Северной Осетии – свыше 20 семей»³².

Представители рода Хамхоевых носят в наше время разные фамилии: Хамхоевы, Мартазановы, Бекбузаровы, Кациевы, Атиговы, Измайловы, Амхадовы, Аджиевы, Балкыевы, Сакаловы, Гайтукиевы, Омархаджиевы, Долткиевы, Эжиевы, Гарсовы, Гарсановы, Хайрахоевы, Шутуровы, Албаковы, Гастемировы, Кадиевы, Кодоевы, Куркиевы, Гулуматовы, Большевы, Урусхановы, Фатхильговы, Цихгизовы, Этиевы и др. От Хамхоевых отделились и считаются самостоятельными фамилиями Умаровы, Мациевы (базоркинские) и Берсановы.

Согласно родовым преданиям Хамхоевых и Костоевых, башенное поселение Кост (Къаьсте) основано переселенцами из Хамхи (Рис. 15–16). Кост (Къаьсте) расположен на отроге хребта Такан-Дук (или Къаьсти-Дукъ), между башенными поселениями Карт и Гадаборш. Вероятней всего, поселение получило свое название от названия хребта Къаьсти-Дукъ (с инг. букв.: «Разделяющий хребет» – это хребет разделяет два ущелья). Род Костоевых включает в себя несколько фамилий: Костоевы, Марзагановы, Газгиреевы, Дудуровы, Машиговы, Успаевы и др.

По некоторым данным, в 1870-х гг. Хамхоевы жили в поселении Эрш в Ассинском ущелье. В начале 1870-х гг. главный редактор Кавказского статистического комитета Николай Карлович Зейдлиц (1831–1907) совершил поездку в Горную Ингушетию, результаты которой были изложены в его статье «Поездка в Галгаевское и Джераховское ущелья»; опубликовано в 1873 г. в «Известиях Кавказского отдела Императорского русского географического общества», издававшихся в Тифлисе. В этой статье Н.К. Зейдлиц пишет: «Деревня Ирш, или Эрши, состоит из плохих хат, выстроенных на самом берегу Ассы галгаевцами дер. Хамхи для пастьбы скота, заготовления сена и возделывания кукурузы, так как сам Галгай весьма беден хозяйственными угодьями»³³.

Башенное поселение Чемгие в Хевсуретии ранее, до поселения здесь хевсуров, также принадлежало Хамхоевым (Рис. 17).

О том, что в Хевсуретии до появления здесь грузин-хевсуров жили ингуши, свидетельствуют исторические предания, архитектурный стиль башен, культовые институты, топонимия. «Можно предполагать, что уход ингушского населения из Архотского ущелья, как и с Охкарохи, относится к концу XVII – началу XVIII в., а возможно, и более раннему периоду...». В исторических преданиях мы находим подтверждение двум интересующим нас моментам: во-первых, процессу заселения Архот грузинами-хевсурами, во-вторых, существованию в Архотах ингушского населения, вытесненного со временем хевсурами. Хевсурские исторические предания содержат данные о заселении Архот грузинами, перешедшими горы и вынужденными уйти со своих мест обитания из-за нападения леков. Эти же факты отразились в ингушских исторических преданиях. «Владевшие Архотским ущельем кистины, – сообщает одно из них, – решили поселиться в сел. Амга пшавам, бежавшим от своих кровников, и брали с них за это определенную плату». По преданию, фамилия Очаури в сел. Ахиели произошла от тушин Габидаури, один из трех братьев которых ушел в Архоты. Предок хевсурской фамилии Циклаури (сел. Амга) Туркман был вынужден из-за вражды с князем уйти из Жинвани и поселиться в Архотах. Часть населения Архот, жившего там до недавнего времени, считается по происхождению кистинским. Как рассказывает историческое предание, предки фамилии Джабушанури (сел. Ахиела) первоначально жили в Архотах, но со временем ушли в Кистети, а в Архотах остался лишь один из них, ставший родоначальником хевсурской ветви фамилии Джабушанури. В сел. Амга, по преданию, первоначально жили Чоликаури и Орбели (родственные фамилии). Те из них, кто не пожелал принять христианство, ушли в «Сататрети» (хевсурское название Северного Кавказа). Из Архот исторические предания выводят часть бацбийских фамилий (Цискаришвили). О присутствии в прошлом в Архотах ингушей говорит и архитектура местных башен. Хевсурские предания приписывают их строительство ингушам и относят ко времени царицы Тамары. М. Джандиери и Г. Лежава считают башни в архотских селениях Ахиела и Квирицминда, как и около перевала Датвис-Джвари, в сторону Шатели, абсолютно идентичными ингушским. Новое грузинское население Архотского ущелья восприняло от прежнего населения не только памятники материальной культуры, но и некоторые религиозные воззрения, что, видимо, и давало возможность архотцам-хевсурам иметь с кистинами общие святилища»³⁴.

То, что Хамхоевы помнят, что у них были поселения в Хевсуретии, может свидетельствовать о том, что они являются переселенцами из Хевсуретии. Поселившись в местности, которое с древних времен имело название «Хамхи»³⁵, они от названия этой местности получили свое родовое имя Хамхой (Хамхоевы).

Иллюстрации

Рис. 1. Башенное поселение Хамхи. Современное фото

Рис. 2. Остатки древней постройки на правом берегу р. Ассы, вблизи башенного поселения Хайрах. Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2013 г.

Рис. 3. Остатки древней постройки, расположенные выше башенного поселения Хамхи. *Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2013 г.*

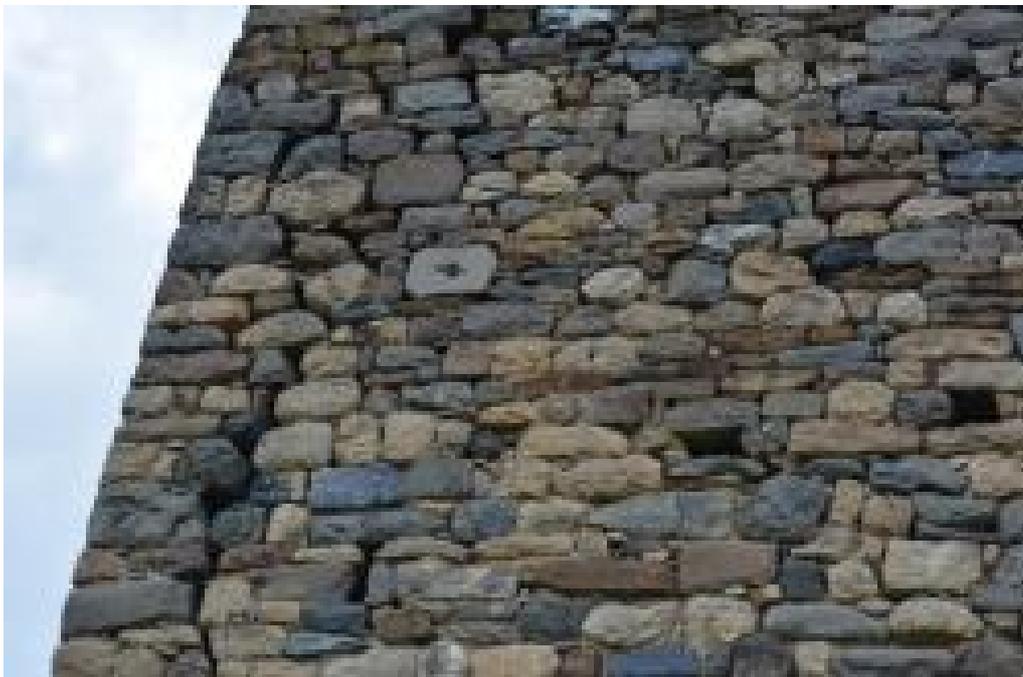

Рис. 4. Чашечный камень в южном фасаде Южной башни верхнего комплекса поселения Хамхи; *Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2012 г.*

Рис. 5. Петроглиф-оберег в откосе дверного проема Южной башни верхнего комплекса поселения Хамхи. Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2012 г.

Рис. 6. Петроглиф на северном фасаде Северной башни верхнего комплекса поселения Хамхи. Фото Т.А.-Х. Дзауровой, 2014 г.

Рис. 7. Петроглифы на жилой башне
верхнего комплекса поселения Хамхи. Фото Т.А.-Х. Дзауровой, 2014 г.

Рис. 8. Петроглифы на жилой башне
верхнего комплекса поселения Хамхи. Фото Т.А.-Х. Дзауровой, 2014 г.

Рис. 9. Петроглиф на башне Балкой-Ценге. *Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2012 г.*

Рис. 10. Башенное поселение Верхний Хайрах. *Фото Д.И. Гайтукиева, 2013 г.*

Рис. 11. Жерновой камень,
найденный вблизи Хайраха. *Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2013 г.*

Рис. 12. Нижний Хайрах

Рис. 13. Башенное поселение Балкой-Ценге. *Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2012 г.*

Рис. 14. Башенное поселение Исмейл-Ценге (Исмаилово).
Фото Х.М.-Г. Хамхоева, 2012 г.

Рис. 15. Башенное поселение Кост (Къабсте). Фото Т. Агирова, 2013 г.

Рис. 16. Башенное поселение Кост (Къабсте). 1930-е гг.

Рис. 17. Башенное поселение Чемгие в Казбековском районе Республики Грузия. Современное фото

Примечания

1. Миллер В.Ф. Терская область: Археологические экскурсии // МАК. М., 1888. Вып. 1.
2. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.
3. Щерблякин И.П. Путеводитель по Ингушской Автономной области. Владикавказ, 1929.
4. Робакидзе Л.И. Жилища и поселения горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Вып. II.
5. Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969.
6. Мужухоев М.Б. Новые археологические памятники Горной Ингушетии эпохи позднего Средневековья // АЭС. Грозный, 1976. Т. IV; Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии. Грозный, 1977 и др.
7. Перфильева Л.А. Об особенностях употребления средневековых петроглифов на Северном Кавказе // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
8. Чахкиев Д.Ю. Водоснабжение позднесредневековых поселений вайнахов // Лавровские чтения 1998–1999. СПб., 2001; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Нальчик, 2009. Т. 2.
9. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. 2. С. 6.
10. История Ингушетии / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. Изд. 4-е. Ростов-н/Д., 2013. С. 74.
11. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 156.
12. Сказание о знатном иноземце Ерте // Антология ингушского фольклора / Сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2010. Т. 8. С. 179.
13. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 97.

14. Там же. С. 142–143.
15. *Такайшвили Е.* Описание рукописей общества распространения грамотности среди грузинского населения. Тифлис, 1906–1912. Вып. 1–4. С. 728.
16. *Шавхелашвили А.И.* Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 23; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 144.
17. *Уствольская Н.Ф., Сабуров Н.А.* Материалы за 1938–1940 гг. // Архив ЧГОМ. Ф. 19. ОС-1386. Д. 142; Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986. С. 414–415.
18. *Pegolotti F.B.* La Pratica della mercatura (1310–1340). Edited by A. Evans, Cambridge, Mass.: Medieval Academy of America. 1936. С. 21.
19. *Кодзоев Н.Д.* Участки торговых путей раннего Средневековья на территории Ингушетии. Тезисы // Материалы II международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2010; *Кодзоев Н.Д.* Истоки башенной культуры ингушей // *Дударов А.-М., Кодзоев Н.* К древней и средневековой истории ингушей. Нальчик, 2011; Ингуши. Серия «Народы и культуры». М., 2013. С. 186–188.
20. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР: Труды ЧИНИИ. Грозный, 1966 Т. 10; *Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1968. С. 112; *Перфильева Л.А.* Указ. соч.
21. *Чаккиев Д.Ю.* Древности Горной Ингушетии. Т. 2. С. 12–13.
22. Там же. С. 13.
23. Там же. С. 13.
24. Там же. С. 16.
25. Там же. С. 16.
26. Там же. С. 16–17.
27. Там же. С. 17–18.
28. *Тутаев А.* Галгаевский календарь // Архив ЧГОМ. Оп. 3. Д. 44.
29. *Грабовский Н.Ф.* Горский участок Ингушского округа в 1865 г. «Об Ингушетии и ингушах». Терские ведомости, 1868–1878; СПб., 2003. Вып. 2. С. 157.
30. *Тутаев А.* Указ. соч.
31. Труды комиссии по обследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
32. *Дахкильгов Ш.* Происхождение ингушских фамилий. Грозный, 1991. С. 50.
33. *Зейдлиц Н.К.* Поездка в Галгаевское и Джераховское ущелья // ИКОРГО. Тифлис, 1873. Вып. 3. Т. 2.
34. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 151–152.
35. *Кодзоев Н.Д.* К вопросу о происхождении названия башенного поселения Хамхи (Ингушетия) // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа: Материалы XX всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2014. С. 29–31.

N.D. KODZOEV

THE TOWER SETTLEMENT KHAMKHI

Khamkhi is one of the biggest tower settlements of the castle type in the Mountainous Ingushetia. In Khamkhi, there are dozens of the historical sites dated back to various periods of the Ingush people. In the middle age, a branch of the Great Silk Route went through the Assinskoe valley and passed by Khamkhi. The researchers identified petroglyphs on the towers and in the temple of Khamkhi. The big Ingush family of the Khamkhoevs originate from Khamkhi. Near Khamkhi, the Khamkhoevs have built new tower settlements, such as Khayrakh, Balkoy-Tzenge, Ismailovo.

Keywords: Khamkhi, the Khamkhoevs, the historical sites, the towers, the petroglyphs, the Assinskoe valley, the trade and transport route, Khayrakh, Balkoy-Tzenge, Ismailovo, Khevsuretiya.

УДК – 94(262.2)

Ф.А. Озова
(г. Черкесск)

ТОРГОВЛЯ ТКАНЯМИ И ОДЕЖДОЙ В ЧЕРКЕСИИ (X–XVIII вв.)

Статья посвящена исследованию внешней торговли Черкесии в X–XVIII вв. Она базируется на известных источниках X–XVIII вв. (Мас'уди, Э. Челеби, К. Пейсонель), а также на достижениях историографии и археологии XX в., свидетельствующих, что ткачество, золотошвейное искусство и изготовление одежды в Черкесии носили самобытный характер и основывались на многовековых традициях. В статье показано место экспорта черкесских товаров в европейском географическом разделении труда, имевшего значение для зарождения мирового рынка.

Ключевые слова. Торговля, ткачество, золотое шитье, Шелковый путь, Генуэзская дорога, географическое разделение труда.

I

Важное место в системе традиционных промыслов и ремесел Черкесии занимали ткачество, золотое шитье и портняжное искусство, имевшие многовековые традиции развития, приведшие к формированию оригинальных стилей, как в одежде, так и в золотошвейном искусстве. Черкесский стиль в одежде и золотом шитье был оценен по достоинству во многих странах, сформировав в раннее Новое время моду на черкесский костюм в Восточной Европе. В ткачестве успехи были также очевидны. Многие виды изделий черкесских мастериц на протяжении столетий вывозились на продажу в другие страны. Среди них были и высококачественные дорогие льняные, конопляные и шерстяные ткани. Важнейшим стимулом развития и процветания этих ремесел был спрос на эту продукцию во многих странах Европы и Ближнего Востока. Он складывался и под влиянием той роли, которую на протяжении тысячелетий в системе мировой торговли играли весь Кавказ и Черкесия, занимавшая $\frac{3}{4}$ его территории. В античное время черкесы (меоты) торговали с греческими полисами. С раннего Средневековья древние караванные торговые пути Черкесии входили в систему Шелкового пути. После гуннского нашествия некоторые его фрагменты переместились в горы и оказались чрезвычайно востребованными после возобновления Византийской империей торговли Востока и Запада. В IX–XII вв. торговля на кавказском участке Великого шелкового пути носила очень активный характер. В XIII–XV вв. причерноморская торговля вышла за рамки региональной и стала частью мировой торговли – «большой торговли» – как ее называет Жак де Гофф. Объектами последней были зерно, соль, кожи и меха, металлы и качественные ткани. Знаменательно, что именно в этот период имела место и торговая

революция «долгого» XIII века (с 1160-х по 1330-е гг.)¹. В XIII–XV вв. монополия на торговлю в Черноморском бассейне принадлежала Генуе. В эту эпоху древний Северокавказский торговый путь стал известен как Генуэзская дорога. Одна ее ветвь тянулась от Анапы через многочисленные селения на берегах рек Лаба, Кяфар, Зеленчук, Теберда, через Клухорский и Марухский перевалы в Абхазию. Другая – через всю территорию Кабарды к Каспийскому морю². В XVII–XVIII вв. черкесы успешно торговали со странами Европы, с Российской и Османской империями.

Тесный контакт Северо-Восточного Причерноморья с античными городами-государствами не мог не повлечь культурного взаимовлияния этих народов. Исторические источники говорят даже о существовании особой греко-варварской культуры в Причерноморье с IV в. до н.э.³ Принято считать, что именно в это время греками были заимствованы от черкесов сапоги и штаны⁴.

Традиции ткачества и шитья в Черкесии питались древними корнями. Об этом говорят артефакты майкопской археологической культуры, которая имела фундаментальное значение для развития черкесского этноса. «Племена майкопской культуры достигли больших успехов в производстве тканей» – об этом свидетельствуют многочисленные находки пряслиц на поселениях, а также остатки шерстяных и холщовых одежд в Новосвободненских дольменах, обрывки ткани в Нальчикской гробнице⁵. Известно, что носители майкопской культуры были изобретателями иголки для шитья⁶.

С древних времен черкесами использовались для изготовления тканей два вида оригинальных станков – льярукъ и пхъашь. Льярук представлял собой разновидность одного из древнейших видов станка – станка «с грузиками». Он имел бытование уже в меотскую эпоху⁷. Изображение подобного примитивного станка сохранилось на древнегреческих расписных сосудах. Второй вид станка, существовавший у черкесов, представлял собой примитивное ткацкое устройство – станок «на поясе». Различные модификации такого станка имелись во многих странах. Так, например, известны южноамериканский и японский типы. Черкесский тип такого станка называется пхъашь, его образец хранится в Национальном музее республики Адыгея⁸. На станке пхъашь изготавливались ткани различного качества и фактуры. Возможно, здесь имелся и третий, более усовершенствованный вид станка, на котором на рубеже I и II тыс. на Западном Кавказе на привозном сырье ткалась грубая шелковая ткань⁹ (О высоком уровне развития прядения, ткачества и золотого шитья свидетельствует связанная с ними богатая терминология черкесского языка¹⁰).

В ткацком производстве черкесов значительное место занимала выработка тканей из шерсти, льна и конопли, в более позднее время – и производство шелковой ткани. На территории Западного Кавказа наряду с собственной продукцией ткачества широкое хождение имели импортные ткани. Привозные ткани вошли в обиход черкесов очень рано и прочно. Значительное место в торговле тканями на протяжении веков занимал ввоз дорогих шелков для изготовления парадных костюмов. В VI–XI вв. такие ткани экспортировались в основном из Константинополя. С момента освоения изготовления шелка Византией (VI в.) его производство и торговля им были монополизированы государством, что позволяло Константинополю успешно конкурировать с Персией и Китаем, задавая тон всей Европе вплоть до XII в.¹¹ Исторические источники свидетельствуют, что

одним из направлений экспорта византийских шелков были кавказские страны. Территория исторической Черкесии – один из немногих регионов мира (наряду с Египтом, Нубией, побережьем Мертвого моря, Сирией, Восточным Туркестаном, Тибетом и Китаем), где благодаря сухости грунта и чистоте горного воздуха сохранились текстильные материалы. Особенно хорошей оказалась их сохранность в высокогорных могильниках песчанниковых террас Западного Кавказа (Хасаут, Нижний Архыз, Мощевая Балка (VIII–IX вв.))¹². Здесь были обнаружены первоклассные археологические находки раннего Средневековья, обладающие большой исторической ценностью. Среди них – знаменитейшие в истории раннесредневекового искусства парадные драгоценные, или «золотные» шелка (парча), представлявшие собой плотную, почти негнущуюся ткань¹³ и шелковые ткани тонкой выделки. Е.П. Алексеева подчеркивала, что византийский шелк, обнаруженный в скальных захоронениях Нижнего Архыза (VII–VIII вв.), «изготавливался в Константинопольских императорских мастерских и предназначался для одежд императора Византии и сановников империи <...> Таких находок в мире известно только три (Италия, Чехословакия, Эрмитаж). Данная находка – четвертая»¹⁴.

А.А. Иерусалимская в статье о материалах могильника Мощевая Балка, отмечала: «немногие из сохранившихся образцов таких тканей «украшают в Европе алтари богатых соборов или раки самых почитаемых святых, или погребения лиц королевского достоинства, – эти самые ткани мы находим в изобилии (и в очень разнообразном «ассортименте») в затерянных высоко в горах Северного Кавказа могильниках»¹⁵. Одежда «адыго-аланского могильника VIII–IX вв. Мощевая Балка» (А.А. Иерусалимская) имела уникальное значение для реконструкции средневекового костюма: «эти находки позволили выделить все те признаки, которыми характеризуется средневековый костюм как историко-культурное явление». Материалы Мощевой Балки свидетельствуют, что экспорт и реэкспорт через пролежавшую здесь артерию Шелкового пути включал в себя и готовые одежды как из Средиземноморья, так и из Средней Азии¹⁶.

Исключительно богатое драгоценными тканями захоронение было обнаружено и в Сентинском храме Тебердинского ущелья (IX в.): аксамиты (тяжелые, но не золототканые), парчовые шелка, ценившиеся «в истинном смысле этого слова на вес золота». Ткань, найденная в Сентах, была окрашена в ярко-красный (пурпурный) цвет, который в глазах человека той эпохи относился к разряду высших цветов. Тканями этого тона могли пользоваться только императорская семья и высшая аристократия. К высшему символическому разряду относилось и золото, являвшее собой образ света, олицетворявшее «славу», «блеск», «умность»¹⁷. В самой Византии одежду из шелковых пурпуровых тканей с золотом дозволялось носить только узкой группе привилегированных лиц¹⁸.

Данные археологии дополняются письменными источниками. Автор Х.В. Мас'уди указывал, что черкесские женщины «одевались в белое, в румскую(византийскую. – О.Ф.) парчу, в ярко-алую ткань (сиклатун) и в различные парчовые ткани, затканые золотом»¹⁹. (В Черкесии красный цвет издревле имел сакральное значение и вплоть до конца XIX в. был социальным маркером в одежде).

Мас'уди отмечал, что черкесы не только покупали дорогие западные ткани, но и сами производили ткани на экспорт. Среди них он выделял вы-

сококачественное льняное (согласно второму варианту перевода В.Ф. Минорского, – пеньковое полотно²⁰), называвшееся «тала» («золото») – более тонкое и прочное известной этимологии своими характеристиками ткани *дабика*, изготовлявшейся в г. Дабике в Египте (Описание этой ткани осталось, в частности, в книге египетского историка и географа XIV–XV вв. Макризи, отмечавшего наличие изделий из этой ткани в сокровищницах фатимидских халифов²¹). «Тала» стоила очень дорого – 10 динаров за отрез. Ею торговали со многими странами – со «смежными народами» и «соседними странами ислама»²².

В Черкесии в период раннего Средневековья многие ремесла стали носить характер мелкого товарного производства. Среди них – ткачество и золотое шитье²³. Золотым шитьем черкесов (*дышгъэидаг/дыгъэидагъ/дыщгъэидэ*) принято называть все способы вышивки золотыми и серебряными нитями, а также плетение басонных изделий и ткачество на дощечках с использованием золотых и серебряных нитей²⁴. Исследователи отмечают, что золотошвейный комплекс черкесов «обладает значительной сложностью, богатством, разнообразием составных частей, отличаясь высоким художественным уровнем и совершенством техники». В золотошвейных работах черкесов различают четыре вида техники: 1) «традиционное, основное и характернейшее плоское шитье *дыщгъэидэ/идагъ* (*вприкреп*) на пальцах»; 2) более позднее и менее характерное – высокое шитье *шыхъаридэ/идагъ* (*по настилу*); 3) ткань галуна «на дощечках», являющееся самым архаичным приемом ткачества на территории Европы и широко распространенное в Черкесии; 4) плетение шнуров и золотых кружев²⁵.

Формирование вышивки *вприкреп* (называется внутри самого этноса *дыщгъэидэ/идагъ* или *дыгъэидагъ*, что в буквальном переводе – *нашивать золотом* или *адыгская вышивка*) относится к VI–VII вв.²⁶ Именно она является главной составляющей созданного черкесами специфического золотошвейного стиля, отличного от золотошвейного искусства других народов²⁷.

В период позднего Средневековья производство текстиля, несмотря на то, что оставалось индивидуальным и продолжало в основном располагаться в деревнях, оказывало содействие большому техническому прогрессу в ткачестве²⁸. Этот сектор средневековой европейской экономики почти единственный дошел до промышленной стадии и способствовал более активному обращению денег в кругах торговцев сукном. Характер самого процесса сукноделия способствовал развитию «большой торговли»: «Торговля материями не могла ограничиться одним каким-нибудь округом, ибо почти никогда не бывало так, чтобы одна какая-нибудь местность умела приготавливать одинаково хорошо всякие сорта. Необходимость широкого обмена вытекала именно отсюда сама собою»²⁹.

В период позднего Средневековья возник такой социальный феномен, как мода³⁰, который стал оказывать значительное влияние как на импорт, так и на экспорт тканей и готовой одежды. Однако, надо отметить, что вне зависимости от моды вывоз мужской одежды имел в Черкесии очень давние традиции. Так, известно, что еще в эпоху Юстиниана I черкесы поставляли в Константинополь наряду с боевыми морскими судами и мужскую амуницию³¹. В более поздний период в Черкесии на вывоз производились «простые сорта тканей и холстов всех сортов» (продавались в пикко (пикко – 71, 12 см. – О.Ф.), «все виды одежды с шелком или золотом», продававшиеся также «кусками»³². Такой вид экспорта одежды, на наш взгляд, подчеркивал

в первую очередь востребованность на европейских рынках золотошвейных изделий из Черкесии. Интериано, проживший здесь последнюю треть XV в., отмечал мастерство женщин и, прежде всего, аристократок, в золотом шитье³³. Это свидетельствовало о высоком престиже этого искусства в Черкесии, как и во всей Европе периода процветания рыцарского сословия³⁴. (Комплекс воспитания девочек всех сословий включал в себя обучение золотому шитью, ткачеству, шитью одежды. Ткачеством, прядением шерсти, шитьем одежды и вялением войлока занимались женщины из простонародья. В Белореченских курганах при женских костях найдены предметы рукоделия: ножницы, пряслица, иголки, наперстки кабаньи клыки для выглаживания вышивки, моточки золотых ниток, а также обрывки золототканной материи и неоконченное шитье или вышивание³⁵).

В период генуэзской торговли наряду с вывозом продолжался ввоз одежды и тканей в Черкесию³⁶. Ознакомление европейцев с более высокой культурой Востока способствовало заимствованию секретов производства восточных народов, что дало мощный импульс развитию текстильной промышленности. Между городами и странами возникла специализация. Англия поставляла грубое сукно, во Фландрии из него делали тонкие сорта, крупным центром по производству шерстяных материй была также Флоренция. В ряде итальянских городов, выведавших секреты производства на Востоке, производились шелка, атласы и парча³⁷. Произошли изменения в структуре потребления тканей – шерстяное сукно постепенно стало вытесняться полотняными тканями³⁸. А.Г. Еманов отмечает, что поступающий в Кафу западный импорт в подавляющем своем количестве оставался в Крыму или вывозился в страны бассейнов Черноморского и Азовского морей. Этот импорт состоял, прежде всего, из разнообразных тканей и одежды. Так, в Кафу в XIII – первой половине XIV в. завозились изделия сукнодельческих центров Фландрии и Франции; льняные и конопляные итальянские ткани, производившиеся в предместьях Генуи, в Савоне, Асколли, Фермо, Витербо; ткани из хлопка, из в Генуи и Перуджи; шерстяные ломбардские сукна, из в Милана, Пьяченце и Бергамо; флорентийские кружева с золотым шитьем, длиннополая рубаха (гонна) миланского производства. Во второй половине XIV в. в импорте преобладали итальянские сукна Милана и Флоренции, в последующем усилился ввоз в Причерноморье тканей из Германии и Англии. Известно, что «в Тану отправлялось ломбардское сукно, ткани Витри, хлопчатое полотно, рубахи, белье. В Копу везли одежду»³⁹. В Черкесию наряду с хлопчатобумажными, льняными и шерстяными тканями в большом количестве ввозились дорогие ткани, являвшиеся предметами роскоши: венецианский аксамитный бархат и парча («золотные ткани»), китайский и иранский шелка⁴⁰. Артефакты Белореченских курганов свидетельствуют, что из них шилась национальная черкесская одежда⁴¹. Реконструированный в 1950 г. реставратором государственного исторического музея Е.С. Виденовой черкесский женский костюм начала XIV в.⁴² имел тот же облик, что и костюм XIX в.). Из восточных стран импортировались бокаран (легкая драгоценная ткань вроде муслина, производившаяся в Индии и Эрзинджане), китайский и иранский шелка. По кафским актам 1289–1290 гг. подавляющая часть мусульских тканей была отправлена в Тану. Почти весь бокаран, упомянутый в актах конца XIII в., также был послан в Тану и Копу, т.е. в Черкесию⁴³. О значительности объемов экспорта свидетельствует факт наличия остатков шелков в рядовых могилах⁴⁴.

Важное место в черноморской торговле Черкесии занимал реэкспорт тканей и одежды. До середины XIV в. ткани, наряду со специями и драгоценными камнями, являлись главными статьями транзитной торговли. Торговля этими товарами была определяющей для итальянских купцов⁴⁵. Реэкспорт восточных товаров в западные порты в конце XIII–XIV в. производился через Тану (и Трапезунд), когда она стала контролировать «монгольский торговый путь». Корабли, вывозившие из Таны имевшие жизненное значение для Константинополя рыбу, зерно и соль, догружались реэкспортируемыми шелками, хлопком, специями, пушниной, драгоценными камнями и металлами⁴⁶. В последующий период реэкспорт восточной продукции осуществлялся через порты Черкесии и Анатолийского побережья Черного моря⁴⁷. Через кавказские порты вывозился шелк Грузии, Гиляна, Талиша, Шеки, Ганджи, Астары и Лезгистана. Из Кафы вся эта продукция централизованно экспортировалась в Италию⁴⁸.

II

В последней четверти XV в. ключевые города Черкесии, такие как Матарха (Тамань), Анапа, Коба, оказались оккупированы османами, что повлекло за собой неблагоприятное влияние на всю систему хозяйственной жизни страны и привело к на свертыванию черноморской торговли. Оккупация причерноморских городов Черкесии способствовала великим географическим открытиям, после которых черноморская торговля потеряла свой статус международной и снова приобрела локальный характер.

Стремление к освобождению оккупированных черноморских портов Черкесии стало одной из причин установления черкесскими князьями дипломатических отношений и военно-политического союза с царем Иваном IV⁴⁹. Проникновение черкесской моды на Русь имело место еще в период монголо-татарского господства, когда посредством татар в русский костюм были привнесены разрезные рукава и параллельные нашивки застежек, характерные для черкесского костюма⁵⁰, «черкесские шлемы» (мисюрки) («Задонщина»)⁵¹. Династический брак Ивана Грозного с черкесской княжной Гошаней (Гуашэней) – Марией Темрюковной – также оказал определенное влияние на моду при московском дворе. Любопытное сведение о царице Марии содержится в книге С. Горского «Жены Иоанна Грозного»: «Она вспоминала свою юность и нередко носила национальный черкесский костюм, выгодно выставлявший ее фигуру, но резко отличавшийся от целомудренных одежд русской женщины XVI века»⁵². При неочевидности воздействия вкусов царицы Марии на одежду ее подданных бесспорен факт влияния искусства черкесского золотого шитья на русское золотканое искусство. В древнерусской «Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» есть сюжет, повествующий о подарке невесты жениху: «Царевна же Мария Теврюговна за своею печатью посла с ними же, борзоходцы, ларец злат, а в нем ширинка *златотканая* с камением драгим и жемчугом великим»⁵³. Таким образом, в середине XVI в. в Россию была занесена черкесская золотошвейная техника *вприкреп*, давшая мощный импульс для дальнейшего развития золотошвейного искусства в России. Лучшие образцы русского шитья золотом *вприкреп* датируются именно XVI–XVII вв. В XVII в. в Москве впервые было заведено при царском дворце

производство золотых и серебряных нитей⁵⁴. (Е.Н. Студенецкая отмечала относительно XIX в. превосходство черкесского золотого шитья над русским как по количеству разновидностей внутренних узоров (в черкесском золотом шитье их было более 30), так и по уровню техники)⁵⁵.

Мужской черкесский костюм также оказал влияние на комплекс мужской одежды русского дворянства. По черкесскому обычаю царю Ивану Васильевичу были преподнесены подарки, которые включали в себя и предметы рыцарского обмундирования; они учтены в описях имущества царя. Одним из предметов, который оказал влияние на мужскую моду при московском дворе, был кафтан с высоким стоячим воротником и короткими рукавами – тегилэй (опись имущества Ивана Грозного, 1582–1583). Н.И. Костомаров затруднился описать его, указал только на множество пуговиц (56 или 68), которыми он застегивался. М. Фасмер не смог выявить этимологию этого слова⁵⁶. В то же время в черкесском фольклоре *тегилэй* – *тэялые* (совр. фольк. – *тэджэлэй*), обозначавший первоначально подкольчужник, а в XIX в. – «красную боевую куртку» или *мундир*, встречается очень часто⁵⁷. Его описание мы находим у Хан-Гирея: «...хорошие воины высшего клана имеют сверх вышеописанных одежд блестящие полукафтаны, предпочтительно алого сукна или бархата, шитые серебром и золотом с изображениями на них луны и прочее. Их надевают пред сражением, когда каждый старается перещеголять друг друга красотой своего коня, блеском оружия и богатством наряда»⁵⁸. В то же время определенное влияние на русский мужской костюм оказывали и военные отходники из Черкесии, на наличие которых в Москве прямо указывал Дж. Горсей (1572–1590) и его современники Г. Штадтен (1564–1576) и Дж. Тедадьди (XVI), которые указывали, что большую часть иноземцев в Москве составляют немцы, черкесы и литовцы и что «...в Москве есть люди, умеющие говорить по-черкесски...»⁵⁹.

В эту же эпоху значительная часть обмундирования черкесского воина и ряд предметов вооружения был заимствован терскими казаками⁶⁰. Костюм черкешенок оказал значительное влияние на одежду терских казачек.

III

В XVII в. мода на черкесский костюм достигла своего апогея во всей Восточной Европе – России, Польше, Грузии, Армении, Азербайджане, Валахии, Молдавии и в Крыму. Изображения черкесского костюма этой эпохи имеются в зарисовках А. Олеария, проехавшего в 1640 г. через Московское государство, Черкесию, Дагестан и Азербайджан в Персию и обратно⁶¹.

Ж.Б. Тавернье отмечал, что главное богатство черкесов заключалось в их стадах. Шерсть овец и коз была, по его мнению, так же хороша, как в Испании. Он отмечал, что «московиты приходят и покупают ее для выделки войлока»⁶². Черкесский костюм в XVII в. стал широко бытовать в России. Об этом свидетельствует Именной указ Петра I, который предписывал с 1 января 1705 г. всем «московским и городovým жителям»: «Русского платья и Черкесских кафтанов, и тулупов, и штанов, и сапогов, и башмаков отнюдь никому не носить, и мастеровым людям не делать, и в рядах не торговать» под страхом больших штрафов⁶³.

Дипломатическими контактами Черкесии и Польши XVI–XVII вв. можно также объяснить распространение моды на черкесское платье в

Польше. Известно, что находившийся в Москве в качестве аманата черкесский жанеевский князь Кудадек-Александр Сибоко в конце 1562 – начале 1563 г. покинул двор Ивана Грозного в связи с примирением царя и крымского хана, аннулировавшего де-факто черкесско-русский союз, и выехал по указанию своего отца в Польшу вместе с 4 князьями и 300 уэркъ'ами (букв.: благородные, рыцари, дворяне)⁶⁴. Пять черкесских князей создали в польской армии особые полки, так называемые пятигорские хоругви, которые вплоть до 1785 г., когда Польша была оккупирована и разделена Россией, Пруссией и Австрией, являлись основной составной частью польской армии. Эти полки сохраняли свою черкесскую внешность и характерные черты: обычаи, оружие, тактику боя. В них служили как черкесские военные отходники (несколько сот, а может быть, и несколько тысяч), так и поляки, белорусы, украинцы и литвины, одетые на черкесский манер. М. Крушинский отмечает: «Сегодня польские историки признают огромное влияние тех пяти князей на эволюцию польской армии»⁶⁵. Доблесть и слава черкесских воинов в Польше, стремление польской дипломатии найти в Черкесии союзников в борьбе с османо-крымской коалицией способствовали широкой моде на черкесский стиль в Польше в XVII в. Это в свою очередь послужило развитию торговых отношений между Польшей и Черкесией. Импорт в Польшу значительно превосходил экспорт (в XIX в. поляки, находившиеся на Кавказе, часто встречали в Черкесии польские монеты XVII в. Матеуш Гралевский удивлялся полным чашам польских монет XVII в. у местных золотильщиков). Значимой статьей черкесского экспорта в Польшу были черкесские кони – «это были в то время самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами»⁶⁶. Второе место в импорте кавказских изделий в Польшу занимали черкесские седла и полная конская упряжь, третье – холодное оружие, четвертое – дорогая черкесская одежда, что было связано с модой на нее в среде польской аристократии. Западноевропейские путешественники, бывавшие в Стамбуле в XVII в., отмечали, что польские послы одеты в черкесский костюм. Король Ян Собеский также обычно был одет в черкесскую одежду. О том, какой была мода в Черкесии, он узнавал от специальных посланцев. Конная упряжь для короля также разрабатывалась по черкесской моде⁶⁷.

Исторические источники позволяют говорить о продолжавшемся в XVII в. импорте в Черкесию западноевропейских тканей. Об этом свидетельствует, например, описание одежды кабардинского князя Суркая Ибакова, часть которой была сшита из английского сукна и китайского шелка⁶⁸. Восточный и западный импорт, (а это был, прежде всего, импорт шелков, английских и голландских сукон) поступал в Черкесию в то время через Астрахань и Терки. Одним из источников такого импорта для князей и уорков Восточной Черкесии (Кабарды) был дипломатический церемониал обмена подарками между сторонами. Ежегодно царской сметой устанавливались перечень и стоимость таких подарков, признанных исследователем русской торговли XVII в. М.В. Фехнером своеобразной формой торговли⁶⁹. Это были различные шубы, в том числе куньи, беличьи и «на поволоках» (поволоки – драгоценные шелка. – О.Ф.), шапки «лисы красные», парадные костюмы – мужские кафтаны «однорядки», в том числе и из английского сукна, мужские длинные платья фerezи, соболя, кунницы, отрезы дорогих бархатных, шелковых тканей⁷⁰. Кабардинские князья дарили русским царям, иранским шахам, крымским ханам дорого ценив-

шихся кабардинских коней (аргамаков), военные доспехи черкесских мастеров: панцири, сабли, шлемы.

В то же время кабардинские князья были акторами восточной торговли России, осуществлявшейся через волго-каспийский путь, производя через своих агентов реэкспорт дорогих персидских шелков⁷¹. По сведениям Н. Воркоча кабардинские купцы имели большую торговлю в Москве, тесно периодически самих русских купцов. Адам Олеарий встречал черкесских купцов в персидской Шемахе; он также писал о караванах русских и черкесских купцов, ходивших в Шабран⁷². Торговали черкесы в Азове, Терках, Астрахани⁷³. По описанию Э. Челеби, большие торговые ярмарки имели место и в глубинных районах Черкесии. Он описал грандиозную ярмарку вблизи святилища Пяндж-и-Хасан на реке Уруп (Уарп), проходившую ежегодно в июле: «...сотни тысяч торговцев, паломников и других божьих созданий из Хинда и Синда (Индия и Пакистан. – О.Ф.), Балха (древние Бактры – север Афганистана. – О.Ф.) и Бухары, Хатая (Северный Китай. – О.Ф.) и Хотана (оазис и город в восточном Туркестане. – О.Ф.), Чина и Мачина (Южный Китай. – О.Ф.), Московии и Швеции, Булгара и Туркмении, Казакии и Кракова, Чехии и Польши, Австрии и Англии, Нидерландов, Гданьска и Дании, а также из Аравии и Ирана. Они разбивают шатры, палатки, [натягивают] тенты, [делают] навесы. В усеянной тюльпанами степи [словно бурлит] человеческая река. Сорок дней и ночей длится торг Пяндж–и–Хасан: все товары выносятся на площадь дружбы, покупаются и продаются. Ни один не взглянет со злым умыслом на товары другого, воровства нет и в помине»⁷⁴.

IV

В XVIII в. имело место определенное возрождение некогда процветавшей причерноморской торговли. Об этом свидетельствуют и неудачные попытки, предпринятые Венецией для установления своей монополии в ней. Как и в период генуэзской торговли, центром торговли стала Кафа. Вышедший в 1787 г. двухтомный «Трактат о торговле на Черном море» К. Пейсонеля и «Описание Черкесии» Я.Я. Штелина (впервые опубликовано в «Географическом месяцеслове на 1772 год») дают значительную информацию для исследования торговых отношений в Черноморском бассейне.

Как отмечал В.К. Гарданов, сведения Пейсонеля заслуживают безусловного доверия, так как они основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и на данных о торговых пошлинах, собиравшихся в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана⁷⁵. К. Пейсонель дает, в частности, весьма подробное описание внешней торговли Черкесии, ее экспорта и импорта. Он отмечал, что «Черкесия является собственно государством, находящимся под властью татарского хана и занимающим пространство с севера на юг от реки Кубани до Кавказских гор, а с запада на восток от Черного моря до Кабарды области, принадлежавшей прежде хану и сделавшейся независимой согласно Белградского договора (1735 г.). Обыкновенно к Черкесии относят также остров Тамань и всю местность, находящуюся между рекой Кубанью и Азовским морем»⁷⁶. Главными городами Черкесии Пейсонель называл «Тамань, Темрюк, Атчу, Агджа, Сууджук и Каплу». Из них наибольшее

торговое значение имели Тамань и Каплу (Копа, Копарио, Локопа при Протоке, Славянская станица). Тамань являлась единственным пунктом транзита всего импорта и экспорта Черкесии, т.е. фактически сосредотачивала у себя торговлю всей страны; Каплу (Копа) – складочным местом торговли Черкесии. Купцы Тамани, Кафы и других мест привозили сюда свои товары «для дальнейшего их распространения среди черкесов и ногайцев Кубани; эти народы в свою очередь приезжают в этот город продавать товары своих земель»⁷⁷.

В XVIII в. импорт и экспорт Черкесии включали в себя значительные объемы текстильной промышленности. Главную статью импорта в это время составляли турецкие хлопчатобумажные ткани: ситцы, льняные ткани. Ситцы привозились из малоазиатского Токата (вилайет Сивас) и Кастамбула (Кастамбул, иначе Кастамбуни – турецкий город в С.-З. части Малой Азии), называемых по-турецки «басма», употреблявшиеся, в частности, для изготовления постельного белья. Продавались они в розницу и стоили в зависимости от качества в среднем от 6 до 15 пара (турецкая мелкая монета) за пик (равнялась гемуэзской пикко – примерно 70 см. – О.Ф.), а также оптом целыми кусками, каждый из которых имел от 8 до 9 пик. Эти ткани дистрибутировались из Кафы по всему Крыму и Черкесии. Ежегодное потребление такой ткани черкесами, ногайцами и крымскими татарами составляло 200 000 турецких пиастров⁷⁸. В Черкесию завозилось также 50 000 кусков грубой набивной хлопчатобумажной ткани различного качества по 1 ½ – 3 пиастра за кусок⁷⁹. Из турецких городов Токата, Кастамбула и Амазии также привозились бокассины. В отличие от XIII–XV вв. в XVIII в. бокассинами стали называть бумажные крашеные ткани, из которых изготовляли кафтаны и подкладки для мужских и женских шуб. Бокассины были наиболее востребованным текстилем в Крыму и Черкесии: их ежегодное потребление здесь составляло 400 000 пиастров⁸⁰. В Черкесии потреблялось «50 000 кусков бокассин различных цветов, кроме черного, который ввозится по 2 ½ – 6 пиастров за кусок в зависимости от качества»⁸¹. Также отдельной статьей импорта были белые льняные ткани, которые крымские купцы получали из Константинополя (ткани из Кедиса). Ежегодно их ввозили в Кафу в количестве от 5000 до 6000 тюков (в каждом из которых содержится от 56 до 58 кусков длиной в 14 крымских пик)⁸², часть которых отправлялась в Черкесию. Помимо перечисленного, текстильный импорт в Черкесию составляли: 150 000 кусков полотна всех сортов по цене 1 ½–2 ¼ пиастра за кусок из азербайджанской Астары; от 7000 до 8000 кусков персидского шелка (второй добротности) по 2 ¼–2 ½ пиастра за кусок; 1000 кусков кисеи для женских покрывал – от 20 пара до 2 пиастров за карре; от 7000 до 8000 кусков чембертс-каим-ханэ (?) по 18–20 пара за карре; 500–600 купальных простынь, 500–600 одеял из Румелии⁸³.

Завозились и достаточно дорогие ткани. Например, 200 кусков «кутней из Бруссы по 17–18 пиастров за кусок»; 4 тюка L. S. и Nisms (?) по 2 ¾ или 3 пиастра за пик»; от 25 до 30 тыс. пик легкой тафты из Цю (остров Эгейского моря)⁸⁴. Ввозились материалы для вышивания и шитья – шелковые и шерстяные нитки различных цветов. Нитки для шитья, привозившиеся в Крым, были трех сортов: белые – для белья, крашеные нитки различных сортов, употреблявшиеся портными для одежды, и толстая нитка, использовавшаяся сапожниками и седельниками. Первый и второй сорт ниток привозили из турецких городов Ризе, Трапезунда, Синопа и Кон-

стантинополя. Продавались эти сорта гроссами, называемыми турас, и мотками, 60 которых составляли гросс. Белые и цветные нитки продавались по 30–35 пара за гросс; а мотки – соответственно этим ценам. Ежегодное потребление этих обоих сортов ниток составляло от 16 до 18 тыс. гросс. Предпочтение отдавалось синопской нитке, ее привозили в Крым 500–600 ок и продавали от 50 до 60 пара за ок. Продавалась здесь также более низкакачественная московская нитка в размере 1500–2000 ок стоимостью 30–40 пара за ок⁸⁵. Завозились также краски для окрашивания тканей: 500 ок индиго ежегодно и «немного красильного дерева различных сортов». Для изготовления льняной ткани серого цвета – от 15 до 20 тюков серого льна из Каира по 20–25 пара за ок⁸⁶.

Импортировались также некоторые предметы одежды: 3000–4000 фесок из Франции и Туниса; первые по 50–60 пара, вторые – по 1 $\frac{3}{4}$ –2 пиастра⁸⁷; десятки тысяч женских суконных чепцов из Константинополя (*tarpoche*, *тарпоши*, по предположению Е.Д. Фелицына, – женские шапочки типа фески)⁸⁸ по 10–30 пара за штуку⁸⁹; 200–300 фартуков из Салоников 2 $\frac{3}{4}$ –3 пиастра, от 1000 до 1500 фартуков из Каира по более дешевой цене – по 20–26 пара⁹⁰.

Помимо готовой одежды Черкесия экспортировала шерстяное сукно (*цей/цый*) и шерсть. П.-С. Паллас (1793–1794) отмечал: «Их овцы выдающейся породы, с белой длинной шерстью и дают превосходное руно, которое отправляется на рынок, так же как и обилие хорошей, но очень узкой и неудобной в применении ткани, изготовленной их женщинами. Из этой ткани изготавливают верхнее платье для продажи на рынке, в то время как черные и грубые сорта шерсти применяются для изготовления войлочной одежды»⁹¹. Известно, что «техника обработки шерсти (валяние) очень сложна и требует сил и искусства. Поэтому, шерсть никогда почти не была продуктом кустарного промысла и в более раннее время не потреблялась в крестьянских хозяйствах»⁹². Стрижка овец и изготовление инструментов для обработки шерсти были делом рук взрослых мужчин⁹³. Западная Черкесия (вместе с кубанскими ногайцами) экспортировала 80 000–100 000 кинталов шерсти в год. Ее отвозили в Тамань на телегах, откуда она поступала в Кафу и Константинополь. В Тамани она стоила 3 пара за ок.

Обработка шерсти у черкесов была специализирована. В первом процессе – разработке шерсти – принимали участие все члены семьи от 10-летних девочек до престарелых женщин; прядение же доверялось опытным пряхам. Сукно вырабатывалось на ткацком станке *пхъашь*. Его ширина составляла 45–54 см, более широкие сукна были обычно более плотными и тонкими, ткались из мягкого подшерстка и в продаже ценились в 3 раза дороже грубой домотканины⁹⁴. Обри де ля Мотрэ писал о производстве грубого сукна из тонкой шерсти овец и «верблюдов и дромадеров»⁹⁵.

Большое внимание черкесы уделяли цветовому решению сукна, следя за получением пряжи ровного цвета. Приемлемыми цветами для *цей* (*цый*) считались серый, стальной, черный, коричневый, бежевый и белый⁹⁶. Выделялись также сукна желтого, зеленого, бордового цветов, ткани в клеточку⁹⁷. Белые сукна красились краской, добывавшейся «из дубовой коры и из дерева, ими называемого «*хгоапхх*», которое дает желто-кирпичный цвет»⁹⁸. Окрашивание готового сукна производилось специалистами по изготовлению красок и нанесению узоров – *тхыпхъашI* (мастер по орнаменту), они были на особом счету, как и мастера по изготовлению качественных сукон, бурок и войлочных ковров⁹⁹.

Черкесы имели войлочные и сукновальные мастерские, обладавшие различными техниками изготовления войлока и сукна. Это позволяло им производить войлок и материи самого разного качества, вплоть до очень высокого. Из шерсти тонкорунных овец черкешенки ткали на продажу и для внутреннего употребления «прекрасное сукно, узкое и некрашеное» (цей)¹⁰⁰. Из западной части страны в год вывозилось 100 000 отрезов сукна «типа фланели или мальтона»¹⁰¹. Фланель изготовлялась из овечьего пуха и коровьей шерсти и использовалась для мужской одежды¹⁰². Вырабатывалось также шерстяное сукно, ничем не уступавшее лучшим сортам французского сукна, и изготовлявшееся на заказ как внутри страны, так и на экспорт¹⁰³. Значительную традицию имело бурочное производство. Черкесы имели оригинальную технологию изготовления бурок. Отличительной особенностью этой технологии являлась выделка войлока с помощью мечей из твердых пород дерева. В результате – бурка не пропускала влагу даже при многодневном ненастье. Такую бурку можно было ставить как шатер и укрыться в нем от дождя. Другой особенностью черкесской бурки был ее крой: закругленная форма плеч¹⁰⁴. Подробная технология производства бурок описана О. Маркграфом, В.П. Пожидаевым, Э.Л. Коджесау и др.¹⁰⁵; отметим лишь, что, как и сукно, войлок, и соответственно, бурки подразделялись на сорта. Востребованность бурок на внешнем рынке способствовала бурному развитию этого промысла как на семейном уровне, так и на фабричном¹⁰⁶.

П.-С. Паллас писал: «...черкесы продают на рынках наряду с прекрасным сукном, узким и некрашеным, изготовленным их женщинами, и кафтаны, сшитые из той же материи»¹⁰⁷. (Представление о черкесской одежде XVIII в. дают рисунки, сделанные И.А. Гильденштедтом (1768–1776) и П.-С. Палласом (1770–1772 и в 1793–1794). Паллас в обоих случаях имел в сопровождении профессиональных художников: Н. Дмитриева и Х. Гейслера. Работы последнего были частично опубликованы в книге Палласа, вся же коллекция его рисунков хранится в Государственном историческом музее в Москве)¹⁰⁸. В год экспортировалось 5000–6000 черкесок (цей/цый) белого, серого и черного цветов. Помимо черкесок вывозилось – от 50 000 до 60 000 шаровар или шерстяных штанов трех различных сортов по цене от 20 пара до 3 пиастров; 200 000 плащей (бурок) из шерсти с длинным ворсом, также 3 сорта по цене от 1 до 3 пиастров. Высший сорт бурок – из чрезвычайно тонкого войлока – изготовлялся на заказ. Из черноморских портов Черкесии одежда вывозилась в Крым, Молдавию, Валахию, Россию, Польшу и Турцию¹⁰⁹.

«Описание Черкесии» Я.Я. Штелина посвящено, в частности, описанию состояния торговли в Кабарде и восполняет сведения Пейсонеля, касающиеся преимущественно территории Западной Черкесии, торговля которой больше тяготела к Крыму. Торговля Кабарды в большей степени была связана с портами Каспийского моря и торговыми путями – с Закавказьем, Персией и через волго-каспийский путь – с Россией. Он писал: «Простые кабардинцы, среди которых есть и купцы, продают свои товары русским купцам в Астрахани и Кизляре, иногда в Персии, живут земледелием и скотоводством. Имеют многих ремесленников и некоторые фабрики – войлочные, сукновальные и другие. Белый войлок идет на кибитки, толстое белое сукно – для простого народа; шерсть ткнут во всех деревнях. Холст ткнут женщины, и каждая мать делает чулки, башмаки и

прочую одежду для своих детей». Статьями экспортной торговли были белый и черный войлок, толстое белое сукно, а также лен, пенька, сафлор для крашения. Импортировались нитки, полотно. Английское и голландское сукно, серебряная и золотая канитель для вышивания, иглы, российские сапоги, турецкие и персидские камлоты (плотная шерстяная или полшерстяная ткань. – О.Ф.), парча, штоф, шелк¹¹⁰.

Оборот торговли между Крымом и Черкесией, в которой видное место занимала торговля тканями и одеждой, составлял в середине XVIII в. порядка 8 миллионов рублей серебром в год¹¹¹.

V

Черкесское ткачество носило самобытный характер и основывалось на многовековых традициях, берущих свое начало от племен майкопской (IV тыс. до н.э.) и меотской культур (I тыс. до н.э.). Высокий уровень мастерства в ткацком производстве способствовал развитию импортной торговли полотняными и шерстяными тканями на протяжении X–XVIII вв.

Ткачество в Черкесии уже в период раннего Средневековья носило мелко-товарный характер, с периода позднего Средневековья наряду с домашним и семейным характером изготовления начали развиваться более сложные формы производства; относительно XVIII в. мы имеем достоверные сведения о наличии здесь войлочных и сукновальных фабрик.

Наличие качественных тканей вкупе с высоким техническим и эстетическим уровнем изготовления одежды способствовало формированию черкесского стиля в одежде. Его востребованность в ряде стран как Западной, так и Восточной Европы привела к развитию импорта одежды из Черкесии.

Черкесия на протяжении Средних веков участвовала в системе географического разделения труда в Европе, имевшего важное значение для зарождения мирового рынка, а также для создания предпосылок для смены феодального строя капиталистическим.

Примечания

1. *Акритас П.Г.* Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1959. Т. XVI. С. 199; *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги // Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 31, 43, 44.

2. *Акритас П.Г.* Древний торговый путь... С. 199, 201–219; *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии (с VI тысячелетия до н.э. по XIX в.). Майкоп, 1997. С. 134; *Поркшиеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху Средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1957. С. 359; *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. История оружия. М.–Нальчик, 1995. С. 20; *Хотко С.Х.* История Черкесии в Средние века и в Новое время. СПб., 2002. 271–272.

3. *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990. С. 51.

4. *Алексеева Е.П.* Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Черкесск, 1954. Вып. II. С. 218. *Поркшиеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов... С. 343.

5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 48.
6. Рушди Р. Это моя нация. Нальчик, 1993. С. 25.
7. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 96.
8. Коджесау Э.Л. О некоторых вопросах кустарного производства у адыгов в XIX веке // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (далее – УЗ АНИИ). Майкоп, 1970. Т. XI. С. 291; Азаматова М.З. Некоторые материалы к производству сукна и войлочного ковра у адыгейцев в прошлом // УЗ АНИИ. Майкоп, 1972. Т. XII. С. 411; Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. СПб., 2005. С. 41, 93.
9. Иерусалимская А.А. Аланский мир на «Шелковом пути» (Мощева Балка – историко-культурный комплекс VIII–IX веков) // Культура Востока. Древность и раннее Средневековье: Сборник статей. Л., 1978. С. 160.
10. Студенецкая Е.Н. Украшение одежды у кабардинцев (XIX–XX вв.) // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1950. Т. V. С. 165–185; Коджесау Э.Л. О некоторых вопросах кустарного производства у адыгов... С. 293. С. 290–292; Азаматова М.З. Некоторые материалы к производству сукна... С. 410–415.
11. История Византии. В 3-х т. М., 1967. Т. I. С. 230; М., 1967. Т. 2. С. 142–144; Лоренц Н.Ф. Орнамент всех времен и стилей. М., 2010. С. 106.
12. Иерусалимская А.А. Адыго-аланский костюм VIII–XI вв. на фоне общих проблем изучения средневекового костюма Запада и Востока // Тезисы докладов III Международной археологической конференции «Культуры степей Евразии второй половины I-го тысячелетия н.э. (из истории костюма)». Самара, 2000 // [Электронный документ]. Проверено 12.07.2006. Получено с <mhtml:fail://E:\Адыго-аланский%20Костюм%20VIII-XI%20ВВ.mht>
13. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. М., 1993. Т. I. С. 132.
14. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии как исторический источник (Некоторые аспекты проблемы) // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 13.
15. Иерусалимская А.А. Аланский мир на «Шелковом пути»... С. 151.
16. Иерусалимская А.А. Адыго-аланский костюм VIII–XI вв. на фоне общих проблем изучения средневекового костюма Запада и Востока // Тезисы докладов III Международной археологической конференции «Культуры степей Евразии второй половины I-го тысячелетия н.э. (из истории костюма)». Самара, 2000 // [Электронный документ]. Проверено 12.07.2006. Получено с <mhtml:fail://E:\Адыго-аланский%20Костюм%20VIII-XI%20ВВ.mht>
17. Марковин В.И. Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 72.
18. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов... С. 136.
19. Мас'уди о Кавказе // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вков. М., 1963. С. 206.
20. Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения... Л., 1990. С. 69, 70.
- Любопытно в этом контексте звучит сообщение Геродота: «В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготавливают из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит – льняные ли они или из конопли. А кто никогда не видел конопляной ткани, то примет ее за льняную» (Геродот. История. М., 1993. С. 205).
21. Абу-ль-Аббас Аль-Макризи. Книга увещаний и назидания в рассказе о кварталах и памятниках. [Электронный документ]. Проверено 30.07.2013. Получено с <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Makrizi/pril2.phtml?id=868>.
22. Мас'уди о Кавказе... С. 206.
23. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 94; Левашиова В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник // Труды государственного исторического музея. М., 1953. С. 210; Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа... С. 211.

24. *Иванокова М.М.* Адыгские (черкесские) золотошвеи в Причерноморской Шапсугии. Нальчик, 2012. С. 8.
25. *Шиллинг Е.* Адыгейский узор // Искусство. 1940. № 3. С. 156, 160.
26. *Азаматова М-К.З.* Адыгейский народный орнамент. Майкоп, 1960. С. 1; *Студенецкая Е.Н.* Украшение одежды у кабардинцев (XIX–XX вв.)... С. 175; *Мальбахов Б.Х.* Черкесское (адыгское) декоративно-прикладное искусство. Нальчик, 2012. С. 168; *Иванокова М.М.* Адыгские (черкесские) золотошвеи... С. 8.
27. Золотое шитье адыгов (черкесов). Майкоп, 1998. С. 9.
28. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги... С. 28.
29. *Дживилегов А.К.* Торговля на Западе в Средние века. СПб., 1904. С. 67.
30. *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов... С. 180.
31. Очерки истории Адыгеи... С. 70.
32. Северный Кавказ в европейской литературе XII–XVIII веков // Сб. материалов. Нальчик, 2006. С. 13.
33. Там же. С. 36.
34. *Руа Ж.Ж., Мишо Ж.Ф.* История рыцарства... С. 14.
35. *Левашова В.П.* Белореченские курганы... С. 183, 184; *Алексеева Е.П.* Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск, 1959. Вып. III. С. 34, 35.
36. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов н/Д., 1989. С. 19.
37. Средние века: Книга для чтения по истории. М., 2005. С. 278.
38. *Дживилегов А.К.* Торговля на Западе... С. 67.
39. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 17, 18, 19.
40. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 108–109.
41. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV веках // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. V. С. 396; *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму... С. 347, 355; Очерки истории Адыгеи... С. 108, 109; *Левашова В.П.* Белореченские курганы... С. 210; *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа... С. 20.
42. Очерки истории Адыгеи... С. 108–109.
43. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе... С. 396; *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму... С. 347, 355; Очерки истории Адыгеи... С. 109; *Левашова В.П.* Белореченские курганы... С. 210. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках... С. 20, 21.
44. Очерки истории Адыгеи... С. 109.
45. *Картов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 168.
46. *Картов С.П.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. М., 1997. Т. 57. С. 5, 14.
47. *Еманов А.Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII–XV веках ... С. 20.
48. *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Ростов н/Д., 1988 г. [Электронный документ]. Проверено 23.11.2012. Получено с http://annales.info/blacksea/small/emanov_88.htm
49. *Озова Ф.А.* К вопросу о союзах Ивана Грозного с князьями Черкесии // Российская история. 2011. № 6. С. 73, 78.
50. *Левашова В.П.* Белореченские курганы... С. 210.
51. *Яхтанигов Х.Х.* Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984. С. 38.
52. *Горский С.* Жены Иоанна Грозного. Одесса, 1990. С. 23–24.
53. Повесть о женитбге Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Публикация С.К. Расовецкого // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975. С. 32, 33.
54. *Шиллинг Е.* Адыгейский узор... С. 160; *Мальбахов Б.Х.* Черкесское (адыгское) декоративно-прикладное искусство... С. 173.
55. *Студенецкая Е.Н.* Украшение одежды у кабардинцев... С. 181.
56. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. IV; *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 93;

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Пер. с немецкого О.Н. Трубачева / Ред. и предисл. Б.А. Ларина. В 4 т. М., 1987. Т. IV.
57. Ногма Ш.Б. Филологические труды // Сост., научная ред. и комм. Г.Ф. Турчанинова. В 2 т. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 63; Марзей А.С. Черкесское наездничество – «зекIуэ». 2-е Издательство Нальчик, 2004. С. 192.
58. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 227.
59. Северный Кавказ в европейской литературе... С. 41, 42, 45.
60. Очерки истории Ставропольского края. В 2 т. Ставрополь, 1986. Т. I. С. 134.
61. Волкова Н.Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и культура народов Кавказа в XIX–XX вв. // Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу». М., 1971. Вып. I. С. 98.
62. Северный Кавказ в европейской литературе... С. 74.
63. Именной указ Петра I, 1705 г. О ношении платья всякого чина людям // Коммерсант-Власть. 2010. № 3 (18 января). С. 54.
64. Озова Ф.А. Черкесские князья при дворе царя Ивана Грозного // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 249, 250.
65. Крушинский М. Черкесские князья в Польше // Генеалогия Северного Кавказа. 2002, №3. С. 151; Барановский Б. Кавказ и Польша // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. // Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. М., 1979. С. 258–260.
66. Барановский Б. Кавказ и Польша... С. 248.
67. Там же. Кавказ и Польша... С. 248–256.
68. Студенецкая Е.Н. Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа // Хозяйство и культура народов Кавказа в XIX–XX вв. // Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу». М., 1971. Вып. I. С. 89.
69. Моков Б.М. Кабардино-русские отношения в XVII веке // Автореф. дисс. ... на соискание уч. ст. к.и.н. Нальчик, 1999. С. 15, 16.
70. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ). Ф 1. Оп. 1. Д. 6. Лл. 8, 9, 10, 11, 12.
71. Моков Б.М. Кабардино-русские отношения в XVII веке... С. 18–21.
72. Там же. С. 21, 22.
73. Там же. С. 22, 23.
74. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 78–82, 229.
75. АБКИЕА. С. 180.
76. Там же. С. 189.
77. Там же. С. 1190, 191.
78. Там же. С. 181.
79. Там же. С. 192.
80. Там же. С. 182.
81. Там же. С. 192.
82. Там же. С. 181.
83. Там же. С. 192.
84. Там же. С. 191.
85. Там же. С. 182, 183.
86. Там же. С. 192.
87. Там же. С. 192.
88. Пейсонель К. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черноморья в 1750–1762 // В излож. Е.Д. Фелицына. Б/м., 1990. С. 32.
89. АБКИЕА. С. 182.
90. Там же. С. 192.
91. Северный Кавказ в европейской литературе... С. 349.
92. Дживилегов А.К. Торговля на Западе... С. 68.
93. Азаматова М.З. Некоторые материалы к производству сукна... С. 410, 411.
94. Коджесау Э.Л. О некоторых вопросах кустарного производства... С. 294.
95. Северный Кавказ в европейской литературе... С. 129.

96. Азаматова М.З. Некоторые материалы к производству сукна... С. 412.
97. Коджесау Э.Л. О некоторых вопросах кустарного производства... С. 294.
98. Хан-Гирей. Записки о Черкесии... С. 249.
99. Азаматова М.З. Некоторые материалы к производству сукна... С. 410–413.
100. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКНКА). Нальчик, 1974. С. 223.
101. Там же. С. 195, 196.
102. Там же. С. 619.
103. Там же. С. 195, 196.
104. Черкесов А. Бурка // Кавказские новости: Ежемесячная газета. Черкесск, 2005. № 10. С. 4–5.
105. Маркграф О. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 29–30; Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. М., 1926. С. 67; Коджесау Э.Л. О некоторых вопросах кустарного производства... С. 290–299.
106. Там же. С. 297–299.
107. АБКНКА. С. 223.
108. Волкова Н.Г. Изобразительные материалы... С. 100.
109. АБКНКА. С. 195, 196.
110. Северный Кавказ в европейской литературе... С. 204, 205.
111. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 186; Коджесау называет цифру – 1 млн руб. серебром (Коджесау Э.Л. О некоторых вопросах кустарного производства у адыгов... С. 293).

F.A. OZOVA

TRADE IN TEXTILES AND CLOTHING CHERKESSIA
(X–XVIIIth CENTURIES)

The article is devoted to foreign trade Cherkessia X–XVIII-th centuries. It is based on the known sources of X–XVIII centuries. (Mas'udi, E. Chelebi, K. Peysonel), as well as on the achievements of historiography and archeology of XX c., testifying that weaving, gold embroidery art and manufacturing of clothing worn in Circassia original character and were based on centuries-old traditions. The article shows the location of the Circassian exports of goods in the European geographical division of labor that had significance for the emergence of the global market.

Keywords. Trade, weaving, gold embroidery, Silk Road, Genoese Road, geographical division of labor.

УДК – 94(355.421+355.422)

А.А. Остахов
(г. Североморск)

ТАКТИКА ПОЛЕВЫХ СРАЖЕНИЙ У ЧЕРКЕСОВ (XVII–XIX вв.)

Рассматривается тактика полевых сражений черкесов; проводится структурный анализ черкесской тактики, а также сравнительный анализ тактики европейцев и азиатов на примере римлян и монголов. В ходе исследования выявлены особенности тактики европейцев и азиатов; схема ведения полевых сражений у черкесов; ее специфические черты и евразийская природа.

Ключевые слова: полевое сражение, схема полевого сражения, европейцы, азиаты, римляне, монголы, черкесы, удар, маневр, рукопашный бой, стрелковый бой.

Тактика является многогранной категорией со сложной структурой. Одним из ее базовых элементов является схема ведения полевых сражений. Без рассмотрения этого вопроса невозможно понять основы тактики черкесов. Рассмотрим схему ведения полевых сражений адыгским воинством на примере нескольких знаковых битв черкесской истории – Малкинской (1641), Канжальской (1708), Марьинской (1779), Бзюкской (1796), Хапачухабльской (1859). Исторические источники сохранили детальное описание перечисленных сражений, отчего они и были взяты нами в качестве примеров, позволяющих сделать объективные выводы.

Сначала рассмотрим наступательные сражения – Канжальское, Марьинское и Хапачухабльское. Аналитический обзор последних позволит вывести общую схему ведения наступательных боев у черкесов.

Канжальская битва (1708) является ярким примером адыгского удалства, приправленного большой долей военной хитрости. Это было крупнейшее в истории Кабарды сражение, имевшее широкий международный резонанс. Весной указанного года армия крымского хана Каплан-Гирея, по некоторым данным насчитывавшая 44 000 человек вторглась в Кабарду и расположилась лагерем у горы Кинжал, в верховьях р. Малки¹. Крымцы многократно превосходили силы кабардинцев, поэтому последние изменили тактику борьбы. В целях накопления сил и поиска удобного момента для нападения на противника кабардинцы начали мирные переговоры с Каплан-Гиреем. Убедив его в своих мирных намерениях и заключив соглашение о перемирии, они добились своей основной тактической задачи – притупили бдительность вражеской армии. Позже в крымский лагерь прибыли мнимые кабардинские перебежчики, получившие задание перебить военачальников противника в назначенный час. Вечером условленного дня кабардинское войско скрытно выдвинулось к крымскому лагерю. Подойдя к нему ночью, кабардинцы перекрыли все выходы и полностью окружили его. Часть пеших отрядов проникла на вершину горы, у под-

ножия которой располагались палатки противника. На передовой линии своего войска кабардинцы разместили 300 ослов, к спинам которых были привязаны большие охапки сена, смешанного со смолой.

По сигналу кабардинцы одновременно подожгли все охапки сена и уколами кинжалов, выстрелами и криками погнали ослов прямо на сонный крымский лагерь. Животные с ужасным ревом ворвались в лагерь, опрокидывая палатки, давя спящих людей и поджигая все, что могло гореть². Одновременно засевавшие на вершине горы кабардинцы начали скатывать на вражеский стан огромные камни, сметавшие все на своем пути, и осыпать противника градом стрел. В лагере началась паника и страшная суматоха. Множество татарских лошадей, напуганных шумом и криками, устроило массовую давку людей и погром внутри лагеря. В этот момент кабардинские перебежчики истребили многих военачальников противника, лишив его боевого руководства. Когда крымская армия была полностью дезорганизована, в лагерь внезапно ворвалась кабардинская конница и устроила побоище. По словам Анри де ла Мотрэ, кабардинские всадники буквально «изрубили на куски ... большое число людей»³. Многие крымцы в панике, ища спасения, бросались в пропасть и разбивались насмерть. В итоге этого сражения кабардинцы истребили более 30 000 воинов противника⁴.

В данном бою тактическая схема кабардинцев включала следующие элементы: тайный подход военных сил ночью, окружение противника, диверсия (убийство вражеских военачальников «перебежчиками» и обезглавливание войска), психическая атака (300 горящих ослов), внезапная фронтальная кавалерийская атака, сеча и преследование. Стоит отметить, основным залогом победы адыгов в Канжальской битве было широкое применение военной хитрости.

Далее рассмотрим Марьинскую битву между русскими и кабардинцами, состоявшуюся 10 июня 1779 г. около крен. Марьинской. Русское войско, возглавляемое генералом И.В. Якоби, построилось в три каре, соединенных между собой конницей. Кабардинское воинство, чтобы испугать неприятеля своей многочисленностью (около 15 000 бойцов), выстроилось в одну длинную линию, растянувшуюся на 4 км. Когда русские стали приближаться к их позициям, они разбились на три группы и разом атаковали с фронта все три каре, при этом основной натиск был направлен на среднее, где находился Якоби. Но русские пехотинцы отбили атаку сильным огнем. По словам Н.Ф. Грабовского, она отличалась особой напористостью: «Несмотря на то, что неприятель (кабардинцы. – А.О.) был встречен сильным пушечным и ружейным огнем, он не изменил своего намерения, отчаянно бросался почти под самый фронт, но терпел неудачу»⁵. Напористость атаки объясняется тем, что она была первой по счету и силы кабардинцев были еще свежими. Далее адыги всеми силами ударили по правому флангу русских с фронта и с тыла, но снова были отражены ружейно-пушечным огнем. Тогда они стали кружить рассыпным строем вокруг русского войска, обстреливая его из ружей с безопасной дистанции. Лишь отдельные всадники вырывались из общей массы и подсакивали близко к фронту. Оправившись от неудачи и собрав свои силы воедино, кабардинцы атаковали левый фланг неприятеля, но снова были опрокинуты и обратились в беспорядочное отступление. В итоге потери кабардинцев составили 550 человек убитыми, а русских – 8 убитыми и 44 ранеными⁶.

В Марьинской битве в состав тактической схемы кабардинцев входили следующие элементы: психическая атака (удлинение строя), лобовая атака по всей линии фронта, фланговые удары в сочетании с тыловыми, кружение рассыпным строем вокруг неприятеля.

Теперь перейдем к Хапачухабльской битве (29 января 1859 г.), разыгравшейся в ходе экспедиции русских войск в Хамкеты (24–30 января 1859 г.) около аула Хапачухабль у р. Белой. На завершающем этапе экспедиции русское войско начало отступление, разбившись на три части: авангард, главная колонна с обозом и арьергард с артиллерией. В ответ черкесы сразу начали преследование, вылившееся в кровопролитное сражение. Основные силы горцев активно наседали на русских с тыла. Сначала действовали пехотинцы, интенсивно обстреливая арьергард с ближних дистанций, а затем его атаковала черкесская кавалерия. Очевидец события И. Дроздов оставил яркое описание этого момента: «Пехота горская раздвоилась, из-за нее вихрем вынеслось человек пятьсот всадников. Шашки наголо, с распущенными поводьями, эти кавалеристы, казалось, должны были смять все, что попадется им по дороге <...> На сто шагов, роты встретили горскую конницу таким огнем, что и теперь не даешь себе отчета, были ли это штуцера, с трудом заряжавшиеся, или скорострельные винтовки? Лошади горцев замялись; наконец, шагах в десяти и совсем остановились; два или три всадника ворвались в колонну, но были сорваны с коней и убиты. Атака не удалась. Пока горцы успели повернуть лошадей, их расстреливали почти в упор. Спешенные, под которыми были убиты лошади, бросались на колонну и погибали под выстрелами»⁷. Горцы несколько раз наносили кавалерийские удары по фронту арьергарда, но каждый раз их яростные атаки отражались русскими стрелками. В перерывах между кавалерийскими атаками адыгские пехотинцы постоянно обстреливали последних со всех сторон, отчего погибла большая часть их артиллерийской прислуги.

Тогда горцы решили ударить по правому флангу арьергардной колонны. Черкесские пехотинцы скрытно подкрались к последней и с гиком бросились в атаку. Цепь русских стрелков, сконфуженная внезапностью атаки, не выдержала натиска и обратилась в бегство. На ее плечах черкесы ворвались в середину арьергарда и напали на артиллерийскую батарею. Но русские пехотинцы и артиллеристы, не растерявшись под натиском горцев, смело кинулись в рукопашную схватку и выбили их ружейными прикладами и банниками.

Когда русский отряд стал приближаться к речной переправе, навстречу авангарду внезапно вынеслась группа черкесских пехотинцев, открывших непрерывный огонь. Русские солдаты попытались атаковать ее, но она быстро исчезла. На смену ей вышла другая партия горцев и перегородила дорогу авангарду, сдерживая его усиленным огнем. В ответ русские пехотинцы пошли в штыковую атаку и пробili себе дорогу к реке. Сначала на другой берег переправился авангард, а затем – главная колонна с обозом, при этом арьергард прикрывал их с тыла, обеспечивая безопасность процесса. Горцы ничего не предпринимали, дав передовым частям русского отряда возможность спокойно переправиться через реку. Но когда очередь переправы дошла до арьергарда, черкесы приготовились обрушиться на него всеми силами и завязали перестрелку. Однако неожиданно поднявшийся густой туман сорвал их атаку, и

арьергард свободно переправился на другой берег. О настойчивости и упорстве черкесских воинов в этом сражении лучше всего говорит «чрезвычайно медленное движение отряда»: за 11 часов русские солдаты под ударами горцев прошли всего лишь 4 км.⁸

Детальное описание этого сражения в мемуарах И. Дроздова позволяет нам сделать более глубокие выводы о структуре тактической схемы адыгов: перекрестный огонь, тыловые и фланговые удары, многочисленность атак, органичное сочетание действий пехоты и конницы (первая своим огнем подготавливала атаку, а вторая – осуществляла ее), разделение функций между кавалерией и пехотой (первая выступала основной ударной силой, а вторая – основной огневой силой).

Далее перейдем к рассмотрению схемы ведения оборонительных сражений на примере Малкинской и Бзюкской битв. Малкинское сражение состоялось 12 июля 1641 г. на р. Малке между войском старшего кабардинского князя Алегуко Шогенукова и объединенными силами его врагов. Подробная реконструкция хода битвы изложена в статье А. Каширгова⁹. В рядах противников Шогенукова были отряды князей Идаровых, малокабардинцев, русских стрельцов, ногайцев, кумыков и чеченцев. Князь Алегуко, видя численное превосходство противника, пошел на хитрость. Свои главные силы, состоявшие из отборных частей кабардинской конницы, он спрятал в засаде в одном из ущелий, а оставшиеся отряды союзных ногайцев, разместил на переднем плане. По его замыслу, ногайцы должны были завязать бой и притворным отступлением открыть тылы противника для нанесения удара отрядами, скрывавшимися в засаде.

Сражение началось с мощной атаки войска антишогенуковской коалиции на ногайцев, стоявших на передовой. Не выдержав этой атаки, ногайская конница стала поспешно отступать, влекая за собой противника. Во время преследования войско коалиции разделилось на три части. В этот момент главные силы Шогенукова выступили из ущелья и, разбившись на три конные лавины, атаковали противника с тыла. Далее, вклинившись в разрывы между тремя вражескими группами, они осуществили охват, быстро перешедший в окружение, и разгромили коалиционное войско, остатки которого преследовались до полного уничтожения¹⁰.

В Малкинской битве тактическая схема князя А. Шогенукова состояла из следующих элементов: сдерживание вражеской атаки, притворное отступление для заманивания противника, тыловой удар резервных сил из засады, разделение войска на три синхронно взаимодействующие части, маневры (охват и окружение) и преследование.

Не менее интересен ход знаменитой Бзюкской битвы (29 июня 1796 г.), являвшейся кульминационным моментом гражданской войны в Западной Черкесии, более известной как «демократический переворот»¹¹. В данном сражении одной стороной выступали шапсуги, а с другой – бжедуги. Численность шапсугского войска, подкрепленного абадзехскими ополченцами, составляла около 10 000 человек, а бжедугского – около 3 000–4 000¹².

Битва началась с яростной атаки шапсугов на противника. Бжедуги, в свою очередь, начали ложное отступление и заманили разгоряченную шапсугскую конницу в засаду, где располагалась их пехота. Бжедугские пехотинцы открыли шквальный ружейный огонь по вражеской коннице, что привело ее в замешательство. Далее пехота и конница бжедугов одновременно с двух сторон атаковали шапсугских всадников, которые, не вы-

держав двойной атаки, бросились бежать, смяв по пути часть своей пехоты. После этого бжедугские пехотинцы напористо атаковали шапсугскую пехоту, в то время как конные бжедуги продолжали преследование разбитой вражеской конницы. Шапсугские пехотинцы храбро сражались с бжедугами и не желали отступать, хотя несли при этом большие потери. В этот момент бжедугская конница, возвращавшаяся после преследования, внезапно ударила им в тыл. Зажатые с двух сторон в тиски, шапсуги были полностью разгромлены и подверглись страшному истреблению¹³. Их потери к концу боя составили по одним данным 800 человек, а по другим – 4000¹⁴.

В Бзиюкском сражении тактическая схема бжедугов включала следующие элементы: сдерживание вражеской атаки пехотой, притворное отступление конницы для заманивания противника, наведение последнего на засаду, шквальный огонь засадно-резервного отряда, преследование врага конницей, фронтальная пехотная атака и тыловой кавалерийский удар по вражеской пехоте. Кстати, ход данного боя в основных чертах напоминал битвы при Каннах (216 г. до н.э.) и при Заме (202 г. до н.э.).

В итоге, сравнивая тактические схемы Канжальского, Марьинского и Хапачухабльского сражений, можно выделить несколько общих элементов: психическая атака, фронтальный удар по всей линии фронта, фланговые и тыловые удары в отдельные точки, преследование. Отсюда тактическая схема наступательных сражений у черкесов представляла собой следующее. Сначала черкесы подготавливали успех атаки путем ослабления противника психической атакой. Если вражеское войско было многочисленным и сильным, адыги уделяли большое внимание его предварительному ослаблению. Поэтому они проявляли изощренную изобретательность в способах проведения психических атак, а также обращались к хитрым диверсиям. Затем горцы наносили мощный лобовой удар по всей линии фронта, пытаясь сразу опрокинуть неприятеля. Даже если это не удавалось, они хотя бы нащупывали слабые места в его боевых порядках. После этого черкесы меняли вектор атаки, нанося удары по вражеским флангам и тылам. Они могли многократно повторять их, подобно морскому прибою, до тех пор, пока не удавалось врезаться во вражескую массу и завязать сечу. Когда же противник обращался в бегство, черкесы приступали к настойчивому преследованию для полного истребления его сил.

Сравнивая тактические схемы Малкинского и Бзиюкского сражений, можно выделить такие общие элементы, как сдерживание вражеской атаки, притворное отступление для заманивания противника, действие резервных сил из засады (засадного отряда), фронтальный или тыловой удар, преследование. Поэтому оборонительные полевые сражения у адыгов выстраивались по следующей тактической схеме. Накануне боя черкесы разделяли свои силы на две группы, одну из которых ставили на защиту выбранных позиций, а другую – прятали в засаде в качестве резерва. В начале сражения первая группа принимала на себя вражескую атаку и некоторое время удерживала позиции. Потом она обращалась в притворное бегство, увлекая противника за собой. Далее в бой вступал засадный отряд, действуя по одному из двух сценариев: либо первая группа навела преследующего неприятеля на засаду и подставляла его под внезапный удар второй (засадной) группы, либо последняя сама выходила из засады и наносила неожиданный удар по тылам противника, оголившимся в ходе погони. Параллельно, первая группа мгновенно прекращала отступление

и переходила в контратаку, т.о. сдавливая неприятеля в тисках. Обычно враг не выдерживал двойной атаки и обращался в бегство, а черкесы сразу же приступали к его преследованию для завершения разгрома. Данная тактическая схема могла иметь разнообразные вариации в зависимости от боевой ситуации, но при этом ее принципиальная сущность была неизменной.

Для более четкого уяснения специфики адыгской тактики полевых сражений, проведем ее сравнение с тактикой европейских и азиатских воинств. В качестве представителя первого возьмем римлян, а второго – монголов. Подобный выбор обусловлен историческим величием этих воинств и их ярким цивилизационным символизмом.

Классическим образцом тактики полевых сражений римлян была манипулярная тактика легиона, позволявшая неоднократно повторять атаки с наращиванием ударной мощи, в отличие от греческой фаланги, рассчитанной лишь на одну-единственную атаку. Перед боем римские легионы выстраивались в три линии, в которых солдаты располагались по принципу опытности: в первой линии были гастаты (молодые воины), во второй – принципы (опытные бойцы), в третьей – триарии (ветераны). Каждая линия разбивалась на 10 отрядов-манипул, которые выстраивались в 10 шеренг по 12 рядов. Манипулы были разделены между собой интервалами, равными длине их фронта, и выстраивались в шахматном порядке: манипулы второй линии строились за интервалами первой линии, а манипулы третьей – за интервалами второй. При этом на каждую манипулу гастатов и триариев полагался вспомогательный отряд легкой пехоты из 60 велитов. Условно говоря, боевой порядок легиона представлял собой не единую монолитную фалангу, а трехлинейный пунктирный строй в шахматном порядке. Если римское войско состояло из нескольких легионов, то они располагались рядом друг с другом, хотя в некоторых случаях они стояли один за другим. На флангах войска размещалась кавалерия.

Сражение начинала легкая пехота (велиты), которая забрасывала неприятеля дротиками и отходила на фланги легиона. Затем в дело вступала тяжелая пехота. Гастаты приближались к вражеским рядам на 10–15 м и атаковали их по всей линии фронта: солдаты первой шеренги бросали пилумы в щиты неприятелей и нападали с мечами. Если нападение первой шеренги отбивалось, она отступала через интервалы в тыл и выстраивалась за десятой шеренгой. Таким образом, гастаты повторяли атаки 10 раз. В случае неудачного исхода этих атак гастатов сменяли или усиливали принципы, проходившие в интервалы первой линии. В решительный момент в бой вводились триарии (резерв ветеранов), которые вместе с гастатами и принципами предпринимали последний, наиболее мощный удар по центру противника или по одному из его флангов. С конца Второй Пунической войны (218–201 гг. до н.э.) римляне стали практиковать охват вражеских флангов с помощью второй и третьей линий. Сражение заканчивала римская конница, которая преследовала и добивала опрокинутого противника¹⁵. Отсюда видно: основным элементами тактической схемы полевых сражений у римлян были фронтальные атаки пехоты, иногда – фланговые атаки, многочисленность атак нарастающей мощи, рукопашный бой, преследование врага конницей.

Теперь перейдем к монгольской тактике полевых сражений. В начале сражения монголы выявляли слабое место в позиции неприятеля с помощью визуальной разведки и прошупывающих атак. Обычно это место

было на одном из его флангов. Далее, напротив него они сосредотачивали силы для атаки и параллельно посылали отряд в обходный маневр по дальней дуге для захода во вражеский тыл. Атака осуществлялась монголами в два этапа. Сначала они начинали стрелковый бой: попеременно меняющиеся подразделения конных лучников издали обстреливали залпами выбранный пункт вражеской позиции. Когда последняя была расшатана, тяжелая монгольская кавалерия атаковала ее. Если неприятель отражал атаку, монголы имитировали притворное бегство, вынуждая его броситься в преследование и расстроить свои ряды. В этот момент тяжелая конница наносила внезапный удар и, глубоко врезавшись в расстроенную жидкую массу противника, завязывала сечу. Затем она обращала вражеское войско в бегство и гнала его в сторону вышедшего ранее в тыл отряда. В итоге монголы сдавливали противника словно в тисках и окончательно добивали. Если каким-то силам удавалось выбраться из котла и отступить, монголы начинали преследовать их до полного истребления¹⁶. Следовательно, тактическая схема полевых сражений у монголов включала такие элементы, как разведка боем для выявления слабого места во вражеской позиции, стрелковый бой, охват и обход, фланговый и тыловой удары, тотальное преследование.

При сравнении тактических схем римлян и монголов как типичных представителей европейских и азиатских воинств вырисовываются серьезные отличия, составляющие их специфические черты. Во-первых, у римлян практически отсутствовали маневры, тогда как у монголов они широко применялись, отчего у первых преобладали фронтальные удары, а у вторых – фланговые и тыловые. На наш взгляд, это было обусловлено характером главного рода войск: у римлян таковым была тяжелая пехота – маломаневренная по своему характеру, а у монголов – легкая конница, являвшаяся высокоманевренным родом войск. Во-вторых, основным средством поражения живой силы противника у римлян был рукопашный бой, а у монголов – лучной бой, что отразилось на характере их атак: у первых они были скоротечными, т.к. нацелены на быстрое сближение с неприятелем и навязывание ему рукопашного боя, требовавшего ближней дистанции; у вторых атаки отличались затяжным характером, часто воплощаясь в следующую форму: приближение к врагу, обстрел его из луков, отступление и многократное повторение этих действий, что было обусловлено необходимостью держать значительную дистанцию для ведения лучного боя и затягивать время для нанесения врагу большого урона. Вместе с тем, отсутствие высокоразвитого рукопашного боя лишало монголов возможности осуществлять фронтальные (лобовые) атаки, вынуждая направлять их в слабые места вражеских боевых порядков – во фланги и тыл.

У черкесского воинства, наблюдается некий тактический синкретизм – наличие тактических элементов, присущих как европейскому, так и азиатскому воинствам. Адыгской тактике было свойственно широкое применение всех видов маневра и рукопашного боя как основного средства поражения живой силы, поэтому черкесы практиковали как фронтальные, так и фланговые и тыловые удары, воплощавшиеся в форму скоротечных, молниеносных атак. Основой такого сочетания являлся характер главного рода войск у черкесов – универсальная легкая конница. Поэтому, если римская тактика по своему принципу была европейской, а монгольская – азиатской, то черкесскую тактику можно назвать евразийской.

Примечания

1. Туганов Р.У. Разгром Каплан-Гирей (Из истории борьбы кабардинского народа против турецко-крымских захватчиков) // Туганов Р.У. Страницы прошлого. Нальчик, 1989. С. 127; Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003. С. 173.
2. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 129.
3. Де ля Мотре А. Путешествия А. де ля Мотре в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА / Сост., ред. перев., введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 135.
4. Туганов Р.У. Указ. соч. С. 137–139.
5. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (Исторический очерк). Нальчик, 2008. С. 45.
6. Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 45–46; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год: Извлечения. Нальчик, 2001. С. 176; Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 76–77; Потто В.А. Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 285–287.
7. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Нальчик, 2011. С. 23–24.
8. Дроздов И. Указ. соч. С. 23–26.
9. Каширгов А. Князь князей. Алыджыкьюэ Шоджэныкьюэ [Электронный ресурс]. URL: <http://zihia.narod.ru/alim3.htm> (дата обращения: 28.06.2015).
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. «Кабардинские дела». 1641 г. Д. 1. Л. 94, 82; Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 303–304; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 303; Каширгов А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://zihia.narod.ru/alim3.htm> (дата обращения: 28.06.2015).
11. Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Документы и материалы по истории адыгов. Нальчик, 1991. Вып. 1. С. 167, 184.
12. Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. С. 431.
13. Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 203; Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. С. 433.
14. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 204; Дубровин Н. Указ. соч. С. 183.
15. Энгельс Ф. Сражение // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1959. Т. 14. С. 122; Энгельс Ф. Армия // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения... Т. 14. С. 20–22; Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Минск, 2002. Т. 1. С. 123–125; Ковалев С.И. История Рима. СПб., 2003. С. 199–208; Кантор Г. Военное искусство Древнего Рима // Военное искусство античности. М.: СПб., 2003. С. 475–518.
16. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 80–81.

А.А. ОСТАКHOV

THE TACTICS OF FIELD BATTLES
OF CIRCASSIANS IN XVII–XIX CENTURIES

In this article the tactics of the field battles of Circassians are considered. The structural analysis of the Circassian tactics, and also the comparative analysis of the tactics of Europeans and Asians, on the example of Romans and Mongols are made. During research features of tactics of Europeans and Asians, the scheme of field battles of Circassians, its specific lines and the Euroasian nature are revealed.

Keywords: field battle, scheme of field battle, Europeans, Asiatics, Romans, Mongols, Circassians, tactical blow, manoeuvre, blade fight, bow fight.

Ю.А. Прокопенко
(г. Ставрополь)

ЭТАПЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В VI–XIII ВВ.

В статье дается характеристика пяти этапов поступлений в Центральное Предкавказье предметов христианской символики. Особое внимание уделяется причинам распространения в регионе различных категорий мелкой христианской пластики: нательных крестов, энколпионов, квадрифолий и др.

Ключевые слова: предметы христианской символики, нательные кресты, кресты сиро-палестинского круга, энколпионы, квадрифолии, крестовключенные подвески, Аланская епархия.

Начало поступления предметов с изображением христианских символов в Центральное Предкавказье следует отнести к VI–VII вв. В памятниках этого времени фиксируются отдельные разнотипные изделия, связанные с христианской обрядовой деятельностью. В частности, в Эшкаконском скальном могильнике в погребении VI в. был обнаружен бронзовый перстень, на щитке которого была изображена Богородица с младенцем¹.

В конце XIX в. в поселке Былым (аул. Озороково, долина Чегема) была обнаружена фрагментированная византийская дарохранительница – пиксида VI в., выполненная из слоновой кости².

На перстне (сер. VI – нач. VII в.), обнаруженном в 2009 г. в станице Передовой Отрадненского района Краснодарского края, изображена фигура человека, держащего в полусогнутой правой руке копье, в левой – длинный предмет, напоминающий «саблю», обращенную острием вверх. Древко копья величиной в человеческий рост увенчано крестом, острие копья обозначено треугольной формой. Сцена, изображенная на щитке перстня, может быть интерпретирована как «Христос над аспидам».

Аналогичные бронзовые перстни происходят из Восточного Средиземноморья. Как считает С.Н. Малахов, подобное, но более подробное и реалистическое изображение, присутствует на монументальной мозаике Архиепископской капеллы в Равенне (VI в.). Образ Спасителя, победившего василиска и аспида, вероятно, стал прототипом для подобных изображений на различных предметах мелкой пластики с христианской символикой, получившей широкое распространение в ранневизантийский период³.

Причинами появления в регионе первых предметов, связанных с христианством, могли быть контакты алан с христианами на территории Абхазии, торгово-обменные связи с торговцами-византийцами, появившимися в Предкавказье с торговыми караванами по трассам Великого шелкового пути. Нельзя исключать и криминальный вариант захвата иноземных изделий, привлекавших местных жителей своей необычностью и каче-

ством. Скорее всего, использование таких предметов аланами не меняло их традиционных языческих представлений. В VII в. возможны и первые миссионерские контакты в Алании. По предположению В.А. Кузнецова, во второй половине VII в. в регионе функционировал монастырь Иоанна Крестителя⁴.

Следующий этап распространения христианских предметов – VIII–IX вв. – связан с возведением в регионе каменных крестов с греческими надписями и без (Рим-Гора, Песчанка, поселение «Козьи скалы», Кубранская балка и др.)⁵. Одновременно в синхронных памятниках появляются предметы, связанные с религиозной культовой практикой. В результате исследования скального могильника Мощевая Балка VIII–IX вв. были выявлены два реликвария и обломки стеклянных лампадок. А.А. Иерусалимской допускается возможность их интерпретации как свидетельства о деятельности христианских миссионеров на рубеже VIII–IX вв.⁶

Лампадки имели округлую форму диаметром около 8 см с тонкими стенками, на которых были нанесены изображения равноконечных с расширяющимися концами крестов. Концы крестов декорированы «жемчужинами». Здесь же были выявлены фрагменты сосудов из такого же стекла с иудейскими надписями. Символы и надписи на фрагментах лампадок подтверждает предположение ученых о поступлении этой стеклянной продукции из мастерских Ближнего Востока. Экспорт стеклянных сосудов направлялся в Хазарию – Северо-Восточный Кавказ, где уже в VIII в. на Верхне-Чирюртовском городище существовали христианские церкви⁷.

Среди предметов, которые несли христианскую символику и поступали из восточных провинций Византии в аланскую среду Предкавказья до X в., следует также отметить миниатюрную бронзовую печать в виде шахматной фигуры «пешки», на плоском основании которой была вырезана крестообразная вокативная монограмма – «Богородица, помоги [рабу твоему]» (VIII – первая четверть IX в., Нижний Архыз)⁸.

Период христианизации Алании в X–XI вв. характеризует третий этап поступлений предметов христианского культового назначения. Образование Аланской митрополии с центром в Нижнем Архызе сопровождалось возведением храмов и формированием иерархической структуры священнослужителей. Поэтому отдельную группу составляют предметы культовой практики, которые использовались при проведении служб византийскими священниками. Ряд подобных предметов был обнаружен во время исследования Северного Зеленчукского храма (Нижний Архыз – территория Карачаево-Черкессии): бронзовый крест с греческой надписью и датой 1067 г., медальон из позолоченного серебра с изображением Св. Матвея, резной костяной образец с остатками костяных гвоздиков и изображением Иоанна Богослова и др.⁹

В гробницах священников у Сентинского храма А.Н. Дьячковым-Тарасовым были обнаружены свинцовый византийский крест, медный набалдашник посоха в виде пятиконечной звезды и др. предметы. В.А. Кузнецов относит их к аксессуарам погребенных священников¹⁰. На городище у горы Калеж (сел. Каменноостское – территория Кабардино-Балкарии) найдена ампула для святой воды или масла¹¹. В.А. Потто в свое время отметил, что на Рим-горе находили церковную утварь, выкованную из серебра, а также большие железные кресты¹².

К этой же группе, скорее всего, относятся некоторые из энколпионов сиро-палестинского круга, обнаруженные в памятниках региона, известных своими храмовыми комплексами, – Ильичевское городище и др.¹³

Другую группу составляют разнообразные предметы христианской мелкой пластики, обнаруженные в культурных слоях поселений и городищ: нательные кресты, энколпионы, подражания им, круглые крестовключенные подвески и др. Эти вещи скорее всего являлись личной собственностью местных жителей. В частности, бронзовый крест-энколпион X в. выявлен на территории городища «Козьи скалы»¹⁴. Ряд бронзовых нательных византийских крестов найден на городище Развалка (находки И.Е. Волкова 1996–1997)¹⁵. Значительное количество византийских нательных крестов, сирийских энколпионов и круглых крестовключенных подвесок X–XI вв. происходит из культурного слоя городища у горы Калез на правом берегу р. Малки (окрестности сел. Каменномостское)¹⁶.

Некоторые односторонне литые четырехконечные крестики имели изображение распятого Христа в хитоне. Такие кресты-тельники были выявлены в аланских катакомбах XI–XII вв. у ст. Змейской (Северная Осетия), в верховьях р. Уруп (Ильичевское городище), на территории пос. Шахта № 6 (Карачаево-Черкесия) и на территории Кабардино-Балкарии¹⁷. Возможно, в связи с налаживанием экономических связей с владением черниговских князей – Тмутараканью – в этот период в регионе появляются первые древнерусские энколпионы (энколпион XI в. из сел. Кудинетово – Кабардино-Балкария).

Во второй половине XI–XII вв. в Византии и на территории Предкавказья происходят значительные политические и экономические изменения, приведшие к резкому сокращению поступлений византийских предметов христианской символики. В XII в. функционирование транзитных путей через Санчарский и Клухорский перевалы значительно сокращается. Наблюдаются значительные экономические изменения, происходившие в Византии (порча номизмы, расширение товарооборота внутри страны и др.). В начале XII в. поступление византийских бус по Волжскому пути прекращается.

Данное явление также связано с ослаблением Алании в XI–XII вв. в связи с экспансией кипчаков на Северный Кавказ (разгром поселения «Козьи скалы» и др.) и процессом политической децентрализации внутри Алании, который привел к феодальной раздробленности¹⁸.

Здесь же следует отметить важное явление трансформации Аланской епархии – перенесение кафедры Алании в Сотириуполь (на р. Чорох). В результате, как справедливо отметил В.А. Кузнецов, оформляется дихотомная организация – кафедральный центр в Сотириуполе без паствы и реальный центр в Нижнем Архызе с обширной паствой¹⁹.

Ослабление экономических связей с Византией и удаление начальствующего религиозного центра от своей паствы, видимо, привело к дефициту предметов, связанных с христианской культовой практикой. Поскольку такие византийские изделия мелкой пластики часто терялись, а восполнение их по вышеуказанным причинам было затруднено, резко увеличивается спрос на эти предметы.

Косвенно это подтверждает наблюдающееся явление изготовления и использования в регионе жестких литейных форм, особенно для производства различных вариантов нательных крестов. Некоторые из них сохра-

нили следы литейного производства и брака. Жесткие литейные формы, изготавливавшиеся из камня, позволили наладить серийное производство мелкой христианской пластики. По мнению исследователей С.Н. Малахова и Р.Р. Рудницкого отмеченный процесс свидетельствует в пользу массового спроса на предметы христианского культа²⁰.

В XII – нач. XIII в. через Предкавказье продолжают функционировать торговые пути, ведущие в экономические центры Древней Руси. В Центральное Предкавказье поступают разнообразные изделия киевского и новгородского производства: меха, замки, стеклянные браслеты, шиферные пряслица и др.²¹

Скорее всего, наблюдавшееся древнерусскими купцами (или восточными посредниками) явление нехватки предметов христианской символики в регионе повлияло на внесение их в реестр необходимых ввозимых товаров. Поэтому выявленные в синхронных памятниках Центрального Предкавказья кресты-энколпионы аналогичны киевским и новгородским. Это характеризует четвертый этап распространения предметов христианской символики в регионе.

Существует несколько точек зрения по поводу появления древнерусских образцов на Северном Кавказе. Согласно первому мнению, такие находки являются результатом контактов с Киевской Русью (Кузнецов В.А., Прокопенко Ю.А. и др.)²². Возможно, их распространение связано с торговлей такими предметами в центрах православного христианства (Нижний Архыз и др.) или на специализированных торговых базарах (городище у горы Калеж – окрестности сел. Каменноостское).

Существует и иное толкование данного явления – предметы христианской символики связаны с пребыванием русских пленных в северокавказских владениях Джучидов²³. Видимо, часть предметов христианской символики, выявленная в Центральном Предкавказье (Затеречье (Кели, Майртуп, г. Маджар и др.) действительно связана с непосредственным пребыванием в регионе славян из древнерусских княжеств после монголо-татарского нашествия на Русь (пленные; в предгорьях – беглецы?). Это более всего характеризует пятый этап распространения изделий христианской мелкой пластики в Предкавказье в XIII в. после нашествия монголо-татар.

Однако некоторые находки, составляющие целые серии, явно свидетельствуют о торговом характере их распространения в Предкавказье в XII – начале XIII в.

То, что кресты-складни – энколпионы являлись категорией импорта (предназначались для алан-христиан), доказывают находки однотипных крестов Киевской школы (с изображением распятого Христа) в Среднем Закубанье (южный берег Краснодарского водохранилища) (рис. 1, 1, 1а), на городище у горы Калеж (окрестности сел. Каменноостское) (рис. 1, 3) и на Развальском городище (север Пятигорья) – 2 экз. (рис. 1, 2). При этом в последнем случае две одинаковые створки были отлиты в одной форме.

Крест с изображением Христа, найденный Н.И. Веселовским у ст. Махошевской, восточнее г. Майкопа, повторяет форму вышеотмеченного креста, обнаруженного на южном берегу Краснодарского водохранилища. Он выполнен в той же рельефно-черневой технике, отличаясь лишь чуть меньшими размерами²⁴.

Как считает Р.Р. Рудницкий, рельефно-черневые кресты из слоев Развальского городища датируются второй половиной XII – началом XIII в. Аналогичный складень был найден в мастерской литейщика в Киеве

(раскопки 1948 г.), разрушенной при взятии города татаро-монголами²⁵. Г.Ф. Корзухина также относит крест из ст. Махошевской к XII – первой половине XIII в.²⁶

Д.А. Иванов и Л.М. Носкова отмечают шесть аналогий кресту, найденному на южном берегу Краснодарского водохранилища. Из них четыре происходят с территории Украины (Киев) и два – из Великого Новгорода. По мнению авторов, хронологически данный тип энколпионов укладывается в рамки XII – первой пол. XIII в., по степени распространения в основном локализуется в Среднем Поднепровье, где эти изделия изготавливались и оттуда попадали в более отдаленные районы²⁷.

Также следует отметить еще одну серию выявленных в Центральном Предкавказье однотипных крестов с изображением Распятия (3 экз.).

К ним относится энколпион киевской работы XII – нач. XIII в. (рис. 1, 5, 5а), обнаруженный в окрестностях сел. Лизгор (территория Северной Осетии) И. Дзилиховым и доставленный в Императорскую Археологическую комиссию 4 декабря 1886 г. (мной был обнаружен рисунок оборотных сторон предмета – хранится в архиве ИИМК РАН). Изображение креста было опубликовано. Затем это изображение было переопубликовано в статье В.(Х).Т. Чшиева в журнале «Устойчивое развитие горных территорий». Но почему-то, видимо, по недоразумению, в тексте отсутствует ссылка на источник, то есть на вышеотмеченную мою статью.

Энколпион из Лезгора:

л.с. – рельефное изображение «Распятия Христового», руки касаются полукруглых окантовок округлых иконок с изображением Богоматери (?) и Иоанна (?). Навершие и нижняя часть креста оформлены в виде округлых иконок с изображением святых (рис. 1, 5);

о.с. – рельефное изображение Богоматери с младенцем, Одигидрии. Перекладину, навершие и нижнюю часть креста завершают овальные иконки (рис. 1, 5а)²⁹.

Аналогичные киевские кресты XII – нач. XIII в. представлены в монографии В.В. Нечитайло³⁰.

Второй подобный крест был обнаружен (в группе других крестов) на городище у горы Калеж – лицевая створка энколпиона с Распятием и погрудным изображением святых в медальонах на ветвях равноконечного креста со «слезками». Отчетливо прослеживаются Крестное древо, нимб над головой Христа, нижний край туники, ноги прямые, сомкнуты, но ступни развернуты в стороны, руки прямые. Распятие размещено в плоскости креста, повторяя его контур, окантованный невысоким бортиком (рис. 1, 4)³¹.

Третий, близкий по иконографии изображения экземпляр происходит из культурного слоя городища Адиюх. Выявлен при раскопках одноапсидной церкви X–XII веков, напротив аула Хабез (Карачаево-Черкесия)³².

Кроме вышеотмеченных в памятниках Предкавказья, зафиксирован ряд других типов энколпионов. В домонгольской Руси были очень популярны кресты с изображением Святых Бориса и Глеба. Они завозились и в Предкавказье. В частности, Борисоглебский энколпион (первая пол. XII в.) найден на городище Развалка (Железноводск) (рис. 1, 6)³³.

Два бронзовых креста-энколпиона XII в., найденные в церкви № 6 Нижне-Архызского городища (территория Карачаево-Черкесии) (рис. 1, 7), также имеют аналогии в русских древностях: первый в Херсонесе (оба отлиты в одной литейной форме), второй – на городище Княжа-Гора в Киевской

области. К группе древнерусских можно отнести и бронзовый энколпион с фигурой Св. Георгия на коне XII–XIII в. (Пятигорье)³⁴.

Реже встречаются такие культовые изделия, как квадрифолии, иконки, змеевики, образки, медальоны. Возможно, такие изделия были доступны привилегированным слоям общества или даже изготавливались на заказ для индивидуального использования. К данной группе изделий относятся квадрифолий из сел. Куденетово (Кабардино-Балкария), бронзовый литой змеевик XII–XIII вв. с двусторонним изображением, найденный между Рим-горой и «Красивым курганом», и др.³⁵

Также следует отметить подобную находку бронзового двухстворчатого креста-квадрифолия XII в. в ст. Отрадная (Краснодарский край). На лицевой стороне этого креста помещено Распятие Христово: голова в нимбе, слегка склоненная вправо, обозначены глаза; тело укорочено, в препоясании, переданном схематично; руки прямые, слегка опущенные; ноги разведены в коленях и составлены пятками вместе³⁶.

Такую же форму, как и у отрадненского энколпиона, имеет подвеска-квадрифолий, украшенная в технике выемчатой эмали, на одной стороне которой голова в короне, на другой – голова Христа (Херсонес, XII в.). Близка по форме рассматриваемому энколпиону также и квадрифолийная оправа для византийской камеи XI в., предположительно сделанная в XII в. на Руси³⁷.

Древнерусская нательная иконка найдена на территории городища Кольцо-гора в окрестностях Кисловодска. Подобный предмет обнаружен в могильнике Мысхако (черта г. Новороссийска, Краснодарский край). Данные иконки имеют одинаковые размеры и рельефные изображения Богоматери, и надписи совпадают в деталях при внимательном изучении, что может свидетельствовать о происхождении образков из одной киевской мастерской. Производство иконок относится к XII – первой половине XIII в.³⁸

Наряду с древнерусскими продолжали употребляться и привычные для местного населения византийские культовые предметы. Железные кованые или клепаные пластинчатые кресты «византийско-кавказского» типа аланским населением часто использовались как votivные подношения, символы собственности и объекты религиозного поклонения. Такие кресты неоднократно обнаруживались при раскопках христианских памятников X – нач. XIII вв. Северного Кавказа. Ряд находок зафиксирован в сел. Каменноостское (Кабардино-Балкария)³⁹ и на Ильичевском городище Краснодарского края⁴⁰.

Видимо, в местных центрах (городище у горы Калез?) первоначально пытались воспроизвести привычные формы византийских крестов. Однако завоз значительного числа изделий, характерных для древнерусских регионов, повлиял на смену излюбленных форм и иконографию изображений на крестах – подражаниях.

Как считают С.Н. Малахов и Р.Р. Рудницкий, массовый спрос на предметы христианского культа характерен для второй половины X – конца XII в.⁴¹ Действительно, процесс массовой христианизации требовал использования значительного количества предметов мелкой христианской пластики в X–XI вв. Но, скорее всего, эти потребности без особых проблем восполнялись привозимыми партиями из Закавказья.

Тем более вряд ли византийские священники позволили бы допустить ослабление их монополии на распространение культовых предметов в X–XI вв. Скорее всего, основные попытки наладить выпуск подражаний свя-

заны с уже отмеченным периодом ослабления византийского влияния в XII – нач. XIII в. Поэтому за образцы, с которых копировали изображения, принимались и ставшие привычными предметы сиро-палестинского круга и древнерусские кресты.

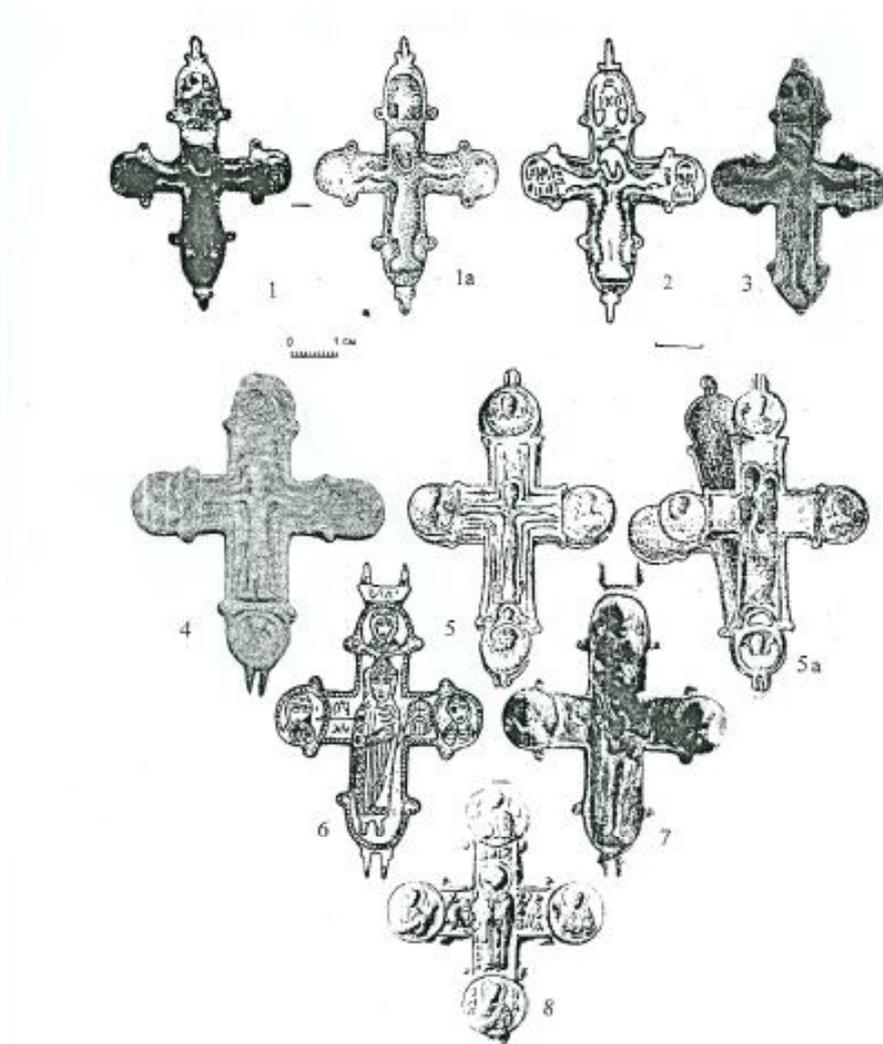

Рис. 1. Энкалпионы древнерусского производства из памятников Центрального Предкавказья: 1, 1а – Южный берег Краснодарского водохранилища (Среднее Закубанье) (по Иванову Д.А., Носковой Л.М.); 2 – Развальское городище (окрестности г. Железноводска) (по Р.Р. Рудницкому); 3–4 – городище у горы Калез (окрестности сел. Каменноостское) (по Малахову С.Н., Рудницкому Р.Р.); 5–5а – Лезгор; 6 – Развальское городище (окрестности г. Железноводска) (по Р.Р. Рудницкому); 7 – пос. Шахты № 6 (по В.А. Кузнецову; 8 – сел. Куденетово (по В.А. Кузнецову).

Примечания

1. Ртвеладзе Э.В., Рунич А.П. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // Византийский временник. М., 1976. Т. 37. С. 154. Прим. 13; Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь: Из-во СГУ, 1999. С. 97.
2. Айналов Д.Б. Обломок пиксиды и другие древности, находящиеся в историческом музее // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М., 1894. № 1. С. 3–8.
3. Малахов С.Н. Материалы к церковной археологии Алании // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2014. Вып. 6. С. 94.
4. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. С. 30.
5. Там же. С. 32–33.
6. Иерусалимская А.А. Находки предметов христианского культа в могильнике Мощева Балка // Художественные памятники и предметы культуры Востока. Л., 1985. С. 109.
7. Малахов С.Н. Материалы к церковной археологии Алании... С. 95.
8. Там же.
9. Кузнецов В.А. Указ соч. Рис. 10, 1–4.
10. Там же. С. 76.
11. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино-Балкарии // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–Москва, 2012. Вып. 11. С. 133.
12. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 19.
13. Кузнецов В.А. Указ соч. Рис. 20, 5.
14. Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 308. Рис. 12, 3.
15. Кузнецов В.А. Указ. соч. Рис. 5, 5–8.
16. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Указ. соч. С. 119. Сл., рис. 1, 2, 9, 13 и др.
17. Там же. С. 128, 129.
18. Прокопенко Ю.А. Указ соч. С. 123, 140.
19. Кузнецов В.А. Указ соч. С. 84–85.
20. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Указ. соч. С. 136.
21. Прокопенко Ю.А., Лубова С.Ф. Культурные контакты и караванная торговля по северо-кавказскому – балто-донскому пути в IX – нач. XIII в. // Вестник СГУ. Ставрополь, 2008. Вып. 59(6). С. 55–56; Прокопенко Ю.А. К вопросу о характере торговли и транспортных магистралей, связывавших Центральное Предкавказье и древнерусские княжества в X – в нач. XIII в. // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–Москва, 2011. Вып. 10. С. 99 сл.
22. Кузнецов В.А. Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 85–86; Прокопенко Ю.А. К вопросу о характере торговли... С. 100.
23. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 130–131.
24. Иванов Д.А., Носкова Л.М. Древнерусский энколпион из Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4. С. 182.
25. Рудницкий Р.Р. Два древнерусских креста-складня с Развальского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001. С. 116. Рис. 1.
26. Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003. С. 121.
27. Иванов Д.А. Древнерусский энколпион из Среднего Закубанья... С. 183.
28. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 102. Рис. 1, 3, За.
29. Прокопенко Ю.А. К вопросу о характере торговли... С. 99.
30. Нечитайло В.В. Каталог христианских нагрудных виробив мистецтва періоду Київської Русі (X перша половина XIII ст.). Киев, 2001. С. 57–59.

31. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Указ. соч. С. 125. Рис. 7, 2.
32. Кузнецов В.А. Энколпионы Северного Кавказа... С. 81–82. Рис. 1, 5.
33. Рудницкий Р.Р. Борисоглебский энколпион с Развальского городища близ г. Железноводска // История и культура народов Северного Кавказа: Сб. науч. тр. Пятигорск, 2005. Вып. 3. С. 21–22.
34. Алексеева Е.П. Находки славяно-русского облика X–XV вв. на Северном Кавказе (К вопросу о северокавказско-русских связях в эпоху Средневековья) // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 99; Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в... С. 74.
35. Кузнецов В.А. Указ. соч. Рис. 21, 1, 2.
36. Там же. Рис. 21, 3.
37. Малахов С.Н. Материалы к церковной археологии Алании... С. 98–99.
38. Пьянков А.В., Тиханов А.А., Федоренко Н.В., Хушт М.А. Новые находки древнерусских культовых предметов на Северном Кавказе // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов конференции. Пятигорск, 2011. С. 33, 34.
39. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Новые предметы средневековой христианской пластики из Кабардино-Балкарии... С. 133, 134, 135.
40. Ложкин М.Н., Малахов С.Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отраденского музея // Историко-археологический альманах. Армавир–Москва, 1996. Вып. 2. С. 202.
41. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Указ. соч. С. 136.

YU.A. PROKOPENKO

STAGES OF DISTRIBUTION OF SUBJECTS OF CHRISTIAN SYMBOLICS IN CENTRAL CISCAUCASIA IN THE VI–XIII CENTURIES

In article the characteristic of five stages of receipts to the Central Ciscaucasia of subjects of Christian symbolics is given. The special attention is paid to the distribution reasons in the region of various categories of small Christian plasticity: crosses worn on the neck, engolpions, kvadreefoles etc.

Keywords: subjects of Christian symbolics, crosses worn on the neck, crosses of the orphaned-Palestinian circle, engolpions, kvadrifoliya, krestovklyuchenny suspension brackets, alansky diocese.

А.Н. Соколова
(г. Майкоп)

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ*

На основе данных, полученных в ходе экспедиций в адыгские селения Адыгеи и Краснодарского края, выявляются рудименты традиционных сакральных представлений у современных западных адыгов. Сакрализация объектов живой природы остается этническим маркером, однако внешние формы ее проявления значительно редуцированы. Тем не менее природное сакральное продолжает структурировать смыслы виртуальной и реальной социальной жизни этноса. Анализ этих смыслов составляет содержание статьи.

Ключевые слова: сакральное, иеротопия, западные адыги, священные деревья, курганы, родники, коллективные моления.

Западные адыги среди соплеменников считаются этнической группой, в большей мере, (по сравнению с другими), сохранившей приверженность традиционной культуре. Именно к западным адыгам, особенно к шапсугам, живущим в Причерноморье, снаряжаются фольклорные экспедиции в 70–90 годы XX в. На основе западно-адыгского материала созданы монографии, посвященные адыгской свадьбе¹, пшынэ (адыгской гармонике)², пхачичам (адыгским трещоткам)³, адыгской циновке⁴. В этих условиях поиски сакральных объектов на территории западных адыгов ориентированы на получение заведомо интересных материалов. Во-первых, появляется возможность сравнить найденные материалы с данными прошлых веков, описанными историками, путешественниками, военными деятелями и др., чтобы выяснить степень их сохранности и способы развития. Во-вторых, возникает необходимость выявления тех ценностей в сакральном поле этноса, которые пережили разные исторические эпохи и катаклизмы. Т.е., речь идет об устойчивых сакральных ценностях, транслируемых каждому новому поколению. В-третьих, появляется возможность проведения сравнительного анализа сакральных ценностей у различных адыгских субгрупп. В-четвертых, в русле запланированных методов возникает необходимость анализа тех видов коллективной и индивидуальной деятельности, которые направлены на поддержание сакральных объектов или формирование (создание) новых.

На первый взгляд, у современных западных адыгов отсутствуют какие-либо специальные и общепризнанные сакральные пространства в виде именных святилищ, какие, например, существуют в Абхазии. В памяти остались только упоминания о Тхачеге (*ТхьэчІэгь*) – месте под Богом, т.е. святом месте, существовавшем у адыгов до Кавказской войны. Современ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 13-26-12002 «Священные места абхазов и адыгов: традиции и современность».

ные попытки выяснить географическое местоположение *Тхагега* оказались сложными и труднодостижимыми. Предположительно, это было не одно локально определенное место, а большой по площади лес, находящийся между реками Белой и Лабой⁵. Вероятно, в этом лесу выделялись отдельные деревья, которые по своему возрасту, породе или виду отличались среди других деревьев, и потому были особо почитаемыми⁶.

Тем не менее в геоландшафтном пространстве Адыгеи сохранилось немало объектов, являющихся хранителями исторической и культурной памяти, выступающих гарантами присутствия прошлого в настоящем. Речь идет о курганах, отдельных деревьях и родниках, а точнее, о представлениях людей, наделяющих отдельные курганы, деревья и родники особыми свойствами.

Отношение между людьми и курганами с древних времен было окрашено завесой тайны и загадок. Почти с каждым курганом, находящимся на территории Адыгеи, связана легенда или история (хабар) из далекого или недавнего прошлого. В экспедиции 2013 г. в аул Егерухай Кошехабльского района Республики Адыгея мы посетили легендарные курганы братьев Сетовых, неоднократно описанные в литературе⁷. Еще в недалеком прошлом отношения между людьми и курганами трактовались как особые практики, связанные с различного рода церемониальными действиями. К примеру, до Великой Отечественной войны курганы братьев Сетовых использовались как святилища, куда приходили помолиться, попросить о благополучии рода, здоровье. Обычно «хадж» к курганам совершался в мае во время цветения лопухов. С собой необходимо было брать провизию, которая съедалась на вершине или у подножия кургана⁸. Во второй половине XX в. жители аула Егерухай проводили возле самого большого кургана Сета аульские сходы, решали важные общественные дела. При этом обычные рядовые вопросы решались в сельсовете или на территории аула. У Сетовских курганов, расположенных в семи километрах от Егерухая, принимались самые важные решения. Здесь налицо действие магической техники, при которой мощь сакрального используется во благо: сакральное направлено на принятие правильного и важного общественного решения. Своеобразной могущественной силой выступает обязательная ритуальная трапеца в пространстве курганов как своеобразная форма жертвоприношения и определенный акт осквернения / нарушения традиционного запрета на прилюдное чревоугодие (в традиционной культуре адыгов принятие пищи приравнивается в некоторой мере к физиологическому акту, недостойному публичности, подобно другим физиологическим интимным проявлениям).

Сегодня публичной репрезентации курганов не происходит. Они остаются интересны археологам, но перестали быть социальными символами. Вокруг курганов расположены фермерские угодья, засаженные пшеницей; на самом высоком кургане стоит геодезическая вышка. Тем не менее за курганами сохраняется определенная мистика, особенно это касается черных копателей⁹. В то же время основная масса жителей, проживающих в близлежащем ауле Кошехабль, вообще ничего не знает о курганах Сетовых. В других селениях курганы воспринимаются только как особый ландшафтный рельеф без флера мистики или святости. Например, в селе Бесленей Карачаево-Черкесии маленький курган располагался прямо на территории школы. Отдельным школьникам родители запрещали взбираться на его

вершину, но большинство детей воспринимали возвышенность как некую горку. В других вариантах за курганами остается мифологический шлейф. К примеру, на автотрассе Майкоп – Краснодар, там, где дорога проходит между курганами, выставлены специальные щиты с надписью «Аварийно-опасный участок дороги». По приметам стариков, именно нарушение покоя курганных захоронений вызывает ответный негатив с их стороны.

Мифологический шлейф тянется и за отдельными родниками. К примеру, родник возле аула Блечепсин (*Блашэпсынэ*) Кошхабльского района Республики Адыгея дал название аулу, хотя обычно по адыгским неписаным законам аулы назывались именами князей. И этот аул, переселившийся из Кабарды под предводительством князя Дероко, должен был быть назван Дероковским. Однако, по легенде, людям очень понравилось живописное место возле родника и рядом растущий клен. Дерево было старое, да к тому же в него попала молния, и через год оно развалилось. К удивлению аульчан, на его месте вырос новый клен. Это усилило веру переселенцев в сверхъестественные свойства источника. Аульчане почистили родник, углубили дно, наполнили мелким гравием из речки, обложили большими камнями и объявили его священным. В честь него, согласно все той же легенде, провели обряд жертвоприношения и определили это место для проведения всех религиозных обрядов.

Действия, направленные на сакрализацию природного объекта, естественным образом наследованы из глубокой древности и соответствуют традиционным нормам иеротопических практик в живописных местах, где сочетаются стихии воды (река, родник, озеро, море), культовые камни (природные или окультуренные) и деревья. Даже неолитические камни с чашевидными знаками, интерпретируемые как сакральные объекты, по наблюдениям ученых, обнаруживались «чаще всего неподалеку от рек или родников в живописных местах»¹⁰.

Сегодня о блечепсинском роднике заботятся руководители сельского поселения и совет старейшин. Взамен состарившихся деревьев высаживают новые, обязательно клены. Дорожку к роднику выложили плитами, неподалеку построили навес для трапезы, чуть поодаль – танцплощадку. Родник обихожен, над ним выстроено сооружение, защищающее от грязи и пыли. Возле родника встречаются друзья, ученики, празднующие окончание школы. К роднику обязательно подъезжает свадебный кортеж, возле него устраиваются танцы. В обозримом прошлом к роднику подъезжали те, кто собирался в дальний путь или готовился к особо значимым в жизни событиям. Так постепенно тайное и священное уступают место рациональному и обыденному. Однако люди (особенно пожилые) продолжают верить в целебные свойства родниковой воды, и нередко какая-нибудь заболевшая бабушка из Кошхабля или Егерухая (аулы в Кошхабльском районе Республики Адыгея) просит сына или внука привезти ей воды именно из блечепсинского родника¹¹.

Таким образом, для современных адыгов не просто характерно сохранение памяти о когда-то священных природных уголках, но и важна довольно активная деятельность по поддержанию сакральности в памятных для людей местах. Эта святость не окрашена в трепетно-религиозные тона, а носит сдержанный и отчасти рациональный характер. Тем не менее, коллективная деятельность направлена на сакрализацию объектов в той мере, какая вообще характерна для религиозности адыгов¹².

Одной из задач проекта «Священные места абхазов и адыгов: традиции и современность» было сравнить формы иеротопической деятельности абхазов и адыгов, выявить общее и специфичное в этом виде деятельности и степень сохранности сакральных объектов. Сравнительный анализ показал, что степень сохранности религиозно-мифологических комплексов у абхазов и адыгов весьма различна. На обывательском уровне она оценивается как «адыги все потеряли». Безусловно, это не так, и проведенный анализ сакральных объектов и явлений у адыгов позволяет сделать предварительные выводы о наличии таких социальных практик и объектов, которые можно назвать неким фондом, сохраняющим историческую память и одновременно «работающим» на их возможное воскрешение.

В традиционной «корзине» адыгской культуры прошлого фиксируются культы предков, культ камня и гор, культ деревьев и рощ, культ кузнечного ремесла, культ коня, огня, очага и другие¹³. В посттрадиционной культуре западных адыгов активно функционируют мемораты, связанные с отдельными священными деревьями. Им, как правило, приписывается чудесное происхождение, выделенность среди других деревьев мощностью ствола, размерами кроны; невозможность быстрого уничтожения, реинкарнация в виде молодого дерева той же породы и т.п. Так, про знаменитое дерево Ислама (*Ислам ичъыгыжь*), росшее неподалеку от аула Габукай Теучежского района Республики Адыгея, сегодня может рассказать практически каждый житель аула старше 50 лет. По одной версии, дерево напоминает о событиях Бзиюкской битвы (1796), по другой оно связано с героем Кавказской войны. Со слов Хазрета Бешкока, 1927 г. р., Ислам был из рода Кошко. Однажды на Габукай напали разбойники, в это время Ислам ужинал. Услышав крики, мужчина выбежал из дома и стал преследовать грабителей. Ему на помощь выбежали сородичи. Ислам так быстро мчался за врагами, что, в конце концов, настигнув их, оказался один против целой группы. Грабители тяжело ранили Ислама, подоспевшие соплеменники на носилках попытались вернуть раненого в аул. На пути им попались два рядом стоящих молодых дуба. Путники поставили носилки в тени между дубками и стали ждать подводу. Дождавшись, они переложили на нее раненого, а носилки так и остались лежать между деревьями. Со временем дубы выросли и «поглотили» собой носилки. Некоторые аульчане утверждали, что они знали людей, которые видели в стволе дерева торчащие ручки носилок. Очевидец Хазрет Бешкок свидетельствует, что ствол дерева смогли обхватить только 10 взрослых мужчин, взявшись за руки. Когда шел дождь, под деревом всегда было сухо. Листвы было столько, что ни одна капля не могла упасть на землю.

В пересказе А. Кушу эта история содержит иные детали: «Ислам увлекся преследованием нечестивых и был сражен в неравной схватке. Подоспевшие друзья по оружию уложили героя на носилки и понесли в аул. Но весть о его гибели разнеслась в округе со скоростью летящей птицы. Жители аула устремились навстречу скорбной процессии. В месте встречи они увидели вдруг два растущих рядом молодых дубка. Люди совершили здесь молитву своим богам в память о павшем воине, дубки объяви священными деревьями, ждет в порядок территорию вокруг них. И заявили, что тот, кто покусится на деревья, получит проклятье.

Шли годы и десятилетия. Дубки росли, мужали, и в какой-то момент их стволы сомкнулись и срослись – из двух деревьев стало одно – дерево Ислама. Под ним проходили собрания-хасэ жителей аула Гатлукай, воз-

носились молитвы к Аллаху, отмечались праздники. Ствол дерева могли обхватить только шестеро мужчин, взявших за руки. Можно представить, сколь могучей была крона. Но и этому дереву пришел конец, когда хулиганы, работавшие на строительстве водохранилища, залили в дупло дуба солярку и подожгли ее. В мае 1989 г. великан гулко рухнул наземь – и этот удар отозвался щемящей болью в сердцах людей»¹⁴.

Все версии о происхождении и гибели дуба Ислама показательны в нескольких планах. Во-первых, дерево стало священным благодаря воле и действиям людей, которые в силу обстоятельств наделили его святостью. В данном случае дуб стал священным в привязанности к имени мужественного человека. В других случаях дерево может быть выделено самой природой, например, попаданием в него молнии, местоположением – у родника, на высокой скале и т.п. Немаловажным обстоятельством является внешний вид дерева – огромный ствол и большая крона, свидетельствующие о возрасте и мощи. Во-вторых, дерево долгое время оставалось местной достопримечательностью и священным объектом, возле которого совершались моления, проводились обрядовые действия (обряд вызова дождя, свадебные танцы), устраивались гостевые застолья, фотографирование туристов и др. В-третьих, устойчивым комплексом выступает сюжет о сложной и болезненной гибели дерева, которое в разных версиях поджигали (сжигали), травили соляркой, пытались выкорчевать трактором и т.п. И, наконец, в-четвертых, таким же устойчивым комплексом выступают сюжеты о реинкарнации священного дерева из новых побегов или благодаря человеческому вмешательству, когда на том же самом месте какой-нибудь старец высаживает новое дерево той же породы.

Типологически сходной является история тюльпанового дерева (лириодендрон тюльпановый – лат. *Liriodendron tulipifera* – высокое дерево семейства магнолиевых), растущего в Причерноморской Шапсугии (пос. Головинка Лазаревского района Краснодарского края)¹⁵. По местной легенде, на этой территории находился большой лес, вырубленный русским десантом во время Кавказской войны. Тюльпановое дерево уцелело потому, что во время высадки десанта оно как раз цвело такими красивыми цветами, что у солдат не поднялась рука уничтожить его. В советское время получила распространения легенда о том, что дерево посадил генерал Н. Раевский. Именно эта версия широко тиражируется в интернет-пространстве¹⁶. Долгий период тюльпановое дерево являлось туристической достопримечательностью, возле него фотографировались, просили о ниспослании здоровья и благополучия. Да и сейчас можно видеть людей, преодолевших небольшое заграждение, обнявших дерево и молящихся возле него. К необыкновенному гиганту подъезжают свадебные кортежи русских, адыгов, армян – у дерева нет этнической привязанности. В 2014 г. по запросу местных властей был установлен возраст тюльпанового дерева – 246 лет, так что версия, связанная с генералом Николаем Раевским, научно не подтвердилась.

В религиозном и этническом сознании современных западных адыгов деревья более других природных объектов сохраняют ореол святости. Это особенно касается аульской среды, где старики обычно собираются под кроной большого дерева в центре аула, там же устраиваются сходы граждан. Рациональное (дерево как защита от солнца или дождя) сочетается с эстетическим и традиционно-мемориальным (так делали отцы, деды и прадеды). Образ старика (стариков), сидящих под деревом, активно куль-

тивируется художниками-живописцами, художниками-оформителями, графиками, дизайнерами, поэтами и писателями. Поэтому «воскрешение» культа деревьев при определенных условиях – это вопрос времени и обстоятельств. Если только «судьба» этноса будет переживать какие-либо трудности или невзгоды, культ дерева проявится более выразительно. В этом случае культ связан зачастую не столько с деревьями, сколько с определенными действиями людей, совершаемыми возле, около или под конкретными деревьями. Примером могут служить коллективные моления, возобновившиеся летом 2014 г. в ауле Большой Кичмай Лазаревского района Краснодарского края.

Инициатором, как это обычно бывает в случае утраты традиции и последующего ее воскрешения, стала женщина, Шамсэт Кобж, которая, обратившись к старикам, попросила провести аульское моление, чтобы уберечь молодежь от гибели на автотрассах. Старики не поддержали активистку, но и не стали ей препятствовать. Шамсэт оповестила аул о времени и месте проведения моления, приготовила ритуальную еду и провела обряд сама в окружении небольшой группы женщин. Время было назначено на пятницу (священный день мусульман) на 7 утра. Пятница – рабочий день, поэтому моление надо было провести пораньше, до начала работы. Коллективно было выбрано и место обряда – небольшая поляна возле ручья, впадающего в реку Шахэ. Поляна устраивала организаторов моления тем, что она находилась недалеко от аула, возле ручья и одновременно была скрыта от любопытных посторонних глаз. Для большего комфорта было решено срубить несколько деревьев и кустарников, чтобы расширить пространство и со временем соорудить на поляне несколько скамеек. Было решено также проводить моление три пятницы подряд с регулярностью два раза в год (весной и осенью). После прочтения молитвы ведущая обратилась к присутствующим с призывом высказаться; 2–3 женщины откликнулись на это предложение и обращались к молящимся с просьбой повлиять на своих сыновей и братьев, чтобы они вели себя на дорогах разумно. В каждую новую пятницу число людей, участвующих в обряде, увеличивалось (с 38 до 52 человек). На третью пятницу на поляне появились молодые мужчины, которые весьма уважительно помолились вместе со всеми и отведали ритуальной еды (пшеничные лепешки без соли – *хьарыпI* (харып), сыр, вареники). Для обряда вскладчину был куплен кастрированный бычок. Все мясо поделили по 1,5 кг на 225 кульков и раздали по дворам с рекомендацией сварить *лэис* (лепс, мясной бульон), чтобы каждый аульчанин имел возможность вкушать обрядовое мясо.

Аульские пассионарии уверены, что на осенние моления соберется уже весь аул. Эта уверенность формируется и на основании знания общего настроения жителей аула и благодаря опыту наблюдения за коллективными молениями в Абхазии. Простые адыги после просмотров видеосюжетов на эту тему из Абхазии говорят, что они также испытывают потребность в проведении коллективных молений, и когда видят такие мероприятия по телевизору, ощущают свое родство с абхазами и уверенность в том, что адыги в прошлом также обладали подобным опытом.

Молитва ведущей проговаривается на родном языке, обращена к Всевышнему и сводится к просьбе о прощении за ошибки и грехи. «Всевышний наш, ты все можешь, ты все знаешь. Подскажи нам, что сделать, чтобы воцарился мир, чтобы люди могли честно смотреть друг другу в глаза, что-

бы дети наши не погибали на дорогах и были здоровы»¹⁷. Во время молитвы люди стоят лицом к морю, руки держат по-мусульмански, выставив перед собой ладони. Затем все становятся на колени и делают троекратные поклоны.

Образ коллективной молитвы в природном ландшафте конкретизирует понятие «священного» и «сакрального». Его можно оценивать как факт исторической памяти и одновременно как результат рационального опыта, подтверждающего оздоровительные силы леса, чистого лесного воздуха, горной воды, силу коллективной молитвы, важность произносимых слов. Характерно, что в современных условиях предметы природы не являются объектами поклонения. Деревья срубают, если они мешают расширению священного пространства, само пространство перемещается по разным причинам (например, перенос может быть связан со строительством парковки для туристических автобусов). Священная сила заключается не столько в предметах природы, сколько в деятельности отдельных личностей, но более всего – в коллективной деятельности, определяемой коллективным сознанием, этническим самосознанием и идентификационными маркерами. Сверхъестественными свойствами наделяются коллективная молитва и ритуальная еда, получающая силу этой молитвы. Естественные силы людей, их мысли, направленные на изменение существующей ситуации, избавление от плохого или пагубного, получение здоровья, мира, добра, благостности сублимируют в сверхъестественные силы, дарующие желаемое.

Если адыги проводят обряды вызова дождя только в случае длительной засухи, то абхазы, как правило, устраивают коллективное моление о дожде и благополучном урожае строго по календарю. В начале лета 2014 г. такое моление проходило в пос. Дранда в Абхазии. Его организуют ежегодно вне зависимости от того, ожидается засуха или нет. Моление устраивается для того, чтобы засуха не наступила и люди могли собрать богатый урожай.

Способность адыгов создавать священные пространства проявилась и у турецких мухаджиров. В экспедиции 2014 г. к адыгам Узун-Яйлы (Турция) фольклорист Мадина Папштова зафиксировала молитвенный комплекс *К'ык'уэ* (лит. *Чык'уэ – долина прутьев*) близ села Шигебахово. В комплекс вошли дерево *жыгзак'уэ* (жыгзак'уэ, букв. «одинокое дерево», дикая яблоня), родник и могила неизвестного человека, ставшая местом паломничества и отправления обряда вызывания дождя *Уэшх дух'э* (молитва о дожде). На «*Уэшх дух'э*» собирались старшие, в т.ч. из соседних селений. Характерно, что весь комплекс расположен в довольно пустынном месте, и его внешние характеристики напоминают оазис, который прежде всего имеет функциональные и природно-эстетические свойства, что также содействует сакрализации объекта¹⁸.

Особого разговора заслуживают семейные сходы (*унэк'уэшхасэ*), которые стали распространяться у адыгов после распада СССР. В советское время семейные сходы у западных адыгов не практиковались. Родственники собирались большими семьями в основном по случаю свадьбы и похорон. В обоих вариантах специальными приглашениями не пользовались. При получении соответствующей информации все родственники обязаны были съезжаться в дом, где проводилось мероприятие. Свадьба и похороны – важный повод для семейных сходов. При этом невестки в полной мере принадлежат новой фамилии. На них даже распространяются те или иные табу, исполняемые данной фамилией (к примеру, в не-

которых семьях под запретом выращивание перца, в других не дают взаимы лопату, в третьих не несут деньги на похороны и т.п.).

И. Бабич выделяет фамильные сходы и сходы однофамильцев. Первые связаны с кровным родством, вторым она приписывает идеологические и политические значения. Во второй половине 90-х гг. XX века, действительно, съезды однофамильцев строились в направлении поиска новых идентификационных полей, поэтому однофамильцы собирались из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Причерноморской Шапсугии, а также из Турции, Сирии, Иордании, США, Голландии, Швейцарии и др. По данным исследователя, в 1996 г. в Кабардино-Балкарии было образовано объединение однофамильцев Кушховых, в которое вошло более 800 семей (4000 чел.) из Кабардино-Балкарии, 700 чел. из Турции, столько же – из Сирии, Иордании и США. «Первые шаги инициаторов этого объединения – поиск общих далеких предков»¹⁹.

Первыми фамильные сходы в Адыгее стали проводить Дзыбовы. Затем инициативу подхватили роды Чуяко, Яхутлей, Калашаовых, Дабаговых и др. Цель этих сходов полностью совпадает с той, которая описана Л. Соловьевой в отношении абхазов: «...цель подобных собраний в том, чтобы молодые люди из одной фамилии лучше знали друг друга, знали о своем родстве, помогали друг другу. Как правило, на таком сходе сообщают о достижениях однофамильцев (кто поступил учиться, кто достиг успехов в работе или учебе, кто женился, кто вышел замуж, у кого родились дети и т.д.); о несчастьях (кто умер, кто оказался в тюрьме и по какой причине, и т.д.). Представитель от каждой семьи кратко говорит о том, что произошло у них. Старшие основное внимание уделяют при этом воспитанию молодых, призывая их «не позорить фамилию»²⁰.

Фамильный сход Жудовых в Майкопе, по словам его организатора Пшимафа Жудова, в последние годы также приобретает обрядово-ритуальную форму. Вначале собравшиеся выслушивают речи самых уважаемых членов фамилии; люди знакомятся с новыми членами рода (невестками, вновь родившимися); затем следует обряд высадки деревьев в горной части Адыгеи, на месте исторических черкесских садов; потом проводится коллективная ритуальная трапеза. В кулуарах схода принимаются решения по проблемам тех или иных представителей фамилии. Они могут быть связаны с вопросами оказания медицинской помощи, выделения финансовых средств нуждающимся, решением любых бытовых, образовательных или воспитательных проблем²¹.

Род Чуяко с 2001 г. провел уже пять сходов. Благодаря розыскной работе Магина Гиссовича Чуяко было установлено родовой место – аул Хатепс, до 1958 г. существовавший в 16 км от Горячего Ключа. Теперь знаком родового гнезда стал родник, который представители Чуяко почистили, загородили плетнем, рядом соорудили коновязь и скамейки²².

Западно-адыгские фамильные сходы стали снимать на видео, показывать по местному телевидению. На основе документальных съемок создаются цифровые копии, которые затем тиражируются и распространяются среди однофамильцев и родственников в Турции. Сходы не содержат религиозную составляющую, но сценарный план мероприятий практически тождествен абхазским коллективным молениям.

То, что утеряно из прошлого, позиционируется современными адыгами как культурное ценное. Этнос устойчиво ассоциирует национальное

с потерянными обрядами и традициями, принадлежностями ушедшего быта, традиционными поведенческими нормами. В этом контексте важным и возможным становится возрождение священных деревьев, роц, родников как по сей день почитаемых объектов (в пассивной памяти, виртуальных представлениях, единичных реальных примерах). Этим же можно объяснить индифферентное отношение к «сакральным» (политическим, идеологическим) новоделам (памятникам вождям пролетариата, героям войн) как объектам, соответствующим своему времени и строю. Эмоциональное отношение высказывается только в отношении памятников и памятных досок военных завоевателей Кавказа. На фоне всех «сакральных» новоделов природно-географическая сакральность имеет высочайший статус и непреходящее значение. Благостное, священное, трепетное и одновременно боязливое отношение к таким объектам находится в глубине души каждого адыга, что определено не только генетической памятью, но и природной сущностью самого человека. Осознание потерь в отношении сакральных природных объектов вызывает в каждом современном человеке боль и тревогу, а их возможное возрождение оценивается положительно и перспективно для духовного развития этноса.

Природное сакральное в силу своей неизбежности продолжает структурировать смыслы виртуальной и реальной социальной жизни. В виртуальных оценочных представлениях западных адыгов позитивная роль природного сакрального заключена в его способности мобилизовать коллективное действие, вызывать сверхинтенсивные эмоции. В реальной практике коллективное действие по исполнению (воскрешению) сакральных обрядов появляется там и тогда, когда возникает соответствующий вызов (социальные и природные катаклизмы). Поэтому «рудименты» сакрального – это определенный «неприкосновенный запас», обладающий свойством контагиозности (заразительности, заразности – термин Д. Куракина), задающим логику смыслового переноса по подобию и смежности в исторической диахронии и синхронии. Отсюда типологически сходные сакральные объекты и обрядовые действия не только у коммуникатирующих этносов, но и у народов, проживающих в сходных природно-ландшафтных и геоклиматических условиях.

Примечания

1. Чунтыжева Т.Я. Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этнопедагогическая ценность. Майкоп, 1998. 250 с.
2. Соколова А.Н. Адыгская гармоника в контексте этнической музыкальной культуры. Майкоп: Качество, 2004. 272 с.
3. Она же. Пхачич – адыгские трещотки. Майкоп: Качество, 2002. 80 с.
4. Гучев З.Л. Искусство адыгской циновки. Майкоп: Адыгейское отд-ние Краснодарского книжного изд-ва, 1990. 127 с.
5. Емыкова Н.Х. ТхьэчIэгъ в сакральном пространстве адыгов // Сакральное пространство в современной культуре абхазов и адыгов: Материалы Круглого стола / Ред.-сост. А.Н. Соколова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2013. С. 36.
6. О священных деревьях у адыгов см.: Хабекирова Х.А., Мусукаев А.И. Мир дерева в культуре адыгов; О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 316 с.; Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 164 с.
7. Наргхэр. Адыгский эпос / Сост. А. Гадагатль. Майкоп: АНИИ, 1973. Т. 7. 427 с.
8. Записано в Майкопе в 2013 г. со слов Батырбия Махмудовича Берсирова, 1930 г.р., который совершал такой «хадж» со своей бабушкой.

9. Тов А.А. Загадки курганов Адыгеи // Сакральное пространство в современной культуре абхазов и адыгов: Материалы круглого стола, 20 сентября, 2013 / Ред.-сост. А.Н. Соколова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2013. С. 98–99.
10. Бгажноков Б.Х. Сакральный смысл чашевидных знаков // Вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2013. № 1 (20). С. 11.
11. Записано в апреле 2013 г. в ауле Блечепсин Кошехабльского района Республики Адыгея от Алия Каншаевича Кунова, 1921 г.р.
12. Ляушева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность (философско-культурологический анализ): Монография. Майкоп: Изд-во «Аякс», 2002. 150 с.
13. Бетророва М.А. К вопросу о ранних формах религиозных верований адыгов (черкесов) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 12. С. 28–41.
14. Кушу А. Кстати // Кубанские новости. 2002. 27 июля.
15. Тюльпановое дерево в пос. Головинка имеет высоту 30 м., диаметр ствола – 2,4 м., диаметр кроны – 27 м. Цветет в мае–июне; во время цветения поражает своей пышностью и величию.
16. «Тюльпановое дерево» (Дерево Раевского) в пос. Головинка // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://xn---7sblqsj4aok5d9b.xn--p1ai/luchshie-mesta/135-ltyulpannoe-derevor-derevo-raevskogo-v-pos-golovinka.html>.
17. Записано 7 июня 2014 г. в ауле Большой Кичмай Лазаревского района Краснодарского края от Кобж Шамсат Байсетовны, 1959 г.р.
18. Устное сообщение фольклориста М.М. Пашговой со ссылкой на материалы экспедиции 2014 г. в Турции.
19. Бабич И.Л. Клановая структура общества и ее влияние на современную политическую ситуацию (на примере Северо-Западного и Центрального Кавказа) // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/sac-01/04.babrus.shtml
20. Соловьева Л. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия: Сборник статей. М., 2006.
21. Записано в 2014 г. от Пшимафа Жудова, 1946 г.р., г. Майкоп.
22. Записано в 2015 г. от Мадина Чуяко, 1938 г.р., г. Майкоп.

A.N. SOKOLOVA

SACRED REPRESENTATION
IN MODERN WESTERN CIRCASSIANS CULTURE

Based on the data obtained during the expeditions to Circassian villages of Adygea and Krasnodar region, revealed the rudiments of traditional sacred representations in contemporary Western Circassians. Sacralization wildlife remains ethnic marker, but the external forms of its manifestation significantly reduced. Nevertheless, natural sacred meanings continues to structure the virtual and the real social life of the ethnic group. The analysis of these meanings is the content of the article.

Keywords: sacred, Hierotopy Western Circassians, sacred trees, mounds, springs, collective praying.

УДК – 94(470.65)

А.А. Туаллагов
(г. Владикавказ)

О НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Статья посвящена анализу происхождения традиционного столика осетин на основе археологических материалов.

Ключевые слова: археологические данные, этнография, аланы, осетины, Северный Кавказ.

Некогда особо почетное место в любом осетинском доме занимал традиционный деревянный столик – фингæ (фынг). Использовалось несколько разновидностей этого стола. Отмечаются невысокие образцы с округлой четырехугольной столешницей на трех, реже – четырех ножках, а также с круглой столешницей на трех ножках. Именно вторая форма была самой распространенной и до сих пор является наиболее традиционной по представлениям осетин¹. В целом, для подобных столиков основной морфологической чертой были малый размер столешницы и низкие ножки, а генеральным типом – круглый трехногий столик². Такие столики в Осетии могли изготавливаться на месте мужчинами, (мастерами-токарями или пастухами)³. В прошлом подобные столики были широко распространены у венгерских ясов – потомков аланов⁴, мигрировавших с Северного Кавказа после монгольского нашествия.

Об источнике появления столика в культуре осетин свидетельствуют, как полагали исследователи, археологические находки⁵. Наиболее древним образцом на Северном Кавказе считают бронзовый столик с приклепанными литыми ножками из скифского кургана VI–V вв. до н.э. у сел. Нартан. По мнению исследователей, прямые аналоги осетинскому столику представлены в средневековых захоронениях на Северном Кавказе – могильники Хасаутский, Мощевая Балка, Гамовская Балка, Рим-горский, Архонский, Галиатский, могильник близ Кольца-горы. Особое внимание было обращено и на изображение трехногого столика в росписи «склепа Анфестерия»⁶, что делает излишними некоторые современные поправки⁷.

Сопоставления с образцами из катакомбы № 48 могильника Рим-гора (Бургусант-Кала), могильника № 7 (Хасаутский), катакомбы № 8 могильника Кольцо-Гора не вызывают возражений. Данные о находках экспедицией Е.Г. Пчелиной двух «фынгов» из Архонского могильника 1938 г. не публиковались. К сожалению, в настоящее время нет никакой возможности проверить их наличие в фондах Национального музея РСО–А. О находке из могильника Гамовская Балка известно только то, что это «деревянный столик-фынг на трех ножках»⁸. Остальная группа сопоставлений вызывает к себе некоторые вопросы.

Ее открывает самая давняя находка 1885 г. из Хасаутского могильника, которая была прокомментирована М.М. Ковалевским как «приземистый столик на четырех ножках; столик той самой формы, которая доселе попадает в Осетии», или как «трехножный столик (финг)». Изображение данного «столика», видимо, до сих пор остается неизданным. В дальнейшем были приведены только описательное уточнение, что «столик» представлял собой «ясеневое плоское и длинное блюдо на четырех ножках, резное, из цельного куска дерева»; и дополнительные сведения о параметрах – «овальное из ясеневое дерева блюдо длиной 0,51 м и высотой 0,27 м на четырех ножках»⁹.

Форма предмета вызывает определенные сомнения в возможности его атрибуции как фынга, в частности, или столика, в целом. Автор раскопок склепа в Галиате определял свои находки как «2 деревянных блюда на ножках»¹⁰. Позднейшая публикация о находке¹¹ позволяет сопоставить ее с хасаутским экземпляром и описать как вырезанное из одного куска дерева овальное блюдо с вертикальным бортиком по периметру на четырех не сохранившихся ножках. Данные находки сопоставляются с находкой «столика» из Мощевой Балки¹².

По другим данным, в Мощевой Балке были изредка представлены деревянные подносы, но имелись и деревянные столики типа осетинского «фынга» или адыгского «анэ»¹³. Однако последние публикации позволяют скорректировать интересующие нас данные. Речь идет о фрагментах образцов подпрямоугольной формы с закругленными углами и низкими ножками. Сохранившийся образец имел четыре ножки и размеры 31×19 см при высоте 13 см. Его короткие стороны были несколько отогнуты наружу, а длинные вогнуты внутрь. Именно такой образец и сопоставлялся со столиками «анэ» или «фынг», а также с находками из Хасаутского могильника и из салтовского Нижне-Лубянского могильника. К столикам предположительно относили и круглое плоское «блюдо-столик» на одной ножке диаметром 31 см¹⁴. Таким образом, сегодня мы можем окончательно заключить, что образцы из Мощевой Балки, Хасаутского могильника и Галиата не могут сопоставляться с осетинским фынгом.

Находка из Нижне-Лубянского могильника обозначена как «столик-поднос на четырех ножках» или как «столик-блюдо на четырех ножках». Судя по редкому и схематичному изображению предмета¹⁵, мы имеем дело с образцом, аналогичным вышеуказанным. Речь идет о находке в катакомбе аланского могильника, представляющего лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры в верховьях р. Оскол. Здесь же представлены отдельные ямные болгарские погребения, свидетельствующие об инфильтрации в местное аланское общество представителей тюркского населения. Катакомбы Нижне-Лубянского могильника имеют конструктивные черты, явно сближающие их с северокавказскими аланскими катакомбами. Здесь использовались и деревянные настилы. В погребениях сохранились различные образцы деревянной посуды, прямо сопоставимой с северокавказскими образцами ручной и токарной работы и, несомненно, занесенной сюда аланами с Северного Кавказа¹⁶.

К группе деревянных блюд без точного описания позднее была добавлена находка 1999 г. из Архонского катакомбного могильника (раскопки Э.Ю. Шестопаловой), а также две находки 2000 г. из катакомбы № 28 Даргавского могильника. Во втором они представляли собой вырезанные из

одного куска дерева блюда с вертикальным бортиком на четырех ножках. Первое блюдо имело овальную форму, длина – 38 см, ширина – 24 см, высота ножек – 7,5 см, высота бортика – 1,5 см. Второе блюдо имело прямоугольную форму; длина – 45 см, ширина – 24 см, высота ножек – 5,2 см, высота бортика – 1,5 см¹⁷. В 2008 г. в погребении № 72 был обнаружен еще один фрагмент от подобного блюда¹⁸: длина – 17,5 см, ширина – 7,5 см, высота бортика – 1,4 см, высота сохранившегося фрагмента ножки – 1,4 см, диаметр – 3 см. К данной группе также следует отнести и находку из катакомбы № 7 (60) могильника Рим-гора, хотя при публикации она и обозначена как «деревянный столик»¹⁹. Следует также отметить, что находки из Архонского, Даргавского и Нижне-Лубянского могильников сегодня надежно отрицают некоторые прошлые утверждения²⁰ с их далеко идущими квазинаучными трактовками и выводами этнического характера. Собственно, те утверждения уже изначально отрицались находкой из Нижне-Лубянского могильника.

Отдельные исследователи сопоставляли осетинские фынги с образцами, найденными в катакомбах некоторых среднеазиатских могильников. Их прототипы усматривали в образцах из курганов скифов Алтая и среди сарматских древностей. Они также сопоставлялись с каменными алтариками ранних кочевников Южного Урала. Полагалось, что они копировали каменные жертвенники²¹. Однако указанные среднеазиатские, алтайские и сарматские образцы относятся к описанной выше группе.

Определение образцов этой группы как «столиков», «столиков-подносов» или «столиков-блюд»²² представляется не совсем корректным. Исходя из функционального назначения,²³ их следовало бы определять как «подносы-блюда» на стационарных ножках. Интересно, что такие подносы-блюда не получили письменной фиксации для осетинской этнографии, ограничившейся единственным поздним устным свидетельством.²⁴ Поэтому вышеприведенное замечание М.М. Ковалевского следует расценивать либо как ошибку, либо как фиксацию несохранившегося до наших дней образца осетинской материальной культуры.

Видимо, и некорректное сопоставление подносов-блюд с осетинскими фынгами было впервые произведено М.М. Ковалевским. В целом, свидетельства исследователя требуют своего дополнительного изучения. Так, им особо упоминалось о неоднократных находках трехногих «фингов» в древних погребениях на территории Осетии. Собственно, и в упоминавшемся сообщении о находке в Хасауте, насколько можно понять, указывается на подобные находки и на «четемском кладбище»²⁵.

О необходимости особого выделения такой функции предметов как «поднос», возможно, косвенно свидетельствует и следующее наблюдение. К сожалению, точного определения пород деревьев, использовавшихся для изготовления деревянной посуды аланами, не производилось. В отношении интересующих нас образцов только для образца из Хасаута устанавливалось его изготовление из ясеня. Учитывая всю ограниченность данных, все же отметим, что в осетинской традиции ясень использовался для изготовления мебели, в то время как для изготовления деревянной посуды использовали иные породы деревьев²⁶.

Исследователи образцов из Галиата, могильника Мощевая Балка, Хасаутского могильника указывали²⁷ на свидетельства средневековых письменных источников об использовании «столов» в быту и для погребений

тюркскими народами²⁸. Определить, какие конкретно «столы», не говоря уже об источнике их появления, в письменных свидетельствах достаточно сложно. У тюркских народов вне Северного Кавказа надежно представлены образцы подносов-блюд, носящие однокоренные название с балкарско-карачаевским «тепси», которым обозначают трехногий столик. Собственно, «тепси» и означает «блюдо», «тарелка», что вполне соответствует названию тюркских подносов-блюд, и является давним заимствованием в тюркские языки из китайского языка²⁹.

Столики, подобные осетинским, как уже можно понять, известны и другим народам Кавказа, впервые упоминаясь в средневековых грузинских источниках³⁰. Связь осетинского столика с кочевническими культурами Евразии, как полагают, подтверждается тем, что после трапезы он разбирался и вешался на стену или помещался вверх ножками на специально вбитые в стену колышки. У карачаевцев такие столики, очень напоминающие осетинские, тоже подвешивались на петле под полкой для посуды на стене³¹. Впрочем, подобный способ хранения столиков, как и иной утвари, был известен и другим северокавказским народам³². Следует отметить, что действительная схожесть осетинских и карачаевских столиков, впрочем, как и других³³, не оправдывает прямое использование изображений осетинских столиков³⁴ и другой традиционной осетинской мебели, как изображений карачаевских и балкарских образцов³⁵.

Столики, подобные осетинским, отмечались среди традиционной мебели на Украине. Когда их не использовали, то вешали на стене хаты снаружи. Были они известны на Дону и на Кубани, южным славянам Балкан и крымским татарам. Их появление предположительно связывали со Средиземноморьем или с кочевыми культурами древности³⁶. Во втором случае указывалось на пазырыкские материалы. В свою очередь, возможные параллели последним усматривали в более поздних хуннских памятниках, в которых представлены как собственные, так и китайские образцы. Другие исследователи, определяя кенкольские памятники как хуннские, что до сих пор не имеет убедительного обоснования, считали их «деревянные столики», т.е. подносы-блюда, также подражанием китайским образцам³⁷.

Следует полагать, что общие параллели с археологическими находками³⁸, возможно, следует отнести отдельно к подносам-блюдам со стационарными ножками³⁹ и к столикам-блюдам со съемными ножками⁴⁰. Что касается собственно алтайских находок, то обнаружение в Туэктинских курганах аналогичных, но массивных столов (длина – 2,3 м, высота ножек – 0,9 м), как полагали исследователи, свидетельствует об оседлости местного населения⁴¹. Однако была предложена и иная трактовка⁴², видимо, под воздействием сведений В.В. Радлова о Катадинском царском кургане. Насколько данное предложение объективно, судить без дополнительного изучения вопроса сложно, т. к. образцы из последнего явно отличаются. Поэтому уменьшенные размеры иных столиков также объективно объясняются их целесообразностью в условиях сезонных смен пастбищ, в связи с чем отмечается и приспособление подвесной деревянной посуды⁴³. Данные наблюдения могут указать и на условия функционирования деревянных трехногих столиков из аланских погребений.

Определение подносов как столиков полагает их использование при посадке человека непосредственно на землю или пол, заставляя считать, что их использование диктовалось отсутствием стульев, кроватей или нар

в жилищах. Конструкции со съемными ножками логично определялись как походные или обусловленные кочевым образом жизни⁴⁴. Но такая посадка недопустима перед осетинским столиком, что дополнительно препятствует распространению понятия «стол» на указанные аланские образцы, которые могли в таком положении быть только подносами-блюдами.

Интересно, что на алтайском и даргавском образцах сохранили следы от ножей, что, скорее, говорит о разрезании на них мяса⁴⁵. В женском сарматском погребении из Прохоровки на блюде с бортиками, вырезанном из рога лося, лежала почти целая тушка барана. На такое же блюдо был положен большой нож в сарматском погребении у сел. Коби (Чечня)⁴⁶. Такие «лотки-блюда», вырезанные из рога или лопатки лося, известны и в других памятниках, в том числе в скифских погребениях на Северном Кавказе⁴⁷.

Деревянные подносы (без ножек) для мяса известны по скифским и савроматским материалам, в погребениях алтайских кочевников, тагарцев и др. Скифские подносы могли иметь свои специфические черты. Некоторые из подносов также сохранили следы ножей⁴⁸. К сожалению, сведения о деревянных подносах или блюдах в сарматских памятниках ограничены. Оригинальное овальное блюдо, обтянутое с внешней стороны кожей, было обнаружено в погребальном комплексе из Котлубани. Кратко отмечается наличие деревянных подносов овальной формы, на которые клали жертвенное мясо, в двух сарматских погребениях – Жуковская группа I, курган № 1, погребение № 5 и Новоселицкое, курган № 1, погребение № 6 (Ставрополье)⁴⁹. Какие-либо конструктивные характеристики данных подносов, возможно, в силу их сохранности, не приводятся. Видимо, лаконичность форм и простота изготовления, сочетавшиеся с простотой применения, делали подобные деревянные блюда без ножек оптимальными для использования представителями населения с его скотоводческим хозяйством ведущего более подвижный образ жизни, и в предшествующие периоды⁵⁰. В то же время было справедливо отмечено, что образцы деревянных «блюд-столиков» (со стационарными ножками. – А.Т.) неизвестны в материалах древних европейских кочевников⁵¹.

В целом редкость находок деревянных блюд в сарматских памятниках сопоставима с положением для памятников ранних кочевников, что объясняется их («лотков») очень плохой сохранностью к моменту открытия. Интересно отметить, что в погребениях IV–II вв. до н.э. из района Верхнего Приобья, в которых проявляются черты, связанные с приходом с запада сарматов, а также с «сако-усуньским элементом», представлены деревянные блюда без ножек с жертвенным мясом (ребра лошади, кости ног барана) и железным ножом. Подобные случаи (с костями ног, таза и позвонками барана или костями головы, задних ног и таза) отмечаются и в других памятниках. Аналогичные примеры представлены и в скифских погребениях⁵².

Несомненно, мы имеем дело с обрядом посвящения пищи покойному. В частности, при проведении такого обряда у осетин до сих пор сохраняется элемент касания ножом посвящаемой пищи, а находки жертвенного мяса с ножом в различных сарматских и аланских погребениях достаточно обычны. Но нельзя исключать, (следуя другим этнографическим данным), что в некоторых случаях пища предназначалась для угощения на том свете умершим встречающих его прежде усопших или подношения божествам загробного мира.

Следы от ножей на алтайских и даргавских образцах, как отмечено выше, логично объясняется разрезанием на них мяса. Аналогичным образом представлялись и другие, подобные образцы подносов-блюд – «деревянные столики для резания мяса»⁵³. Видимо, следует уточнить. Указанные образцы не являлись сугубо разделочными, хотя могли одновременно выполнять и такую функцию, о чем свидетельствуют следы от ножей как на поверхности, так и на оборотной стороне деревянных блюд и подносов-блюд⁵⁴. Они служили для употребления мяса в быту и, для посвящения мяса покойному и т.п. Таким образом, речь идет об ином функциональном назначении предмета, чем тот, о котором судили на основе некоторых этнографических данных⁵⁵. Находки деревянных блюд без ножек с жертвенным мясом и ножом сопоставимы с находками подносов-блюд на ножках с жертвенным мясом и железным ножом⁵⁶. С другой стороны, в памятниках, где представлены деревянные подносы-блюда, параллельно представлены аналогичной или очень близкой формы деревянные блюда без ножек⁵⁷.

Мы можем полагать, что деревянные подносы-блюда и блюда без ножек составляли один и тот же вид посуды для подачи и употребления мяса. Наличие или отсутствие ножек ничего не меняло в их функциональном назначении. Тем более такие ножки были достаточно короткими и не нарушали приземистости предмета, удобного для использования при кочевом образе жизни и соответствующей посадке на земле или полу. Учитывая наличие более древних образцов различного назначения на ножках, можно предполагать влияние данной традиции на появление деревянных подносов-блюд. Но нельзя исключать и влияния, (основного или дополнительного) со стороны китайских образцов. В пользу такого развития гипотезы может свидетельствовать и отмеченное лингвистическое решение.

Как уже отмечалось, исследователи считали деревянные подносы-блюда подпрямоугольной формы подражанием китайским образцам. Параллели им видели и в более поздних хуннских памятниках, где в погребениях знати представлены собственно китайские образцы, а в рядовых – их местные подражания. Но в этом случае речь шла о небольших образцах, имевших круглые столешницы и съемные ножки. На обратной стороне столешницы были вырезаны выступающие прямоугольные в разрезе валики, от центра к краям. В этих валиках возле края столешницы вырезались прямоугольные втулки для вставки шпеньков ножек. Ножки были круглые и овальные в разрезе. Диаметры верхних концов ножек были несколько больше диаметров нижних концов, а в середине наблюдался небольшой перехват. Особо отмечалось, что для этих образцов были характерны плоские, а не блюдообразные крышки, а ножек было 3, а не 4⁵⁸.

Действительно, китайский импорт был зафиксирован не только в хуннских памятниках⁵⁹. Исследователи объективно указывали на него, а также на находки ханьского времени в Лоулане⁶⁰. По замечанию исследователей, последние, несомненно, представляли собой четырехногие деревянные подносы для еды, часто встречавшиеся и в иных погребениях Китая⁶¹. Среди них фиксируются обычные прямоугольные и подпрямоугольные подносы, а также подносы с круглой столешницей и вертикальным бортиком по периметру⁶². Фиксируются и домашние образцы с круглой столешницей, без вертикального бортика и с несъемными тремя ножками⁶³.

Для прямоугольного, овального и круглого образцов, имеющих плоские столешницы и столешницы с бортиком, подобные столешницам

аланских и осетинских столиков, отмечается интересная конструкция крепления ножек. Столешницы имеют для них сквозные отверстия⁶⁴. Хотя такие образцы неизвестны среди аланских материалов, но они представлены среди осетинских и иных столиков⁶⁵. Среди них представлены и образцы с Т-образными дополнительными креплениями-связками ножек, которые соблазнительно рассматривать как реминисценцию деревянных валиков на китайских и подражающих им хуннских образцах. Среди осетинских образцов представлен и столик, у которого связка образована за счет вставленного в дополнительный, четвертый паз, располагавшегося в центре обратной стороны столешницы крепления, от которого непосредственно отходили короткие крепления-связки к ножкам⁶⁶. С одной стороны, такая схема крепления-связки более напоминает упомянутые китайские образцы, а, с другой стороны – сопоставима со схемой некоторых аланских столиков (смотри ниже).

Если допустить справедливость приведенных сопоставлений, то появление в аланских древностях подносов-блюд и столиков-блюд было связано с историей выхода на историческую арену аланов, которую многие исследователи сегодня связывают с миграционными процессами, начальный импульс которых лежал на крайнем востоке расселения в прошлом ираноязычных народов. Там они находились в разнообразных по уровню и интенсивности контактах, включая культурные, (в частности, с хуннами и Хань). Аланские образцы представляли собой две линии, обнаруживающие свои истоки далеко на востоке азиатского региона.

Первая группа представлена вырезанными из одного куска дерева подносами-блюдами на четырех стационарных ножках, вторая – столиками-блюдами на трех съемных ножках. Испытание временем выдержала вторая линия, непосредственно выводящая на осетинские образцы, чему могло способствовать оседание населения. Такой вывод, в частности, позволяет отдать приоритет собственно иранской этимологии названия осетинских столиков «фингæ/фынг»⁶⁷. Прежде предлагавшееся решение по этимологии названия⁶⁸, конечно, остается в силе, но дает возможность предполагать и последующее влияние или контаминацию. Но сложно сказать, учитывая балкаро-карачаевское название такого столика, является ли оно указанием на независимое (с возможным дополнительным сторонним влиянием) появление таких образцов у ираноязычных кочевников. Рассматривать же карачаево-балкарские «столы-трехножки» как одно из отражений сугобо «большой этнографической общности между многими современными и древними тюркскими народами»⁶⁹ нет никаких оснований.

Общий круг находок, сопоставимых с аланскими образцами подносов-блюд, позволяет предполагать, что аланские подносы-блюда связаны своим происхождением с центральноазиатскими и иными восточными регионами и не могут быть строго отнесены к тюркскому влиянию. Видимо, в пользу такого решения свидетельствуют деревянный круглый образец на четырех ножках из погребения № 700 Усть-Альминского могильника, который можно связать с проникновением поздних сарматов. В ранне-сарматском женском погребении № 5 кургана № 27 могильника Жутово, видимо, сохранились следы деревянного подноса, на котором находились кости ног с лопаткой и ребра овцы. Следы от деревянных ножек глубиной и диаметром в 3 см составляли прямоугольник 17×25 см⁷⁰. Следует полагать, что изначально деревянный образец на четырех ножках имел (под)

прямоугольную форму. Материалы этих погребений свидетельствуют о связи или тесных контактах их хозяев с дальними азиатскими регионами. Причем, появление этих образцов на столетия опережает появление отмеченных северокавказских образцов, устанавливая факт их давнего бытования в сармато-аланской среде. Но следует уточнить, что относить подносы-блюда только к материалам «савромато-сарматского круга племен» и считать их показателем присутствия сарматов⁷¹ нет оснований.

Что касается аланских трехногих столиков, с которыми непосредственно связаны осетинские образцы, то они принципиально отличались от подносов-блюд тем, что существовали только образцы с ножками, тогда как для подносов-блюд были близкие параллели обычных блюд. Эта неизменная черта аланских трехногих столиков диктовала такую сложность конструкции, как вытачивание из одного куска дерева столешницы и основания для крепления съемных ножек. Ножки вытачивались отдельно, т.к. их изготовление из одного куска дерева со столешницей было бы неоправданно трудоемко и непрактично. Вторая характеристика относилась бы и к способу хранения таких столиков в условиях кочевого хозяйства. Отличается и количество ножек столиков и подносов-блюд. Как показывают находки, столешницы аланских столиков были круглыми, тогда как у подносов-блюд – (под)прямоугольными. В целом сами характерные формы подносов-блюд и столиков-блюд резко отличны даже на визуальном уровне.

Функционирование трехногих столиков должно было быть обусловлено иной традицией употребления пищи, отличавшейся от традиции с подносами-блюдами, которые неразрывно связаны с обычными блюдами. Сама вертикальная направленность форм столиков-блюд наглядно отличала их от приземистых подносов-блюд с горизонтальной направленностью форм. Такая разнонаправленность форм могла отражать и разность посадки, непосредственно на земле или полу помещения для подносов-блюд и на стульях или иных предметах – для столиков-блюд. По мере же усиления оседания населения приоритет в использовании все более отдавался столикам-блюдам, которые могли использоваться для подачи не только мясных блюд, а также для блюд в иной посуде. Учитывая тесные связи аланов на западе, например, с греческими центрами Боспора и Северного Причерноморья, нельзя исключать дополнительного влияния греческой на аланскую традицию.

На территории Северной Осетии к находкам деревянных трехногих столиков, если не считать непроверенных до сих пор данных по Архонскому могильнику из раскопок Е.Г. Пчелиной, в настоящее время можно добавить находки из аланского катакомбного могильника VIII–X вв. у высокогорного селения Даргавс. Находка из погребения № 11993 г. представляла собой круглую столешницу толщиной 3,5 см и диаметром около 40 см с небольшим вертикальным бортиком по периметру. В утолщенном основании столешницы диаметром около 17 см были прорезаны по периметру три прямоугольных паза для крепления шпеньков ножек. Для их фиксации деревянными кольшками-штифтами были просверлены боковые отверстия. В центре основания отмечается еще один паз подквадратной формы, что прямо сопоставимо с упоминавшимся выше креплением-связкой на одном из образцов осетинского фынга. Длина сохранившегося фрагмента ножки – 19 см, в сечении – 4×2,5 см⁷².

В уже упоминавшемся погребении № 72 в 2008 г. был обнаружен другой столик аналогичной конструкции со следами токарного производства. К сожалению, состояние данного образца к моменту находки не позволило его полностью сохранить: и он фактически распался. Первоначальный визуальный осмотр позволил определить диаметр столешницы около 40 см. По периметру столешницы шел небольшой бортик. В пазах для крепления ножки также имелось сквозное отверстие для ее фиксации деревянным кольшком-штифтом. Интересно, что принцип фиксации ножки штифтом представлен, например, в бронзовом образце основания для ножки в одном из погребений Алтая⁷³.

В даргавском образце дополнительно фиксировалась пара отверстий на краю столешницы (видимо, для продевания веревочной или иной петли, на которой было легко подвесить столик). Подобные отверстия для продевания петли из проволоки или бронзового кольца фиксировались на деревянной посуде из Змейского могильника; в Мощевой Балке представлен образец с кожаной петлей. Видимо, для того же служили отверстия на ручках или в бортиках деревянных блюд, ручках ковшей и кружек из скифских и иных погребений⁷⁴. Кстати, одновременное обнаружение в даргавском погребении подноса-блюда и столика дополнительно свидетельствует о наличии между ними (по крайней мере, к тому времени) функциональной дифференциации у местного аланского общества.

Кроме того, хотя в погребении № 1 рядом со столиком находился опрокинутый кувшин, следует полагать, что непосредственно на столик, лежавший на дне камеры, никакая посуда или пища не выставлялись. В погребении № 72 столик располагался в том же месте, что и в погребении № 1. Но он был приподнят и прислонен к боковой стенке камеры, что изначально препятствует возможности расположения на нем чего-либо. Одновременно на деревянном подносе-блуде была выставлена деревянная миска с орехами. Видимо, следует полагать, что столики в даргавских погребениях не были связаны с посвящением какой-либо пищи, а были сами посвящены покойному или покойным и сопровождали.

В целом, обнаруженные в аланских погребениях трехногие столики позволяют определить их две основные конструкции, чему служит особенность соединения ножек со столешницей. Первая представлена, например, описанными даргавскими образцами. В них основание столешницы представляло собой круг меньшего по сравнению со столешницей диаметра. Ближе к краям такого круга имелись пазы для крепления ножек, которые просверливались от краев основания для дополнительной фиксации ножек деревянными кольшками-штифтами. Вторая конструкция представлена, например, образцами могильников Рим-гора, Хасаутский, Кольцо-Гора. В них под каждую ножку вытачивалось отдельное выступающее основание с внутренним пазом для крепления ножки.

Мы можем вполне обоснованно полагать, что осетинский фынг действительно является прямым наследником аланских столиков. Сам фынг имел особое значение, граничившее со святостью: его именем клялись и проклинали. Наряду с надочажной цепью он был наиболее сакрально значимым предметом в осетинском доме. Среди представлений об отношении к столу в целом и о его «реакции» на неуважительное отношение присутствуют и следующие: участникам застолья не позволялось одновременно покидать стол, в случае необходимости ведения хотя бы части застолья

при вставании его участников один из участников застолья обязательно оставался сидеть. Данное правило объясняется тем, что стол мог «обидеться» на такое отношение к нему и убежать. Святость стола все же не мешала один раз в год использовать его как своеобразное «средство передвижения». Так, в день святого Тутыра дети катались на опрокинутых столиках, чтобы очистить их от жира⁷⁵.

Кроме того, столик мог, как и у других кавказских народов, служить жертвенником, на котором закалывалось жертвенное животное, или сам выступать в качестве жертвы покойнику⁷⁶. Без точного указания функции упоминается о нахождении столиков в осетинских погребениях⁷⁷. Видимо, фиксируемое археологически помещение таких столиков в средневековых погребениях объясняется в том числе особой ролью погребенных, с которыми их родственники или соплеменники нуждались в продолжении «общения». Таким образом, столик выступал и в роли медиатора, обеспечивавшего общение между мирами, что может дать ответ на давно поставленные исследователями вопросы⁷⁸. В Дигории был зафиксирован и специальный ритуал со столиком, в ходе которого происходило своеобразное общение с «потусторонним миром» в целях предотвращения смерти младенца⁷⁹.

Как отмечалось ранее, некоторые исследователи сопоставляли, (хоть и явно ошибочно), осетинские фынги с деревянными подносами-блюдами. Те, в свою очередь, сравнивались с каменными алтариками ранних кочевников Южного Приуралья⁸⁰. Полагалось, что они копировали каменные жертвенники. Конечно, вряд ли они просто копировали каменные образцы. Мы не можем отказаться от допущения, что имеем дело с конвергентной выработкой близких форм, обусловленной функциональной необходимостью. Как уже указывалось, деревянные подносы-блюда достаточно близки обычным деревянным подносам. В условиях предлагавшихся сопоставлений логично, например, сближать последние, в том числе и конструктивно, с савроматскими каменными образцами. Но те не всегда сопоставимы даже с южноуральскими каменными жертвенниками на ножках. Полагается и их иное функциональное назначение⁸¹. Вместе с тем известны савроматские и иные каменные блюда-жертвенники на четырех ножках⁸².

С другой стороны, подобные сопоставления достаточно соблазнительны. Тот же трехногий осетинский фынг интересно сравнить с трехногими каменными алтарями с круглым блюдом из раннекочевнических погребений Южного Урала, нередко имевшими зооморфные украшения. Считалось даже, что они были заимствованы из Персии эпохи Сиалка. Как полагают исследователи, они отражали модель мира ираноязычных кочевников. Параллели южноуральским образцам можно обнаружить в сакских жертвенниках и котлах⁸³.

Обозначать подносы-блюда как сугобо ритуальные или как просто предметы хозяйственного инвентаря, бытовой обстановки⁸⁴ не представляется корректным. Видимо, следует признать справедливыми следующие наблюдения. Как отмечалось, единство конструкций «столиков-блюд» с алтарями и жертвенниками было неслучайным. Использование в быту деревянных блюд (с ножками и без ножек) не исключало их сакрального значения при помещении в погребения. «Блюдо-столик» с уложенной на него мясной пищей (обычно вместе с ножом) мог рассматриваться как жертвенник, обращенный к душе умершего сородича и божествам потустороннего мира⁸⁵.

Исследователи усматривали параллель осетинскому столику в изображении трехногого столика в «склепе Анфестерия» (I в. до н.э. – I в. н.э.) из Керчи. Вместе с тем справедливо отмечалось, что трехногие столики были известны еще в Минойском Крите и на Древнем Востоке, упоминаются они в «Илиаде» Гомера и в «Анабазисе» Ксенофонта, а также представлены в античной иконографии⁸⁶. Сопоставление с изображением из «склепа Анфестерия» продиктовано, в первую очередь, «варварской сценой» всего изображения, которая позволяла исследователям связывать ее с сармато-аланским миром. Однако необходимо указать, что изображение столика в склепе Анфестерия нанесено отдельно от «варварской сцены». Рядом со столиком изображен антропоморфный персонаж в греческом хитоне. Сама форма столика позволяет отнести его к собственно греческим образцам. Остается напомнить, что греческие круглые столики на трех ножках, изготовленные обычно из дерева (реже – мрамора или металла) получают широкое распространение с эпохи эллинизма⁸⁷.

Трехногие жертвенники и столики, действительно, многократно встречаются в античной иконографии. Нередко они представлены, например, в погребальных изображениях сцен с покойными из тех же греческих городов Северного Причерноморья. Как предполагают исследователи, подобные сцены загробной трапезы связаны с образом отца семейства, т.е. с первым в семье, ушедшим в иной мир. Следует напомнить, что и согласно осетинским представлениям, на том свете перед покойными стоят фынгы, на которых появляется посвященная им пища. Такая пища сама могла обозначаться как «фынг»⁸⁸.

Как уже отмечалось, осетинский фынг был потенциально готов к передвижению. Согласно же греческим легендам, трехногие самодвижущиеся столики изготовлял для богов Гефест. Жертвенный фынг интересно сравнить с дельфийским треножником, с которого прорицала пифия, имитирующая собственное жертвоприношение, а сам треножник выступал вариантом оси мира, проходящей через три сферы мироздания. Через него открывался доступ в мир мертвых⁸⁹. Остается отметить, что с осетинскими столиками сопоставляли и изображения четырехногих столиков в погребальных сценах на стенах аланской гробницы Кяфарского городища⁹⁰. Но нельзя исключать, что на гробнице изображены прямоугольные подносы-блюда на четырех ножках, учитывая (в том числе) отмечавшееся возможное изображение на таком предмете головы жертвенного животного.

Интересно, что жертвенного барана на осетинском столике располагали головой на север, а горлом на восток, т.е. в сторону благой, «верхней» половины скифской модели мира. Образ севера как верхнего мира и загробной обители представлен и в Нартском эпосе осетин. И сам столик был связан с образом мироздания⁹¹, с которым связаны и образы сосудов в представлениях индоиранского мира (вспомним и сопоставление осетинского столика с трехногими каменными алтарями с круглым блюдом из раннекочевнических погребений Южного Урала, в которых усматривают отражение модели мира ираноязычных кочевников). В осетинском эпосе таким сосудом является волшебная чаша нартов Уациамонгæ (Уацамонгæ)⁹². Отмечен интереснейший материал об использовании в прошлом осетинами-дигорцами обыкновенного фингæ для принесения клятвы, который в таком случае назывался Уациамонгæ. Видимо, эти све-

дения старался передать в одной из своих работ еще В.Ф. Миллер. В осетинском эпосе волшебным фынгом, на котором появляются яства и напитки, если повернуть его ножку, владеют нарты⁹³.

Было также вполне справедливо отмечено, что слово «фынг», кроме собственно понятия «стол», включает и такие понятия, как «угощение», «посуда», что было свойственно и семантике обозначений столиков у других северокавказских народов. Также давно отмечено, что древние столики были блюдами на ножках⁹⁴. Такое определение напрямую соотносится с самой структурой осетинского столика.

Проводились и параллели между священной нартской чашей и резными осетинскими пивными чашами, восходящими к сарматским и аланским образцам. Последние украшались зооморфными ручками и при использовании в ритуалах отождествлялись с сосудами для жертвенного напитка, и с самой жертвой⁹⁵. В свете затронутой темы особый интерес представляет находка в окрестностях сел. Карабудахкент в Дагестане, из разрушенного могильника деревянного «столика-подноса» на четырех ножках. Съёмные ножки крепились колышками-штифтами в особых пазах. Образец украшен двумя вертикальными зооморфными ручками, расположение которых, как и сами формы ручек, имеют параллели в образцах сарматской и аланской керамики. Таким образом, отмечается факт прямого воплощения взаимосвязанных понятий «стол» и «посуда».

Исследователи карабудахкентского «столика-подноса» вполне справедливо указали на известные археологические образцы предшествующего периода, представляющие определенные параллели обсуждаемой находке. Среди них отмечены и деревянные образцы⁹⁶. Так, из катакомбного погребения № 2 кургана № 3 у ст. Манас того же Карабудахкентского района Дагестана происходит круглое деревянное блюдо на четырех ножках и с небольшим вертикальным бортиком. Между двумя ножками помещалась петля со сквозным отверстием для подвешивания. Диаметр блюда – 24 см, глубина – 3 см, толщина – около 0,8 см, высота вместе с ножками – 5 см. Аналогичное блюдо, но большего размера было обнаружено в одном из курганов Триалети середины II тыс. до н.э. Деревянное блюдо на четырех ножках, но без петли для подвешивания, было обнаружено в склепе № 6 Ирганайского I могильника в Горном Дагестане. Две деревянные липовые чаши с плоским дном и на трех ножках были случайно обнаружены в погребении XI–XII вв. н.э. возле сел. Анчих Ахвахского района в Горном Дагестане. Ножки крепились в выпуклых пирамидальных гнездах колышками-штифтами. Полагают, что формы чаш сопоставимы с кубачинскими котлами, датируемыми XII–XIII вв. н.э.⁹⁷

Исследователи подробно проанализировали карабудахкентскую находку, в том числе с точки зрения отмеченных выше представлений. В этнографическом плане было обращено особое внимание на аварский столик-тлутI, который не представлен у других народов Дагестана. Вполне убедительным представляется заключение, что столик является заимствованием и отражает прошлое дагестано-аланское взаимодействие⁹⁸. Данное положение может быть подтверждено и другими частными наблюдениями. Например, иногда в центре осетинского столика наглухо прикреплялась медная чаша или эта чаша вытачивалась вместе со столиком из одного куска дерева⁹⁹, изначально объединяя образы столика и чаши. Подобный образец фиксируется и среди аварских столиков¹⁰⁰, тогда как, например,

на восточногрузинском столике «кубдиани табаки» делали посредине столешницы углубление для топленого масла¹⁰¹.

Примечания

1. Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство осетин: Альбом. М.: Наука, 1973. С. 101. Таб. 56; Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. С. 186, 249; Осетины Восточной Осетии и Грузии (Историко-этнографические очерки). Владикавказ: Ир, 2012. С. 20, 45, 87.

2. Дмитриев В.А. О проникновении в быт кавказских народов «высокого столика» (К вопросу о действии механизма заимствования) // Советская этнография. М., 1979. № 6. С. 96.

3. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, изданный при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. I. С. 83; Кулов Б.С. Основные занятия населения Северной Осетии в XIX и начале XX в. // ИСОННИ. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV. С. 309; Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1970. С. 145.

4. Калоев Б.А. Венгерские аланы (ясы): Историко-этнографический очерк. М.: Наука, 1996. С. 162, 256; Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. С. 35; Осетины... С. 284.

5. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М.: Типография М. Гацук, 1886. Т. 1. С. 84–85; Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1974. С. 313; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1984. С. 286. Рис. 40, 287; Очерки истории алан... С. 377–378; Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Типография издательства «Кавказская здравница», 1993. С. 156–159; Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1990. С. 123; Цуциев А.А. Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин: археолого-этнографические параллели // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы: Сборник научных статей (Материалы республиканской научно-практической конференции). Владикавказ, 2009. С. 199–202; Романова Г.Б. Нартский эпос и история осетинского народа. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. С. 83–85.

6. Кузнецов В.А. Очерки истории алан... 1992. С. 377–378; Алано-осетинские... С. 156–159; Цуциев А.А. Погребальная обрядность... С. 199–202.

7. Романова Г.Б. Нартский эпос... С. 85.

8. Рунич А.П. Катакомбы Рим-горы // Советская археология. М., 1970. № 2. С. 202, 203. Рис. 6, 1; Рунич А.П. Скальные захоронения в окрестностях г. Кисловодска // Советская археология. М., 1971. № 2. С. 171. Рис. 4, 7. 174, 177; Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 77, 88. Рис. 3, 1; Каминская И.В. Исследование скального могильника Гамовская Балка на Урупе // I Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1989. С. 141.

9. Ковалевский М.М. Современный обычай... С. 85; Иванюков И.И., Ковалевский М.М. У подошвы Эльборуса: Очерк I // Вестник Европы: Журнал истории-политики-литературы. СПб., 1886. Т. 117. Кн. 1. Январь. С. 103; Императорский Российский Исторический музей: Указатель памятников. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1893. С. 390; Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971. С. 102.

10. Крупнов Е.И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов (По материалам Северокавказской экспедиции Государственного исторического музея 1935 г.) // Вестник древней истории. М., 1938. № 2 (3). С. 115.

11. Erdélyi I. Az avarság és Kelet a régészeti források tükrében. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. О. 57, 35. mell.; Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи

раннего Средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 242. Рис. 30, 1–2.

12. Каминский В.Н., Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 // Советская археология. М., 1988. № 4. С. 277.

13. Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (По материалам могильника Мощева Балка) // Советская этнография. М., 1983. № 1. С. 112.

14. Иерусалимская А.А. Мощева Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. С. 338–339.

15. Николаенко А.Г. Охранные раскопки в лесостепном Поосколье // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 64; Флеров В.С., Косяненко В.М. Салтовомаяцкие деревянные сосуды с Нижнего Подонья // Советская археология. М., 1980. № 4. С. 272, 274; Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 72, 160. Рис. 46, 43.

16. Каминский В.Н. Деревянные ковши из могильников VIII–IX вв. Северо-Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 161.

17. Цуциев А.А. Находка двух столиков-блюд из Даргавского катакомбного могильника // Материалы VIII археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2002. С. 74, 77. Рис. 1; Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки. М.: ГМИИВ, 2005. С. 59. № 132; Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ирз, 2014. С. 27, 111. Таб. LXII, 1–2.

18. Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности ... С. 204. Таб. CLXIV, 37.

19. Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. Рис. 48, 1.

20. Мизиев И.М. Ответ В.Н. Каминскому // Российская археология. М., 1991. № 2. С. 292.

21. Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (По материалам катакомбных погребений II в. до н.э. – III в. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1990. С. 10; Он же. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. С. 139–140; Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 7. С. 107; Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2007. С. 82.

22. Дзаттиаты Р.Г. Снаряжение коня и всадника (По материалам Даргавского катакомбного могильника). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 77; Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье... Рис. 48, 1; Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности... С. 27; Цуциев А.А. Находка двух столиков-блюд... С. 74.

23. Там же. С. 75.

24. Там же. С. 74–75.

25. Ковалевский М.М. Поклонение предкам у кавказских народов // Вестник всемирной истории: Ежемесячный журнал новой литературы и исторической науки. СПб., 1902. Март. № 3. С. 9; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. Цхинвали: Издательство «Ирыстон», 1981. Кн. 1. С. 274; Ковалевский М.М. Современный обычай... С. 84–85.

26. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Владикавказ: Издательство «Ир», 2011. С. 114–115.

27. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 41; Он же. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 131–132; Он же. Ответ В.Н. Каминскому... С. 292; Иерусалимская А.А. Мощева Балка... С. 339.

28. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 32; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. С. 68.

29. Гочияева С.А., Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989. С. 622; Clouston G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Oxford University Press, 1972. P. 445–446; Абаев В.И. Историко-

этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. Т. III. С. 287.

30. *Студенецкая Е.Н.* Кабардинцы и черкесы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 157, 162, 166; *Она же.* Поселения и жилища // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 148, 150; *Она же.* Пища и утварь // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 185; *Аутлев М.Г.* Адыгейцы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 206; *Такоева Н.Ф.* Балкарцы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 358; *Он же.* Ингуши // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 378; *Он же.* Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1995. С. 94, 127, 128. Рис. 22; *Он же.* Осетины... С. 267; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (Вторая половина XIX – 60-е годы XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1971. С. 38, 164, 374, 375. Рис. 53; *Уарзиати В.С.* Культура осетин... С. 83, 122–123; *Гаджиев М.С., Давудов Ш.О.* Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента // Исследования первобытной археологии Евразии: Сборник статей к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирханова. М., 2010. С. 354–355; *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского крестьянства: Историко-этнографический очерк. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. С. 103; *Он же.* Культура и быт осетинского народа... С. 115, 117, 181, 206–207, 379; *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965. С. 313; *Дмитриев В.А.* О проникновении в быт... С. 96.

31. *Пчелина Е.Г.* Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 27; *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище... С. 144; *Уарзиаты В.С.* Праздничный мир осетин. Владикавказ: Московская типография № 5 Комитета по печати РФ, 1995. С. 108; *Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С.* Жизнь осетинской семьи: Этнологический аспект. Владикавказ: Газетно-журнальная типография, 1993. С. 152–153; *Студенецкая Е.Н.* Карачаевцы... С. 254; *Она же.* Поселения и жилища... С. 148.

32. *Она же.* Современное кабардинское жилище // Советская этнография. М., 1948. № 4. С. 120; *Гаибов Д.-М.С.* Эволюция лакского жилища (XVIII–XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4. С. 222; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура... С. 164; *Гаджиев М.С., Давудов Ш.О.* Резной деревянный столик... С. 354.

33. *Студенецкая Е.Н.* Пища и утварь... С. 185; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура... С. 375. Рис. 53.

34. *Калоев Б.А.* Материальная культура... С. 101. Таб. 56.

35. *Кудаев М.Ч.* Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Книга, 2012. С. 180.

36. *Бубенок О.Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. С. 165–167; *Бубенок О.Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина, 2004. С. 279–280; *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI). М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 421–422.

37. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 40–42; *Бернштам А.Н.* Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. М.;Л., 1949. Т. XI. С. 360.

38. *Он же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 109, 116; *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 33; *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. С. 107–108; *Цуциев А.А.* Находка двух столиков-блюдов... С. 74.

39. *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1940. Вып. II. С. 19. Таб. XVIII, XIX; *Бернштам А.Н.* Основные этапы... Таб. 109; *Сорокин С.С.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной куль-

туры // Советская археология. М., 1956. Т. XXVI. С. 100, 102, 111; *Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П.* Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1960. Вып. VIII. С. 196. Таб. II. Рис. 13; *Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика (Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1959–1960. Т. II). М.;Л., 1966. С. 287. Таб. X, 10–17; *Латынин Б.А., Оболдуева Т.Г.* Исфаринские курганы (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1959. Вып. 76. С. 18, 21. Рис. 7, 1, 22. Рис. 8, 5, 23; *Могильников В.А., Суразаков А.С.* Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. М., 1980. № 2. С. 182. Рис. 2. V, 2, 186, 187. Рис. 6, 2, 191; *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. С. 215. Таб. XIV, 5, 233. Таб. XXXII, 8, 241. Таб. XL, 3; *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников... С. 88. Рис. 48, 1–3, 97, 107. Рис. 58, 1–3; *Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 82, 84, 86, 379. Таб. 29, 65, 381. Таб. 31, 34; *Он же.* Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 90, 91, 380. Таб. 30, 33, 384. Таб. 34, 39; *Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 204, 433. Таб. 83, 58; *Боталов С.Г.* Гунны и тюрки... С. 66, 89; *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 113, 204, 297. Рис. 102, 11; *Матбабаев Б.Х.* Могильник Мунчактепе в Северной Фергане (Узбекистан) // Российская археология. М., 1999. № 3. С. 132. Рис. 5, 12; *Он же.* К изучению памятников эпохи бронзы и раннего железа Синцзяна // Культура номадов Центральной Азии: материалы Международной конференции, Самарканд 22–24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008. С. 137–138; *Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г.* Гл. 5. Фергана // Средняя Азия в раннем Средневековье. М., 1999. С. 110, 304. Таб. 60, 12; *Полосьмак Н.В.* «Стерегищие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. С. 22, 25, 28. Рис. 18; *Полосьмак Н.В.* Погребение знатной пазырыкской женщины // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье: Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937–1997. М., 1997. С. 1036. Рис. 2, IV–V, 1039. Рис. 4, 1040, 1041; *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: Издательство «ИНФОЛИО-пресс», 2001. С. 186–187, 190. Рис. 127, 191, 194. Рис. 129; *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. С. 17; *Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В.* Археологические памятники плоскогорья Укока (Горный Алтай) // Материалы по археологии Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 143. Рис. 227; *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000. С. 114; *Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К.* Археология Казахстана: Учебное пособие для студентов вузов. Алматы: Қазақ университеті, 2006. С. 158, 160, 214–215; *Токказиева Ж.К.* Сравнительный анализ катакомбных погребений бассейнов рек Талас и Арысь // Культура номадов Центральной Азии: материалы Международной конференции, Самарканд 22–24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008. С. 195.

40. *Руденко С.И.* Второй Пазырыкский курган: Результаты работы экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1948. С. 20–21. Таб. VIII, IX; *Он же.* Культура Алтая времен сооружения Пазырыкских курганов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.;Л., 1949. Вып. XXVI. С. 99, 102. Рис. 40а, 104; *Он же.* Предварительные сообщения о раскопках в Улагане 1947 г. // Советская археология. М., 1949. Т. XI. С. 264, 269; *Он же.* Раскопки Пазырыкской группы кур-

ганов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.;Л., 1950. Вып. XXXII. С. 19, 20, 24; *Он же*. Пятый Пазырыкский курган // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.;Л., 1951. Вып. XXXVII. С. 109; *Он же*. Горноалтайские находки... С. 41. Рис. 10; *Он же*. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 82–85. Таб. XIX, XX; *Он же*. Культура хуннов... С. 31–33; *Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1950. С. 22, 23, 47. Таб. IV, 7; *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1952. № 26. С. 313. Рис. 138, 3.

41. *Руденко С.И.* О датировке горноалтайских курганов // Вопросы истории. М., 1955. № 11. Ноябрь. С. 121; *Он же*. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок // Советская археология. М., 1957. Т. XXVII. С. 302.

42. *Баркова Л.Л.* Туэктинские курганы. VI–V века до н.э. // Древняя Сибирь. Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII век до н.э. – XIII век н.э. Л., 1976. 20.

43. *Руденко С.И.* Раскопки Пазырыкской группы... С. 24.

44. *Он же*. Второй Пазырыкский курган... С. 21; *Он же*. К древней истории Горного Алтая (Горноалтайская экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР 1949 года) // Вопросы истории. М., 1950. № 2. Февраль. С. 157; *Евтохова Л.А., Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. ИИМК АН СССР. М.;Л., 1953. 402 с. Рис. 197 в тексте; 120 таб.-рис. // Вопросы истории. М., 1954. № 6. Июнь. С. 147; *Смирнов К.Ф., Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. Академия наук СССР. Серия «Итоги и проблемы современной науки». М.;Л., Издательство Академии наук СССР, 1952. 266 с. // Вопросы истории. М., 1953. № 2. С. 120.

45. *Полосьмак Н.В.* Всадники... С. 191; *Цуциев А.А.* Находка двух столиков-блюдов... С. 75.

46. *Яблонский Л.Т.* Сарматы Южного Приуралья // Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008. С. 27. Рис. 7; *Березин Я.Б., Ростунов Е.В.* Сарматские захоронения Кобийского могильника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2011. Вып. 12. С. 61, 68, 85. Рис. 2.

47. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. С. 138, 340. Рис. 46, 1о; *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 167, 374. Таб. 69, 25; *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1997. С. 194. Рис. 63, 1; *Огороков К.С.* Роговые блюда в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Приуралья // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (Материалы и исследования по археологии России. № 13). М., 2010. С. 280–284; *Гуцалов С.Ю., Смаилов Ж.Е., Трейстер М.Ю.* Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Кырык-Оба II // Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 5 (Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)). Т. 2. /Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland (5.–3.Jh.v.Chr). Bd. 2. М., 2012. Рис. 18, 3; *Федоров В.К.* «Трубочки-вилочки» из погребений ранних кочевников Южного Урала // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14). Уфа, 2014. С. 248; *Мамедов А.М.* Подбойные могилы ранних кочевников Южного Приуралья конца VI–V вв. до н.э. // Всадники Великой степи: традиции и новации (Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV). Астана, 2014. С. 170. Рис. 5, 5; *Петренко В.Г., Маслов В.Е.* Роговые блюда могильника Новозаведенное-II // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 250–259.

48. *Вязьмитіна М.І., Ілліньська В.А., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні

пам'ятки УРСР. Т. VIII. Разкопки курганів на р. Молочній в 1951–1952 роках. Київ, 1960. С. 65. Рис. 49, 66; *Смирнов К.Ф.* Савроматы... С. 137, 138, 297. Рис. 5, 2; *Бессонова С.С.* Погребение IV в. до н.э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев, 1973. С. 248. Рис. 4, 1, 249. Рис. 5, 1–3; *Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973. С. 121. Рис. 8; *Мозолевский Б.Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 197, 198. Рис. 12, 4; *Бунятян Е.П.* Погребальный обряд рядовых скифов южной Херсонщины (по материалам Краснознаменной экспедиции) // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 137, 141; *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д., 1983. С. 35, 42, 48; *Рябова В.О.* Дерев'яні чаші з обивками з курганів скіфського часу // Археологія. Київ, 1984. Вип. 46. С. 31; *Гаврилюк Н.А.* Пища степных скифов // Советская археология. М., 1987. № 1. С. 25, 26. Рис. 3, 1-2; *Гаврилюк Н.А., Болтрик Ю.В.* Скіфське поховання у довгому кургані біля с. Високе у Приазов'ї // Археологія. Київ, 1990. № 1. С. 76. Рис. 2, 5, 78–79; *Мелюкова А.И.* Деревянная и металлическая посуда // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 110, 351. Таб. 46, 10, 17; *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. С. 61, 70, 73, 112–113, 116, 157, 161, 173; *Савченко Е.И.* Погребальный обряд населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. (по материалам могильника «Терновое-Колпино») // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова. М., 1999. С. 133, 134; *Гребенников Ю.С.* Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев, 2008. С. 102, 103, 177. Рис. 45, 3; *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // *Stratum plus*. 2010. № 3. С. 316; *Акишев К.А.* Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Издательство «Искусство», 1978. С. 116–117. Рис. 36, 37; *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1984. С. 4, 93, 95. Таб. IX, 8, 9; *Вадецкая Э.Б.* Тагарские погребальные лежа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 169; *Воеводский М.В., Грязнов М.П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории усуней // Вестник древней истории. М., 1938. № 3 (4). С. 167. Рис. 15, 176; *Полосьмак Н.В.* Погребение знатной пазырыкской женщины... С. 1035; *Пшеничнюк А.Х.* Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 76; *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. С. 17, 18, 22, 23, 25, 26, 27, 36; *Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. С. 246. Рис. 51, 5; *Мамедов А.М.* Погребения III–II вв. до н.э. на р. Тамды // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы и исследования по археологии Юга России. Сборник статей. Ростов н/Д., 2011. Вып. III. С. 276. Рис. 2, II, 6; *Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.* А13. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 5 (Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 2. /Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland (5.–3. Jh. v. Chr). Bd. 2. М., 2012. С. 113.

49. *Мелюкова А.И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) // Советская археология. М., 1962. № 1. С. 195, 196. Рис. 1, 9, 204; *Максименко В.Е.* Савроматы... С. 124; *Кривошеев М.В.* Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14). Уфа, 2014. С. 108; *Скрипкин А.С.* Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // Советская археология. М., 1989. № 4. С. 173. Рис. 1, 1, 174.

Рис. 3, 176; Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: Издательство СГУ, 2005. С. 282; Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. I. Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014. С. 429.

50. Ковальова И.Ф., Волкобой С.С. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. Київ, 1976. Вип. 20. С. 15. Рис. 9; Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы: Периодизация и хронология памятников. Киев, 1976. С. 82. Рис. 41; Шапошникова О.Г., Фоменко В.П., Балушкин А.М. Курганная группа близ с. Старогорожена // Древности Поингуля. Киев, 1977. С. 108; Моруженко А.А., Привалов А.И., Андриенко В.П., Шаповалов Т.А., Носиков В.А., Лыфарь Т.П., Привалова О.Я., Шенко Л.Г., Потемкина Т.М., Гриб В.А. Исследования на юге Донецкой области // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 375; Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А. Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Т. II. С. 32; Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. С. 47; Максименко В.Е. Савроматы... С. 93, 121; Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века // Советская археология. М., 1985. № 2. С. 166, 167. Рис. 1, 3, 169; Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2012. Вып. 12. С. 56.

51. Кисель В.А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Радровский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 61–62.

52. Смирнов К.Ф. Савроматская ... С. 107; Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. М., 1982. № 2. С. 113–114, 115. Рис. 2, 1, 122, 132, 133; Могильников В.А. Население Верхнего Приобья... С. 27, 28, 93–94, 140. Рис. 12, 1, 2, 194. Рис. 63, 2; Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе... С. 90; Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 96, 103, 106; Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура... С. 57, 58, 59, 63.

53. Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья... С. 84, 86; Он же. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе... С. 91.

54. Литвинский Б.А. Бытовой инвентарь // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995. С. 159; Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура... С. 62.

55. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1940. Вып. II. С. 18–19; Матбабаев Б.Х. К изучению памятников ... С. 138.

56. Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе... С. 90.

57. Он же. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе... С. 380. Таб. 30, 34, 386. Таб. 36, 46; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период... С. 433. Таб. 83, 19; Левина Л.М. Этнокультурная история... С. 297. Рис. 102, 12, 13.

58. Руденко С.И. Горноалтайские находки... С. 40–42; Он же. Культура хуннов... С. 32–33. Рис. 24. Таб. VI, 2–4.

59. Trever C. Excavations in Northern Mongolia // Memoirs of the Academy of History of Material Culture. Leningrad, 1932. Vol. II. P. 46. pl. 27; Киселев С.В. Советская археология Сибири периода металла // Вестник древней истории. М., 1938. № 1 (2). С. 239; Он же. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 году // Вестник древней истории. М., 1939. № 1 (6). С. 255; Баринаева Е.Б. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольский период. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 110, 157, 178–179, 208, 383, 389, 403, 404.

60. Евтюхова Л.А., Руденко С.И. Культура населения... С. 147.

61. Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su, and Irān. Oxford, 1928. Vol. I. Text. P. 246; Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su, and Irān. Oxford, 1928. Vol. III. Plates and Plans. P. I. XXVII, L.H.02, L.C.x.015; Литвинский Б.А. Бытовой инвентарь... С. 156. Таб. 14, 4, 8.

62. Stein A. Innermost Asia... Vol. III. Pl. XXVII, L.H.02; Литвинский Б.А. Бытовой инвентарь... С. 156. Рис. 14, 4, 7, 156–157.

63. Stein A. Innermost Asia... Vol. III. Pl. XXVIII, L.H.013; Литвинский Б.А. Бытовой инвентарь... С. 158. Таб. 15, 6.
64. Stein A. Innermost Asia... Vol. III. Pl. XXVII, L.H.02; Литвинский Б.А. Бытовой инвентарь... С. 156. Таб. 14, 2, 8, 157, 159.
65. Калоев Б.А. Материальная культура... С. 101. Таб. 56, 2, 3; Мамбетов Г.Х. Материальная культура... С. 375. Рис. 53; Студенецкая Е.Н. Пища и утварь... С. 185.
66. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. Кн. 1. С. 121.
67. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2007. Т. 3. С. 492; Дзиццойты Ю.А. Нартовский эпос и Аммираниани. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение, 2003. С. 198.
68. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. I. С. 56; Он же. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I. С. 497–498.
69. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Важнейшие этногенетические аспекты. Нальчик: Нарт, 1991. С. 144.
70. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. С. 124, 159, 350. Рис. 77, 415. Рис. 141, 6; Скрипкин А.С., Шинкарь О.А. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // Советская археология. М., 2010. № 1. С. 133, 135.
71. Подушкин А.Н. Арысская культура... С. 132, 151.
72. Дзаттиаты Р.Г. Снаряжение коня... С. 56, 78, 95. Табл. XI, 1–2; Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности... С. 66. Таб. XI.
73. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура... С. 62–63, 200. Рис. 5, 201. Рис. 6.
74. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской б. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. (Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. I). Орджоникидзе, 1961. С. 70; Он же. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 38; Каминский В.Н. Деревянные ковши из могильников VIII–IX вв. Северо-Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 158, 159, 162. Рис. 1, 3; Иерусалимская А.А. Мощева Балка... С. 337; ил. 210б, 338; Мелюкова А.И. Деревянная и металлическая посуда // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 110; Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура... С. 62.
75. Uarziati V. Hagymányos asztalka «fyng» az alan-oszet mitologiaban // A Jasz-kunsag Kutatása. Szolnok, 1988. Ol. 106–109; Уарзиаты В.С. Праздничный мир... С. 111; Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С. Жизнь осетинской... С. 84–85.
76. Студенецкая Е.Н. Современное кабардинское жилище... С. 120; Дмитриев В.А. О проникновении... С. 97; Уарзиати В.С. О столике «фынг» и ритуальной пище осетин // Литературная Осетия. Орджоникидзе, 1990. № 74. С. 170; Уарзиаты В.С. Праздничный мир... С. 108–114; Кузнецов В.А. Алано-осетинские... С. 156.
77. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 294.
78. Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (По материалам могильника Мощева Балка) // Советская этнография. М., 1983. № 1. С. 112; Охонько Н.А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) // Советская археология. М., 1983. № 2. С. 89.
79. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин: Этносоциологическое исследование. Владикавказ: Газетно-журнальная типография, 1994. С. 30.
80. Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 162–170; Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // Советская археология. М., 1977. № 3. С. 204–212; Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 25–43; Мошкова М.Г. Еще раз о «каменных жертвенниках» и савроматской археологической культуре // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы

палеоэкологии, антропологии и археологии). Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Бориса Николаевича Гракова. М., 1999. С. 96–101; Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 49–69; Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 21–49.

81. Брашинский И.Б. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. М., 1973. Вып. 133. С. 51. Рис. 20, 4, 56; Коренько В.А. Погребение савроматского времени на Восточном Маныче // Советская археология. М., 1982. № 2. С. 224. Рис. 1, 4, 225. Рис. 2, 226, 227–228.

82. Смирнов К.Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М., 1962. Вып. 89. С. 84, 86. Рис. 32, 1; Он же. Савроматы... С. 162–164, 366. Рис. 74.

83. Он же. Савроматы... С. 168; Банников А.Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретации изображений на алтарях ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. С. 167; Бернштам А.Н. Основные этапы... С. 351. Рис. 6, 352. Рис. 7; Мартынов Г.С. Иссыкская находка // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1955. Вып. 59. С. 151. Рис. 63.

84. Подушкин А.Н. Арысская культура... С. 114, 151; Очир-Горяева М. О порядке расположения людей, инвентаря и коней в пазырыкских курганах // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 441; Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. С. 51.

85. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура... С. 63.

86. Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. М., 1995. № 3. С. 191; Дмитриев В.А. О проникновении... С. 96; Уарзиати В.С. Культурно-исторический анализ осетинского столика «фынг» // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2005. Vol. III. № 1–2. С. 112, 113.

87. Цветаева Г.А. Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 227, 320. Таб. СХХIX, 29.

88. Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками. Приложение: христианская катакомба, открытая в 1895 году // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. № 19. С. 8. Рис. 6, 44–51. Табл. VI, XI; Савостина Е.А. Опыт сравнительного анализа погребальных памятников: боспорские склепы и надгробия // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М., 1987. Вып. 191. С. 13–19; Памятники народного творчества осетин. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. Владикавказ: Ир, 1992. С. 151, 308, 418.

89. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2001. С. 256–257.

90. Охонько Н.А. Изображения... С. 89; Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в.: Сборник (Серия «Музейные раритеты»). Кн. 1). Ставрополь, 1994. С. 24, 25.

91. Туганов М. Литературное наследие. Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1977. С. 64; Цховребов З.Л. Космология осетинского нартовского эпоса: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 16; Уарзиати В.С. Праздничный мир... С. 112–114.

92. Туаллагов А.А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. С. 20–21.

93. Уарзиати В.С. Культурно-исторический... С. 114–115; Гардант М.О. Сказки, детские и девичьи песни. 1949 // Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 51. Д. 164–1. Т. 1. С. 62–63; И.Т. Собиева, К.С. Гарданова и С.А. Туккаева. Дигорские

сказания по записям дигорцев / Перев. и примеч. Всев. Миллера // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков. М., 1902. Вып. XI. С. 142; Чибиров Л.А. Традиционная... С. 31.

94. Уарзиаты В.С. Праздничный мир... С. 109; Уарзиаты В.С. Культурно-исторический... С. 111; Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной... С. 355; Руденко С.И. Второй Пазырыкский... С. 21; Он же. Культура населения... С. 85; Он же. О датировке... С. 121.

95. Nagler A. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkukasien // Archäologie in Eurasien. GmbH, 1996. Bd. 3. S. 66; Уарзиаты В.С. Избранные... С. 127–133.

96. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной... С. 353–354.

97. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // Советская археология. М., 1956. Т. XXVI. С. 178, 182, рис. 9, 1–2, 198; Пятых Г.Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // Советская археология. М., 1984. № 2. С. 149. Рис. 3, 1; Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной... С. 354, 363. Рис. 2, 1; Агларов М.А. Две деревянные чаши из Анчиха // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1973. Т. III. С. 60–61.

98. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной... С. 352–364.

99. Собиев И.Т. Посвящение коня (Бæхфæлдесун). 1897 // Научный архив СОИГСИ. Ф. 19 (лит.). Оп. I. Д. 151. С. 115; Туаллагов А.А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. С. 12.

100. Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной... С. 355, 364. Рис. 3, 12.

101. Дмитриев В.А. О проникновении... С. 96.

A.A. TUALLAGOV

CONCERNING SOME ARCHEOLOGICAL-ETHNOGRAPHIC PARALLELS

The article is devoted to the analysis of the genesis of the traditional table of the Ossetians on the basis of archaeological materials.

Keywords: archaeological data, ethnography, Alans, Ossetians, North Caucasus.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

**МОГИЛЬНИК XIV–XV вв. У СЕЛЕНИЯ ЗАЮКОВО
В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ БАКСАН**
(по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК)

В 1933-м и 1934 г. в зоне строительства Баксанской гидроэлектростанции проводились археологические разведки и раскопки Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (Государственной академии истории материальной культуры) под руководством Б.Е. Дегена и А.А. Иессена. В районе селения Заюково был частично раскопан позднесредневековый бескурганый могильник. Этнокультурно и хронологически наиболее близким Заюковскому I могильнику является могильник Сухая Балка на окраине Владикавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, река Баксан, селение Заюково, Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК, могильник XIV–XV вв.

В 1933-м и 1934 гг. в зоне строительства Баксан ГЭС проводились археологические разведки и раскопки Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (Государственной академии истории материальной культуры) по руководством Б.Е. Дегена¹ и А.А. Иессена². При сооружении деривационного канала в районе сел. Зеюково (современное название – Заюково) был значительно поврежден могильник XIV–XV вв. Ввиду этого позднесредневековое кладбище было частично раскопано и получило название Зеюково № 1³. Поскольку материал о памятнике был опубликован давно и, к сожалению, в малодоступных для современного исследователя изданиях, в данной статье привожу краткие отчеты о раскопках Б.Е. Дегена и А.А. Иессена⁴. Интерпретационная часть публикации в основном устарела и мною переработана с учетом новых материалов.

Могильник № 1 у сел. Заюково. Местонахождение могильника представляет легкую впадину пологого ската четвертой террасы левого берега р. Баксан. Наружных признаков кладбища нет никаких. Что же касается отдельных могил, то некоторые из них имеют на поверхности один или несколько булыжных камней, реже – целую каменную выкладку более или менее круглой формы, всегда в один ряд; в настоящее время каменные отметки почти затянута дерновым слоем. Грунт могильника – лессовидный легкий суглинок, хорошо дренажированный. Большая часть могильника, видимо, уничтожена трассой канала; протяженность остальной, меньшей части, насколько можно судить по наружному осмотру, – около 40–50 м вдоль по каналу и не более 15–20 м вглубь от него. В целях разведки раскопано всего шесть погребений (рис. 1).

Погребение 1. Костяк принадлежал молодому мужчине, судя по глубине глазниц (лобковый свод разрушен). Положение – вытянутое на спине, головой на З с уклоном к Ю, руки вытянуты вдоль тела, череп по-

вернут влево, раздавлен; нижние конечности отрублены экскаватором поперек бедренных костей при проходке канала. В плечевой левой кости у локтевого сустава – отверстие с зарубцевавшимися краями. Яма грунтовая, глубину и форму ее определить не представлялось возможным, так как она находилась в самом откосе канала. В могильной земле при костяке – примесь толченого или перетертого давлением древесного угля. Находки: а) среди фаланг правой руки – медный перстень гладкий с белым камнем (стеклом), в оправе (рис. 1, 1); б) под той же рукой – мельчайшие остатки истлевшей ткани; в) в 8 см от правого локтевого сустава – два щитка ганоидной рыбы и следы других истлевших щитков.

Погребение 2. Детское (возраст около 5 лет). Над грунтовой могилой группа из восьми камней без определенного порядка. Форма ямы расширяющаяся книзу, более узкое отверстие завалено камнями (дно ямы вдвое шире отверстия); глубина – 88 см от поверхности, от древнего же горизонта не глубже 70 см. Положение костяка – вытянутое на спине, головой на З с легким уклоном к Ю. Инвентарь отсутствует.

Погребение 3. Детское (возраст около 8 лет). Могила грунтовая, расположена под откосом канала, так что поверхность ее не сохранилась; глубина – 86 см от современной поверхности. Форма ямы – расширяющаяся, с подбоем вправо от захоронения. Положение – вытянутое на спине, головой на З с легким уклоном к С. Находки: а) между правым предплечьем и ребрами – цилиндрический футляр для молитв (рис. 1, 2) из посеребренной меди (покрыт зеленой окисью), в сечении восьмигранный, с резным узором через грань; концы закрыты полусферическими крышечками, одна из которых открывается; вдоль по длине припаяны три ушка для подвешивания; на одном из концов, у локтевого сгиба, сохранились остатки чехла из холста и кожи; б) у внутренней стороны футляра – две круглые бусины из белого стекла (рис. 1, 3–4); возможно, были пришиты к чехлу футляра.

Погребение 4. Детское (возраст около 3–4 лет). Могила простая грунтовая, отмеченная сверху группой из трех камней (над древним горизонтом), книзу расширяется подбоем справа. Положение костяка – вытянутое на спине, головой почти точно к З, уровень головы на 3 см выше ног. Находки: а) две бусины белого из прозрачного стекла (слегка ирризированы), около 1 см в диаметре, с концентрическими бороздками кругом (рис. 1, 5–6); б) две бусины граненные, из белого алебастра, несколько меньшего размера (рис. 1, 7–8); в) две бисеринки – одна из зеленого прозрачного стекла, около 2 мм в диаметре, другая белая, около 3 мм, по-видимому, из пасты. Пять из этих бус были найдены в области таза, а шестая – возле колен.

Погребение 5. Взрослого мужчины. Поверхность могилы отмечена почти сплошной закладкой из более или менее плоских камней, образующих неправильный овал над поверхностью почвы; профили закладки обрисовывают едва заметную в настоящее время всхолмленность; камни закладки пересыпаны известковой хрящеватой щебенкой, спускающейся в яму на глубину 19 см, камни также частично понижаются в яму; этот верхний слой погребения чрезвычайно плотен и с трудом поддавался киркованию; ниже – слой сильно песчанистого суглинка, рассыпчатого, который перемешивается в яме с очень плотным черноземом; последний горизонтальный рядок камней заметен на глубине 76 см от поверхности. Яма грунтовая, 95 см от поверхности, с подбоем в южную сторону, где лежит костяк. Положение костяка – вытянутое на спине, с вытянутыми по швам

руками, головой на З, в идеально правильной позе, за исключением черепа, отвалившегося на правую щеку; рост – 163 см, уровень головы на 3,5 см выше ног. Исключительная правильность положения и неравномерная плотность могильной земли заставляет предполагать применение какого-либо гроба. Инвентарь отсутствует.

Погребение 6. Старой женщины (в нижней челюсти, кроме передних, сохранились только две лунки; остальные зарубцевались при выпадении зубов в еще не старом возрасте). Яма грунтовая, той же конструкции, что и предыдущие, с подбоем к Ю, глубиной 135 см. На 20 см ниже современной поверхности, по-видимому, на древнем горизонте – небольшие камни без какого-либо порядка или связи. Грунт ямы смешанный, рыхлый, с прекрасным дренажем. Сверху и под костяком заметны следы истлевшего дерева, в одном месте сохранились куски вертикальной дубовой доски; свободное пространство в ногах (к В) также заполнено остатками истлевшего дерева, как бы от вертикально стоявшего столба. Труположение отличается от всех предыдущих: так же в подбое головой на З (с уклоном к Ю), но на правом боку, следовательно, лицом к южной стенке подбоя, со слегка пригнутыми членами в тазу и в коленях; левая рука не вытянута, а согнута вперед. Инвентарь отсутствует.

Раскопки 1934 г. В 1934 г. могильник Заюково № 1 продолжал разрушаться строителями (на этот раз песчано-глиняным карьером Баксанстроя). И раскопки на этом памятнике были продолжены А.А. Иессеном. Автор раскопок конкретизировал место расположения могильника – против центральной части Заюкова. Могильник № 30 (по списку 1933 г. – № 12) расположен в 25 м к востоку от известкового завода Баксанстроя, к северу от 16 пикета деривационного канала, в восточной ветви балки. В 1934 г. здесь было вскрыто 10 погребений в северо-восточной части могильника и доследовано 2 в западной выемке карьера. Погребения залегали на глубине 1–2,25 м. В 9 погребениях были обнаружены остатки деревянных колод (3) и досчатых гробов (6). Погребенные были положены в вытянутом положении, на спине, головой на З с отклонениями к Ю или С. Над двумя погребениями прослежены остатки каменной кольцевой выкладки, а в головах одного погребенного, несколько выше и за пределами гроба, встречены остатки деревянного столба, быть может, креста. В этом погребении найдены при костяке 2 золоченые бронзовые полые пуговицы с бубенцами, в другом – 2 больших гладких бронзовых кольца, лежавших у плеч, и наконец, в третьем – 3 маленьких бронзовых подвески или пуговицы. Возможно, к одному из погребений относилась найденная несколько выше его глиняная кружка. Из всех 12 погребений только одно, совершенно разрушенное, может быть предположительно отнесено к более ранней эпохе, чем все остальные.

Б.Е. Деген относил могильник Заюково I к XIII–XV вв. и связывал с адыгским (адыгейским. – по Б.Е. Дегену) этносом, так же как и другие местные погребальные памятники: «крупными курганами из булыжника с земляной засыпью вокруг селений Зеюкова и Кызбуруна I, мелкими каменными курганчиками внутри – названных селений». Однако из-за скудности погребального инвентаря автор раскопок считал Заюковский могильник № 1 «низовым крестьянским кладбищем»⁵.

Футляр-амулетница из погребения 3 несколько не изменил мнения Б.Е. Дегена, хотя здесь же он приводит близкую аналогию из находок

Н.И. Веселовского «в Белореченском кургане № 1 при богатом мужском погребении, датированны XIV в.»⁶. Черта погребального обряда, по предположению Б.Е. Дегена, сближают Заюковский могильник № 1 с погребениями в курганах № 3 и 4 в Нальчике, исследованных Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК⁷, и в курганах на т.н. Кабардинской равнине под Пятигорском (раскопки Б.В. Лунина в 1926 г.⁸).

В погребальном обряде Б.Е. Дегеном прослежено как христианское влияние (положение покойников головой на З и лицом на В, применение гроба, остатки вертикального столба (могильного креста?) в ногах (т.е. на В) погребения 6)⁹, так и исламские черты (могилы с подбоем к Ю, небольшая глубина могил, находка футляра для молитв мусульманского типа в погребении 3). Автор раскопок справедливо выделяет «погребение старухи (№ 6), отличающееся от всех других большей глубиной и положением трупа на боку, лицом на Ю, в слегка согнутой позе, связывающейся с древним скорченным положением костяков; возможно, что здесь налицо более древний элемент могильника № 1 или хотя бы более архаичный обряд в погребении старой женщины»¹⁰.

А.А. Иессен писал о близости Заюковского могильника № 1 и соседнего могильника (№ 29¹¹) исследованного в 1933 г. и датирует их эпохой «около XV–XVI вв., близкой или несколько более поздней, чем дата известного Белореченского могильника ... близ г. Майкопа»¹². Он считал, что «Баксанская долина и в частности район сел. Заюково был по всем признакам заселен уже непосредственными предками современного кабардинского населения; известные сейчас памятники в виде многочисленных могильников как грунтового типа (№№ 29, 30, 52), так и состоящие из мелких курганов (№№ 36, 41, 50, 54, 55), можно датировать по имеющимся материалам эпохой примерно XIV в. и, еще более поздним временем»¹³.

Наиболее этнокультурно и хронологически близким Заюковскому I могильнику является могильник Сухая Балка на юго-западной окраине Владикавказа. Здесь в 1997 г. В.Л. Ростуновым было исследовано 9 захоронений¹⁴. Погребения бескурганные и также совершались под каменными вымостками в простых ямах и ямах с подбоями. В шести погребениях прослежены остатки деревянных гробовищ¹⁵. В женском погребении № 1 найдены две серебряные серьги, три перстня и серебряная амулетница шестигранной формы. Амулетница находилась в кожаном футляре с шерстяным шнурком. Предмет датируется Е.И. Нарожным не ранее XIV в.¹⁶ По мнению автора полной публикации, могильник Сухая Балка оставлен кочевниками, потомками монголов, «которые к XIV в. оказались в системе воздействующего влияния со стороны ислама»¹⁷.

Таким образом, рассмотрение материалов Заюковского I могильника из раскопок 1933-го и 1934 гг. и сравнение его с материалами могильника Сухая Балка позволяют прийти к следующим выводам:

1. Заюковский I могильник датируется XIV–XV вв. и в культурно-хронологическом отношении близок многочисленным курганным и бескурганным восточноадыгским могильникам среднего течения реки Баксан¹⁸;
2. Учитывая аналогии в Белореченском кургане и в погребении 1 некрополя Сухая Балка, нельзя согласиться с мнением Б.Е. Дегена о рядовом (крестьянском) социальном статусе Заюковского I могильника;
3. Справедливо замеченное Б.Е. Дегеном христианское и исламское влияние (при некоторых, более архаичных чертах) в погребальном обряде

Заюковского I могильника прослеживается и в других, вроде бы доисламских, погребениях восточных адыгов¹⁹;

4. Зафиксированные остатки деревянных столбов (могильных крестов?) в двух погребениях Заюковского I могильника в памятниках старокабардинской культуры и синхронных могильниках аналогий пока не находят;

5. Могильник Сухая Балка близ Владикавказа этнокультурно и хронологически близок Заюковскому I могильнику, и его вряд ли можно назвать кочевническим и тем более связывать с потомками монголов.

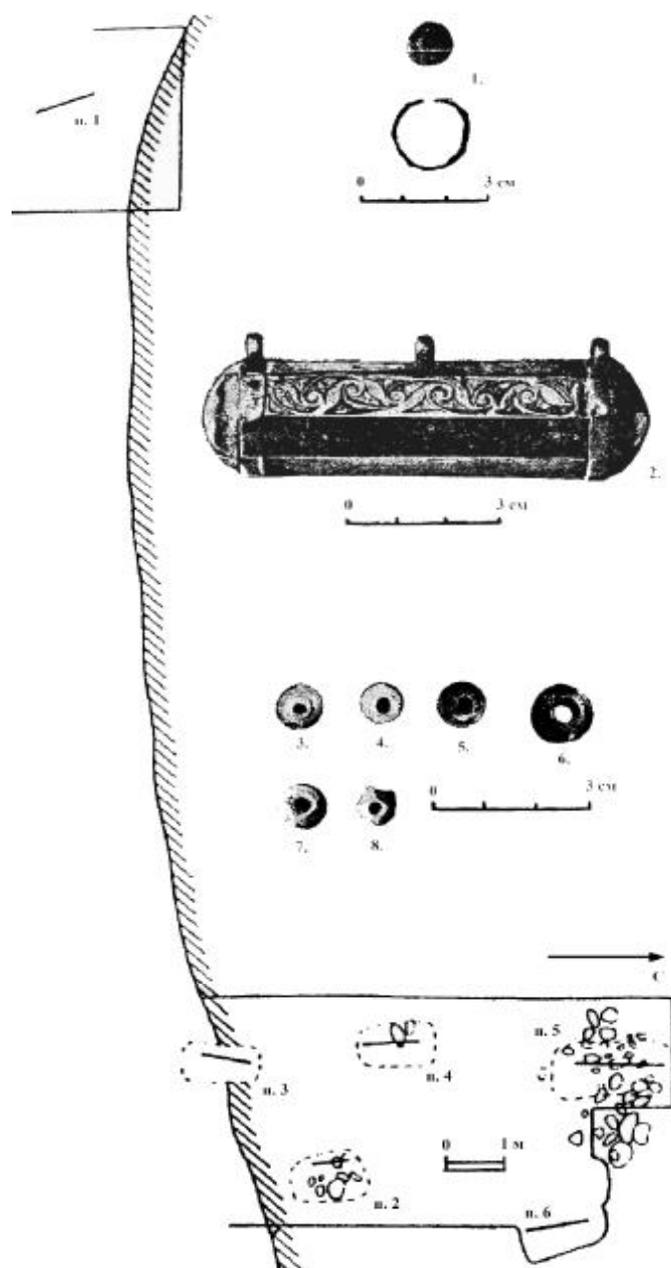

Рис. 1. План раскопов и находки на могильнике № 1 у сел. Заюково. Погребение 1 (1), погребение 3 (2, 3, 4), погребение 4 (5, 6, 7, 8, 9).

Примечания

1. Деген-Ковалевский (Деген) Борис Евгеньевич (1894–1941) – известный советский археолог и этнограф; ученик А.А. Миллера; сотрудник ГАИМК с 1933 г. В предвоенные годы активно работал по археологии бронзового и железного века, истории и этнографии Кавказа; 27 сент. 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика», умер в Ленинграде в начале блокады. См.: Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 344.
2. Иессен Александр Александрович (1896–1964) – крупный советский археолог, кандидат исторических наук, специалист по археологии и древней истории Кавказа и Причерноморья бронзового и раннего железного веков; ученик А.А. Миллера; с 1927-го по 1960 г. сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1929 г. сотрудник ГАИМК. См.: *Крупнов Е.И., Пиотровский Б.Б.* Памяти А.А. Иессена // Советская археология. М., 1965. № 1; Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 350.
3. *Деген-Ковалевский Б.Е.* Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы академии на новостройках в 1932–1933 гг. М.;Л., 1935. Т. 2. С. 11–12, 14.
4. *Он же.* Указ. соч. С. 15–17; Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.;Л.: Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, 1941. С. 233–234.
5. *Он же.* Указ. раб. С. 15.
6. Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1899. С. 18–19. Рис. 93 а, б, в.
7. *Деген-Ковалевский Б.Е.* Указ. соч. С. 17.
8. *Дунин Б.В.* Курганные могильники близ г. Пятигорска Терской области // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов н/Д., 1927. Кн. 1. Т. III. Вып. 2. С. 3–17.
9. В одном из погребений этого же могильника во время раскопок 1934 г. также были зафиксированы остатки деревянного столба, но «в головах» погребения. См.: Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. ... С. 234.
10. *Деген-Ковалевский Б.Е.* Указ. раб. С. 17.
11. Вероятно речь идет о практически полностью уничтоженном строителями в 1931 г. грунтовым могильнике № 2 у сел. Заюково (№ 12 по списку Б.Е. Дегена). См.: *Деген-Ковалевский Б.Е.* Указ. раб. С. 14.
12. Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. ... С. 234.
13. Там же. С. 233.
14. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005. С. 15–16, 21–42.
15. Там же. С. 150–153.
16. Там же. Средневековые кочевники... С. 92–93.
17. Там же. Средневековые кочевники... С. 200.
18. *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего Средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968; *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.
19. *Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И.* Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево 1» // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2007. Вып. 8. С. 204–205.

V.A. FOMENKO

THE CEMETERY OF XIV–XV CENTURY NEAR THE VILLAGE
OF ZAYUKOVO IN THE MIDDLE PART
OF THE BAKSAN RIVER BASIN

*(according to the materials the North Caucasian expedition organized by
the State Academy of the material culture history)*

In the years of 1933–1934 the archeological reconnaissance and excavations have been held under the direction of B.E. Degen and A.A. Jessen in the region of the Baksan Hydroelectric power station construction site. In the vicinity of the village of Zayukovo the late middle ages burial moundless cemetery has been partially excavated. From the ethnic, cultural and chronological point of view the closest to Zayukovo I cemetery is the Dry gauge cemetery in the outskirts of the city of Wladikawkaz.

Keywords: The North Caucasus, The Baksan river, the village of Zayukovo, the North Caucasian expedition organized by the State Academy of the material culture history, the XIV–XV centuries cemetery.

Сведения об авторах

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Бурков Сергей Борисович, СНС отдела систематизации археологических материалов ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А».

362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Тел. 8-928-098-80-42

E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Кодзоев Нурдин Даутович, ВНС Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

386001, г. Магас, пр. Зязикова, 4

Тел. 8-928-092-98-15

E-mail: fpniki@mail.ru

Озова Фатима Анатольевна, к.и.н., доцент, ВНС отдела истории и археологии народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского ордена «Знак почета» института гуманитарных исследований при правительстве КЧР.

369000, г. Черкесск, ул. Горького, 1 «А»

Тел. 8(87822)-26-42-05

E-mail: fo7799@rambler.ru

Остахов Анзор Александрович, к.и.н., преподаватель ГОБОУ МО КК «Североморский кадетский корпус».

184600, г. Североморск, Мурманская обл., ул. Восточная 11 А

Тел. 8 (81537) 4-80-20

E-mail: pochta@kadet51.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры культурологии и искусств ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Тел. 8-928-650-35-26

E-mail: z_proko_15@mail.ru

Соколова Алла Николаевна, д. искусствоведения, профессор Института искусств Адыгейского государственного университета.

385008, Майкоп, ул. Юннатов, 26, кв. 85

Тел. 8-903-466-14-57

E-mail: allasok@adygnet.ru

Туаллагов Алан Ахсарович, д.и.н., зав. отделом археологии ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и РСО-А».

362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Тел. 8(867 2) 53-69-61

E-mail: soigsi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., зав. сектором археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Details of the authors

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, doctor of historical sciences, head of archeology and ethnology department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Burkov Sergey Borisovich, senior research assistant of the Unit of Systematization of Archeological Materials of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania».

46 Vatutina Street
Vladikavkaz 362025
Ph. 8-928-098-80-42
E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Kodzoev Nurdin Dautovich, leading research fellow of the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch. Akhrieva.

4 Zyazikov Avenue
Magas 386001
Ph. 8-928-092-98-15
E-mail: fpniki@mail.ru

Ozova Fatima Anatolyevna, candidate of historical sciences, associate professor, leading research fellow at department of history and archeology of Karachay-Cherkessia peoples of the humanities under the government of Karachay-Cherkessian Republic.

Gorky str., 1'A'
Cherkessk, 369000
Tel.: 8 (87822) 26-42-05
E-mail: fo7799@rambler.ru

Ostakhov Anzor Alexandrovich, candidate of historical sciences, teacher of history of State Regional Budget Educational Institution of Murmansk region Severomorsk military school.

11 A avenue Vostochnaya
Severomorsk 184600
Ph. 8 (81537) 4-80-20
E-mail: pochta@kadet51.ru

Prokopenko Yuriy Anatolyevich, doctor of historical sciences, professor of department of cultural and arts of North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Street
Stavropol 355009
Ph. 8-928-650-35-26
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Sokolova Alla Nikolayevna. doctor of arts, professor of Institute of Arts of Adyghe State University.

Yunnatov str. 2-b, fl. 85
Maykop, 385008
Ph. 8-903-466-14-57
E-mail allasok@adygnet.ru

Tuallagov Alan Akhsarovich, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS and the Government of North Ossetia-Alania.

Mira avenue, 10
Vladikavkaz, 362040
Ph. 8 (8672) 53-69-61
E-mail: soigsi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, candidate of historical sciences, leader of archeology sector of Federal State Budgetary Science Establishment of Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Научное издание
**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA**

ВЫПУСК
5

Макет и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор
Л.О. Тамазова

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Подписано в печать 06.10.2015 г. Формат 70x108 ¹/₁₆. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 11,6. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 137

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
Ph.: 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru